
S 44/347

ЗАМѢТКИ ПО ИСТОРІИ

РУССКАГО ГОСУДАРСТВЕННАГО УСТРОЙСТВА

И

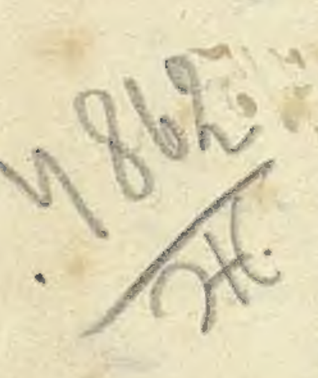
УПРАВЛЕНІЯ.

Д. Самоквасова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1870.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

ПЕЧАТНЯ В. ГОЛОВИНА,
у Владимірской церкви, домъ № 15,
кварт. № 8.

ЗАМѢТКИ ПО ИСТОРІИ РУССКАГО ГОСУДАРСТВЕННАГО УСТРОЙСТВА И УПРАВЛЕНІЯ.

I.

Современное состояніе вопроса о государственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ въ удѣльный періодъ древней Руси.

До половины девятаго столѣтія, Славяне, разбросанные на пространствѣ нынѣшней Европейской Россіи, жили отдѣльными племенами, подъ управленіемъ отдѣльныхъ властей, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, давшихъ, по сказанію Несторовой лѣтописи, имена народамъ, ихъ населявшимъ. Въ половинѣ девятаго столѣтія совершается важное событіе: Пріильменскіе Славяне соединяются съ сосѣдними племенами и призываютъ варяжскихъ князей. Вскорѣ союзная власть выказываетъ великую силу и мало по малу соединяетъ въ единый союзъ всѣ племена русскихъ Славянъ, подъ общимъ именемъ Русскихъ людей, и всѣ ихъ земли въ единую землю—Русь. Этимъ событіемъ опредѣляется весь дальнѣйшій ходъ нашей исторіи, а потому оно и обращаетъ на себя особенное вниманіе ученыхъ.

Много работала русская историческая наука надъ вопросомъ о призваніи Варяговъ Славянами; много писали, много спорили, съ разныхъ сторонъ разсматривали цѣль призванія, лицъ призвавшихъ и призванныхъ, и не смотря на то, результатовъ добыто немного. До сихъ поръ остаются темными вопросы: какіе народы участвовали въ призваніи Варяговъ? къ какому народу принадлежали призванные Варяги? съ какою цѣлью были призваны Варяги? Почти каждый изъ прежнихъ и современныхъ ученыхъ, касаясь упомянутыхъ вопросовъ, строитъ собственную теорію для разрѣшенія ихъ. Мы представимъ только малую часть изъ великаго множества примѣровъ. Такъ, относительно вопроса о племенахъ, призвавшихъ князей варяжскихъ, г. Соловьевъ, основываясь на словахъ лѣтописи, что въ половинѣ IX

столѣтія Варяги брали дань „на Чюди и на Словѣнехъ (Новгородцахъ), на Мери и на всѣхъ (Веси) Кривичѣхъ“ [1]), думаетъ, что всѣ упомянутыя племена должны были участвовать и въ призваніи Варяговъ. При этомъ г. Соловьевъ не слѣдуетъ древнѣйшему списку лѣтописи, слова которой мы привели, а подразумѣваетъ подъ словомъ „на всѣхъ“ финское племя Весь; подъ Чудью же онъ разумѣетъ не финское племя Чудь, а финское же племя Воть или Водь, жителей Водской пятины Новгородской области [2]). Г. Бѣляевъ думаетъ, что уже до призванія Варяговъ народы сѣвера и сѣверо-запада Россіи составляли громадный союзъ, и что Новгородцы, какъ старѣйшіе и начальные въ союзѣ, въ 862 году созвали въ Новгородѣ большое вѣче, на которое были приглашены Чудь и Кривичи, какъ болѣе сильные и важные члены Новгородскаго союза, и на немъ рѣшили сыскать князя [3]). Слѣдовательно, г. Бѣляевъ не признаетъ самостоятельнаго участія племенъ Мери и Веси въ призваніи князей [4]). Г. Костомаровъ совершенно исключаетъ Финновъ изъ союза племенъ, призвавшихъ русскихъ князей, и доказываетъ, что союзъ этотъ состоялъ „изъ народовъ наголо славянскихъ“. Но за то, какъ бы въ вознагражденіе союза за потерю народовъ финскаго происхожденія, г. Костомаровъ увеличиваетъ объемъ союза, доказывая участіе въ призваніи Варяговъ не только Славянъ-Новгородцевъ, но и всѣхъ Кривичей (Полочанъ и Смольнянъ) и даже *Полянъ* [5]). Выводы свои г. Костомаровъ, какъ и гг. Соловьевъ и Бѣляевъ, подтверждаетъ указаніями лѣтописи.

Лѣтопись тоже имѣетъ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ и даже не одно, а нѣсколько мнѣній. Такъ, въ ней говорится: „Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словѣнехъ, на Мери и на всѣхъ Крпвичѣхъ“; далѣе: „рѣша (при приглашеніи Рюрика) Руси Чюдь, Словѣни и Кривичи“ [6]). Слѣдовательно, призывали русскихъ князей только Чудь, Славяне и Кривичи. Но Руссы приняли предложеніе союза и явились въ числѣ трехъ братьевъ съ дружинами, и „Рюрикъ

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., I, Лаврент. л., подъ 6367 г.

[2]) Ист. Россіи, I, стр. 91 и 92 и примѣчаніе 151.

[3]) Разказы изъ русской исторіи, I, стр. 20.

[4]) Ср. Ист. Госуд. Рос., *Карамзина*, I, примѣчанія 271 и 275. Карамзинъ говоритъ, что «напрасно многіе воображаютъ Новгородъ уже великимъ и знаменитымъ прежде Рюрика», и «чтобы Весь и Чудь *тогда уже* зависѣли отъ Славянъ: тѣ и другіе, по извѣстію Нестора, искали государей: слѣдственно, они имѣли равныя права». См. также *Соловьева*, Ист. Россіи, I, примѣч. 158.

[5]) Сѣверно-русскія народоправства, I, стр. 15 — 21.

[6]) П. С. Р. Л., I, Лавр. л., подъ 6370 г.

сѣдѣ въ Новѣградѣ,... Синеусъ на Бѣлѣозерѣ,... Труворъ Изборьстѣ" [1]); слѣдовательно, и Весь участвовала въ призваніи, потому что Бѣлоозеро — городъ Веси [2]). Еще въ лѣтописи читаемъ: „И по тѣмъ городомъ суть находници Варязи; а перьвіи насельници въ Новѣгородѣ Словѣне, Полотьски Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣозерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома, и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ" [3]). Но лѣтопись не говоритъ о завоеваніи Муромы Рюрикомъ или его братьями, а за неимѣніемъ лѣтописныхъ указаній и мы не имѣемъ права заключать о завоеваніи Муромы; слѣдовательно, Мурома также участвовала въ призваніи Варяговъ, и т. д. Оставаясь вѣрнымъ лѣтописи, можно распространить союзъ народовъ, призвавшихъ русскихъ князей, до громадныхъ размѣровъ, что̀ и сдѣлали г. Бѣляевъ, относительно финскихъ племенъ, и г. Костомаровъ относительно славянскихъ. Но съ другой стороны, тоже на основаніи лѣтописи, можно и съузить этотъ союзъ до однихъ Пріильменскихъ Славянъ. По лѣтописи участвовали въ призваніи Кривичи; Кривичи раздѣляются на три вѣтви: Полочане по рѣкѣ Полотѣ, Смольняне въ верховьяхъ Западной Двины, Днѣпра и Волги, Сѣверяне по Деснѣ и Сулѣ. „И по сихъ братьи" [4]) — говоритъ лѣтопись — „держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ; въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане. Отъ нихъ же Кривичи, иже сѣдять наверхъ Волги и наверхъ Двины и наверхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленьскъ; туда бо сѣдять Кривичи, таже Сѣверъ отъ нихъ [5])". Что Смольняне не участвовали въ приглашеніи Рюрика, въ томъ согласны всѣ, кромѣ г. Костомарова, доказывающаго участіе Смольнянъ только тѣмъ, что они въ послѣдствіи какъ-то слишкомъ скоро и легко покорились Олегу [6]). Но это не доказательство. Участіе Полочанъ также сомнительно. Лѣтописецъ не называетъ ихъ въ числѣ народовъ, участвовавшихъ въ союзѣ; но предположимъ, вмѣстѣ съ г. Костомаровымъ, что они разумѣются лѣтописцемъ подъ именемъ Кривичей вообще [7]); тогда Полочане должны составлять часть Новгородскаго союза, отъ котораго ихъ отдѣленіе составило бы

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

[4]) Предъ этимъ въ лѣтописи говорилось о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ.

[5]) Тамъ же, стр. 5.

[6]) Свв. Русск. Народопр. I, стр. 20.

[7]) Тамъ же.

фактъ замѣтный. Между тѣмъ лѣтописецъ, упомянувъ, что Рюрикъ, въ числѣ посадниковъ въ разные города, послалъ посадника и въ Полоцкъ, не упоминаетъ за тѣмъ о судьбѣ Полоцка до 970 года, до отношеній Владиміра Святаго къ Рогвольду Полоцкому и его дочери [1]). Когда именно Полоцкъ отдѣлился отъ Новгорода и получилъ особаго князя, даже не Рюрикова дома, объ этомъ въ лѣтописи нѣтъ ни слова. Очень невѣроятно, чтобы Полоцкъ, будучи членомъ Новгородскаго союза и имѣя посадника отъ руки Рюрика, отдѣлился потомъ отъ владѣній Рюриковичей и подпалъ подъ власть чужихъ князей безъ всякихъ треволненій, тихо, такъ чтобы событіе это не обратило на себя вниманія. Прибавимъ къ этому, что по мнѣнію Карамзина, въ періодъ призванія Варяговъ, Смоленскъ и Полоцкъ были независимы отъ Новгорода и не принимали участія въ призваніи Варяговъ [2]). Но если Полочане и Смольняне не принимали участія въ приглашеніи Варяговъ, то какихъ же Кривичей разумѣетъ лѣтописецъ? По извѣстію лѣтописца, подъ Кривичами можно разумѣть только Полочанъ, Смольнянъ и Сѣверянъ; но что Сѣверяне не приглашали Варяговъ, въ томъ согласенъ и г. Костомаровъ. Возможность исключенія изъ Новгородскаго союза финскихъ племенъ вытекаетъ изъ указанныхъ мнѣній нашихъ ученыхъ, поочередно отвергшихъ всѣ племена финскія, указанныя лѣтописцемъ въ числѣ членовъ союза. Такимъ образомъ, вопросъ о племенахъ, призвавшихъ Варяговъ, еще не разрѣшенъ наукой и остается темнымъ.

Точно также раздѣляются взгляды ученыхъ и въ вопросѣ: кто были призванные? Въ лѣтописи Нестора читаемъ: „Идоша за море къ Варягомъ къ Руси, сице бо ся зваху тьи Варязи Русь, яко се друзіи зовутся Свое, друзіи же Урмане, Анъгляне, друзіи Гъте; тако и си. Рѣша Руси: «...поидѣте княжитъ и володѣти нами». И избрашася три братья съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь, и придоша“ [3]). Вотъ основное мѣсто лѣтописи, послужившее основаніемъ для многихъ мнѣній, различно рѣшающихъ вопросы: кто были Варяги-Русь, и откуда они пришли въ Новгородъ? Не считая множества, такъ-сказать, отпрысковъ системъ, различно рѣшающихъ вопросъ о происхожденіи Варяговъ, можно признать шесть главныхъ системъ.

I. Школа *скандинавская* выводитъ Варяговъ изъ Скандинавіи; такое мнѣніе существовало въ Россіи, если вѣрить шведскому исто-

---

[1]) П. С. Р. Л., I, Лавр. л. подъ 980 г.

[2]) Ист. Г. Р., I, стр. 69.

[3]) П. С. Р. Л., I, подъ 862 г.

рику Витекинду, за долго до главнаго основателя этой школы, Байера. По извѣстію Витекинда, описывавшаго войну Шведовъ съ Русскими во времена Лжедимитріевъ, архимандритъ Новгородскій Кипріанъ, депутатъ Новгорода, убѣждая бояръ Московскихъ избрать въ цари шведскаго принца Карла, сказалъ, что „и первый князь нашъ былъ изъ Швеціи". Слѣдственно, выводитъ отсюда Шлецеръ, „уже въ началѣ XVII вѣка сами Русскіе были увѣрены, что Несторъ именовалъ Варягами-Русью Шведовъ". „Но справедливо ли сіе обстоятельство?" спрашиваетъ Карамзинъ. „Витекиндъ могъ выдумать его", отвѣчаетъ онъ [1]).

II. Школа *славянская* считаетъ Варяговъ-Русь Прибалтійскими Славянами. Еще баронъ Герберштейнъ, посѣщавшій Россію въ царствованіе Василія Іоанновича, утверждалъ, что предокъ русскихъ государей былъ Славянинъ, приглашенный изъ той части балтійскаго поморья, которую Нѣмцы называли Вагріей. Затѣмъ, въ универсалѣ Богдана Хмѣльницкаго, гетмана Малороссіи (18-го мая 1648 года), говорится, что „древніе предки наши — валечные Руссы изъ Руссіи, отъ поморія Балтійскаго, пришли въ нашу землю".

III. Школа *пруссо-литовская* выводитъ русскихъ князей съ дружинами изъ пруссо-литовскаго міра; такое мнѣніе ведетъ свое начало также изъ древнихъ временъ. Еще царь Иванъ Грозный производилъ свой родъ отъ римскихъ императоровъ, опираясь на польскія сказанія, по которымъ Пруссъ, братъ императора Августа, пришелъ въ Литву и поселился здѣсь.

IV. Школа *финская* и *скандинаво-финская*, основанная Татищевымъ, признаетъ основателей русскаго государства Финнами. „Въ Финляндіи есть гора, называемая Русскою, и жители имѣютъ по большей части русые волосы: „отсюда"—заключаетъ Татищевъ—„Финны суть Руссы" [2]).

V. Ученіе Эверса выводитъ Русь отъ Чернаго моря, у котораго, задолго до призванія Рюрика въ Новгородъ, жили Руссы.

VI. Наконецъ, съ недавняго времени возникаетъ новая система, признающая Варяговъ-Русь сбродною дружиною, составившеюся изъ разныхъ народовъ. Варяговъ отыскивали вездѣ, между Нѣмцами, Скандинавами, Славянами, Финнами, но нигдѣ ихъ не нашли, и потому поставленъ вопросъ: не были ли Варяги сбродною дружиною, состоявшею изъ всѣхъ народовъ, между которыми искали Варяговъ-Русь?

---

[1]) Ист. Г. Р., I, пр. 108.

[2]) Исторія *Татищева*, I, стр. 390.

Имѣя въ виду такое разнообразіе мнѣній по вопросу о происхожденіи первыхъ русскихъ князей, нельзя не признать, что слова польскаго писателя Длугоша: „разногласіе писателей о происхожденіи Руссовъ только затемнило, а не разъяснило дѣло", вполнѣ примѣнимы и къ современному состоянію этого вопроса въ нашей наукѣ. Остановимся на немъ подолѣе и приведемъ различныя мнѣнія.

Основателемъ скандинавской школы былъ Нѣмецъ Байеръ, а главнымъ послѣдователемъ его, давшимъ школѣ твердыя доказательства, соотечественникъ Байера, Шлецеръ. Байеръ объявилъ, что предокъ русскихъ государей былъ не Славянинъ, а датскій или шведскій дворянинъ [1]). Этотъ выводъ свой Байеръ основалъ преимущественно на исландскихъ сагахъ: такіе храбрецы, какъ Снорровы герои, говоритъ онъ, не могли оставить въ покоѣ славянскій міръ, не могли не сдѣлаться русскими государями. Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ не могли быть Славянами, какъ думало большинство Русскихъ, а суть Скандинавы—Шведы или Датчане [2]). Построивъ такимъ образомъ догадку о скандинавскомъ происхожденіи русскихъ князей, Байеръ употребляетъ всѣ усилія филологической инквизиціи для доказательства своей догадки и всю систему древнихъ государственныхъ отношеній русскаго общества основываетъ на положеніи: „если Варяги изъ Скандинавіи, то"..... и т. д. Но значеніе исландскихъ сагъ, какъ достовѣрныхъ источниковъ, давно уже подвергнуто сомнѣнію изслѣдованіями Шлецера, Карамзина, Савельева-Ростиславича, Строева, Руссова и др. [3]). Шлецеръ прямо совѣтуетъ для уничтоженія безпорядка въ наукѣ навсегда выкинуть эти „бредни воображенія" изъ числа историческихъ источниковъ [4]). Далѣе, самъ Байеръ сознается, что „apud hos piratos (у Скандинавовъ) inauditum nomen Varagorum", съ чѣмъ согласенъ и скандинавскій ученый Тунманъ, утверждавшій, вмѣстѣ съ Байеромъ, скандинавское происхожденіе Варяговъ-Руси [5]). На это

---

[1]) Изслѣдованія Байера: 1) De Varagis и 2) De origine Russorum.

[2]) Ср. изслѣдованіе *Н. В. Савельева-Ростиславича*: «Варяжская Русь по Нестору и чужеземнымъ писателямъ» въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1845 г., т. 48, стр. 9 и слѣд.

[3]) *Шлецеръ,* Несторъ, переводъ *Языкова,* I, стр. 427; *Карамзинъ,* Ист. Г. Р., I, примѣч. 72; *Савельевъ-Ростиславичъ,* Варяжская Русь, стр. 28; *Строевъ,* Крит. взглядъ на сканд. саги, М. 1833, стр. 33; *Руссовъ,* О древней Россіи, новые толки и разборъ ихъ, и пр.

[4]) *Шлецеръ,* Несторъ, I, стр. 427.

[5]) Тамъ же, ч. I, стр. 325 и 327; *Савельевъ-Ростиславичъ,* Варяжская Русь, стр. 14 и 15.

обстоятельство очень разумно указалъ еще Ломоносовъ, говоря, что если бы Рюрикъ былъ призванъ изъ Скандинавіи, то „норманскіе писатели конечно бы сего знатнаго случая не пропустили въ исторіяхъ, для чести своего народа, у которыхъ оный вѣкъ, когда Рюрикъ призванъ, съ довольными обстоятельствами описанъ" [1]). Къ тому же Эверсъ показалъ, что въ самихъ скандинавскихъ сагахъ Веринги отличаются отъ Норманновъ-Скандинавовъ [2]). Такимъ образомъ, не смотря на всѣ усилія Байера уничтожить славянскую народность Варяговъ-Руси, явилось въ русской наукѣ слѣдующее положеніе, послужившее якоремъ спасенія древняго ученія о славянскомъ происхожденіи русскихъ князей: *Скандинавы знать не знали и вѣдать не вѣдали ни о Рюрикѣ, ни о его пришествіи въ Русскую землю.* Дѣйствительно, если Шведы никогда не называли себя Руссами, если въ Швеціи никогда не было ни области Варяжской, ни области Русской, если Скандинавы не знаютъ ни Рюрика, ни Руссовъ, вызванныхъ въ Новгородъ, — то не всѣ могли повѣрить Байеру, будто основатели Русскаго государства были Нѣмцы, датскіе или шведскіе дворяне. Филологическія доказательства Байера, подвергнувшія филологической пыткѣ имена Рюрика, Синеуса, Трувора и др., ничего не доказываютъ: самъ послѣдователь Байера, знаменитый Шлецеръ, сказалъ: „Если какое-либо слово не имѣетъ съ другимъ словомъ нужной созвучности, то его поднимаютъ на этимологическую дыбу и мучатъ до тѣхъ поръ, пока оно какъ будто отъ боли не закричитъ и не дастъ такого звука, какого хочется жестокому словопроизводителю" [3]). Не зная русскаго языка и русской этнографіи и отуманенный патріотизмомъ, Байеръ не можетъ считаться доброкачественнымъ истолкователемъ Нестора, и потому пора изслѣдователямъ русской старины покинуть устарѣвшія, негодныя нынѣ, Байеровы очки. Шлецеръ сказалъ о Байерѣ: „Непонятно, какъ этотъ великій изслѣдователь языковъ, столь много потѣвшій надъ китайскимъ, не учился по русски, почему и зависѣлъ всегда отъ неискусныхъ переводчиковъ и надѣлалъ важныхъ ошибокъ" [2]).

Мнѣнію Байера послѣдовали однако многіе, и прежде другихъ Миллеръ, сочинившій въ духѣ Байеровой теоріи рѣчь „О происхож-

---

[1]) Др. Россійская Исторія отъ начала росс. народа до кончины В. К. Ярослава I, соч. *Мих. Ломоносовымъ*, стр. 55 и 56.

[2]) Предв. крит. изслѣд. *Эверса*, перев. *Погодина*, I, стр. 29.

[3]) *Шлецеръ*, Несторъ, II, стр. 144.

[4]) Несторъ, I, введеніе, стр. рм.

ленія и имени Россійскаго народа“, до того не понравившуюся современнымъ автору русскимъ людямъ, что ее предали суду Академіи Наукъ и запретили уже по напечатаніи. Эта исторія такъ непріятно подѣйствовала на Миллера, что онъ заболѣлъ отъ безпокойства. Въ послѣдствіи Миллеръ согласился, что Варяги-Русь есть то племя, которое у географа Равеннскаго названо Роксоланами, населявшими горный берегъ Балтики при впаденіи Вислы въ море, чѣмъ и сблизился съ мнѣніемъ Ломоносова, признававшаго Варяговъ-Русь племенемъ славянскимъ, обитавшимъ на южныхъ берегахъ Балтійскаго моря; но вмѣстѣ съ тѣмъ признавъ эту южно-балтійскую Русь *за какое-то* племя скандинавское, Миллеръ остался послѣдователемъ Байеровой школы, „сдѣлавъ понятный шагъ отъ искомой истины“, по выраженію Максимовича [1]).

Затѣмъ, академикъ Струбе, бывшій однимъ изъ судей рѣчи Миллера, въ своей „Dissertation sur les anciens Russes“, является послѣдователемъ Байера относительно скандинавскаго происхожденія Рюрика съ братьями и дружиною; но родиной ихъ назначаетъ не Швецію или Данію, а Лапонію, страну по обѣимъ сторонамъ Ботническаго залива. Несторовы Варяги-Русь, говоритъ онъ, были Готы-Роксолане, жившіе между Балтійскимъ и Ледовитымъ моремъ въ землѣ, которая въ исландскихъ сагахъ называется Ризеландіей, страною великановъ. Этотъ выводъ Струбе основалъ на географіи Страбона и на одной шведской хроникѣ, сочиненной въ XVI вѣкѣ. Уже Карамзинъ былъ удивленъ мнѣніемъ Струбе и спрашивалъ: „Можно ли академику такимъ образомъ изъяснять Страбона, не имѣвшаго понятія о сѣверной Европѣ? Ризеландія (продолжаетъ Карамзинъ), земля великановъ, принадлежитъ къ баснословію исландскому: тамъ обитали не Варяги-Русь, а злые духи, оборотни, чудовища“ [2]). Для легчайшаго онѣмеченія Руси Струбе превратилъ даже славянскаго бога Перуна въ скандинавскаго Тора: Перунъ = Ферунъ = Терунъ = Теръ = Торъ. Очень логично и доказательно.

Струбе далъ ходъ мнѣнію о скандинаво-финскомъ или чудскомъ происхожденіи варяго-русскихъ князей, начало которому положено Татищевымъ, а дальнѣйшее развитіе принадлежитъ Болтину и Буткову. Эта школа, признавъ Русь въ древнихъ южно-балтійскихъ Роксоланахъ, сблизилась съ существовавшимъ до Байера мнѣніемъ о старо-

[1]) *Карамзинъ,* Ист. Госс. Росс. I, прим. 111. *Максимовичъ,* Откуда идетъ Русская земля, стр. 113.

[2]) Ист. Гос. Росс., I, прим. 113.

бытности Руси въ предѣлахъ славянскаго міра: по мнѣнію этой школы, варяжская Русь — Скандинаво-Финны, а южная и восточная Русь — чистые Финны [1]). Мы не будемъ останавливаться долѣе на ученіи финнистовъ и скандинаво-финнистовъ, какъ на школахъ, потерявшихъ уже научное значеніе и послѣдователей. Но не можемъ обойдти еще одного маститаго скандинависта — Шлецера, потому что авторитетъ его и до сихъ поръ многими изъ представителей нашей науки считается столь важнымъ, что по ихъ убѣжденію не соглашаться съ Шлецеромъ — значитъ идти ненаучнымъ путемъ.

Шлецеръ, какъ мы видѣли, относится къ изслѣдованіямъ своего предшественника весьма критически. Тѣмъ не менѣе основная мысль Байеровой теоріи ему понравилась, потому что льстила нѣмецкому самолюбію, выставляя еще новый примѣръ культурнаго значенія германскаго племени. Шлецеръ не могъ не привѣтствовать, съ великою радостью, догадку Байера о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ-Руси, какъ первичныхъ основателей Русскаго государства, чрезъ посредство Нѣмцевъ сдѣлавшее изъ дикихъ Славянъ настоящихъ общественныхъ людей [2]). Не бѣда, что по сознанію самихъ скандинавистовъ, имя Варяговъ было неизвѣстно въ Швеціи, что Шведы никогда не называли себя Руссами, и что въ Швеціи никогда не было Варяго-Руссовъ [3]): отысканъ шведскій Рослагенъ, и оттуда выведены Варяги-Русь, хотя этотъ «Rods-lagen» становится исторически извѣстнымъ только въ XIII вѣкѣ, спустя 400 лѣтъ послѣ призванія Рюрика, и по доказательствамъ барона Розенкампфа, нисколько не доказываетъ ни происхожденія, ни отечества Руссовъ [4]). Мало того: въ своемъ объясненіи Нестора, Шлецеръ высказываетъ слѣдующія, замѣчательныя по своей крайней исключительности, положенія:

„Германцы по сю сторону Рейна, а особливо Франки, назначены были судьбою въ обширномъ сѣверо-западномъ мірѣ разсѣять первыя сѣмена просвѣщенія... Скандинавы только съ помощію Германцевъ начали мало по малу дѣлаться людьми. Русская земля, до призванія Норманновъ, кажется, была забыта отъ отца человѣчества, ибо туда, въ суровый сѣверо-восточный край, по сію сторону Балтійскаго моря, за величайшею отдаленностью, не проникалъ еще ни одинъ Германецъ... [5]) Грубые Славяне жили разсѣянно на безмѣрномъ пространствѣ земли безъ всякаго сношенія и были возбуждены

[1]) Статья *Буткова* «О Руси и Рюсаландѣ» въ *Сынѣ Отечества* 1836 г., № 1.

[2]) *Шлецеръ,* Несторъ, II, стр. 178.

[3]) См. выше.

[4]) Вар. Русь *Савельева-Ростиславича,* I, стр. 19.

[5]) *Шлецеръ,* Несторъ. II, стр. 178—179.

отъ этой безчувственности страданіемъ отъ нападенія дерзкой шайки разбойниковъ (Норманновъ), и тутъ только стали разсуждать, и выгнавъ этихъ разбойниковъ и грабителей, Славяне, затѣмъ, сами пригласили ихъ снова къ себѣ въ ландманы или старшины...[1]) По смерти братьевъ, Рюрикъ ввелъ въ Россію феодализмъ, отдѣланный здѣсь не такъ хорошо и искусно, какъ въ другихъ земляхъ, и потому поглощенный здѣсь пучиною монархическаго деспотизма[2]). Такимъ образомъ началось Русское царство. Конечно, и до призванія Норманновъ въ Россіи были люди, Богъ знаетъ когда и откуда въ нее зашедшіе; но люди безъ правленія, жившіе подобно звѣрямъ и птицамъ, которые населяли ихъ лѣса, и ничѣмъ отъ нихъ не отличавшіеся"[3]).

Нужно было быть Нѣмцемъ-патріотомъ, чтобы рѣшиться высказать такія положенія, когда-то считавшіяся вполнѣ научными, истинными. Шлецеръ, положивъ въ основаніе своего ученія указанныя положенія, смотрѣлъ на факты несвободно и не могъ надлежащимъ образомъ истолковать Нестора. Усматривая во всѣхъ фактахъ древне-русской жизни нѣмецкія цивилизующія начала, Шлецеръ не могъ усмотрѣть и оцѣнить мѣстныхъ, народныхъ, славянскихъ началъ; а слѣдовательно, нельзя и согласиться съ увѣреніями прежнихъ и новыхъ скандинавистовъ, опирающихъ свои теоріи на изслѣдованія Шлецера, будто „Шлецеръ объяснилъ Нестора такъ, что противорѣчить ему значитъ противорѣчить нашей собственной древнѣйшей лѣтописи". Доказательства Байеро-Шлецеровой теоріи уже потеряли научное значеніе. Для доказательства, напримѣръ, грубости и дикости Новгородскихъ Славянъ, призвавшихъ себѣ въ князья морскихъ разбойниковъ и грабителей, Шлецеръ прибѣгнулъ къ пути филологическому. По его мнѣнію, грубость Новгородцевъ видна изъ того, что всѣ ихъ начальники, *бояре*, были очень глупы, отъ чего будто бы и получили свое названіе: ибо слово *бояринъ* произошло отъ слова *баранъ*, принятаго въ смыслѣ глупца; вслѣдствіе той же глупости нѣмецкія слова *Kerl* (мужикъ) и *Knecht* (холопъ) получили въ славянскомъ языкѣ значеніе короля и князя и т. д.[4]). Трудно не согласиться съ Савельевымъ-

[1]) Тамъ же, I, стр. 305 и 357; II, стр. 168 и 180.

[2]) Тамъ же, стр. 357; II, стр. 7.

[3]) Тамъ же, I, стр. 419—420; слова Шлецера приведены нами съ нѣкоторыми сокращеніями. Ср. *Шафарикъ*, Слав. Древн., III, стр. 292; *Бѣляевъ*, Разсказы изъ русской исторіи, I, глава I. Шафарикъ говоритъ (въ письмѣ къ Погодину): «Греками и Римлянами наши предки не были, не ходили ни въ какой театръ, не читали никакого Платона, но такими дикими варварами и каннибалами, какими изображаютъ ихъ нѣкоторые писатели, они также не были».

[4]) См. возраженія Ломоносова противъ Шлецера въ Очеркахъ Россіи, II, стр. 46.

Ростиславичемъ, что Шлецерова теорія русской древней исторіи, опираясь на Нестора, въ сущности противоположна Несторовой лѣтописи и противорѣчитъ наблюденіямъ филологіи надъ славянскими языками [1]).

Байеро-Шлецеровская школа поддерживаетъ свое ученіе о происхожденіи Варяговъ-Руси слѣдующими доказательствами: 1) По извѣстіямъ лѣтописи, въ половинѣ IX столѣтія, Варяги овладѣли странами Чуди, Славянъ, Кривичей и Мери; но какъ въ то время не было на сѣверѣ, кромѣ Скандинавовъ, никакого другаго народа, столь отважнаго и сильнаго, чтобы завоевать всю обширную землю отъ Балтійскаго моря до Ростова, то ужь изъ этого съ великою вѣроятностію заключить можно, что лѣтописецъ нашъ подъ Варягами разумѣетъ Норманновъ-Скандинавовъ. Кромѣ того, 2) имена трехъ князей варяжскихъ Рюрика, Синеуса и Трувора, призванныхъ Славянами и Чудью, суть неоспоримо норманскія; 3) русскіе Славяне, будучи подъ владѣніемъ князей варяжскихъ, назывались въ Европѣ Норманнами; 4) цари греческіе имѣли въ XI вѣкѣ особыхъ тѣлохранителей, которые назывались *Варягами* и состояли большею частію изъ Норманновъ; 5) Константинъ Багрянородный, описывая сосѣднія съ его имперіей земли, говоритъ о порогахъ Днѣпровскихъ и сообщаетъ имена ихъ на славянскомъ и русскомъ языкахъ; эти русскія имена кажутся скандинавскими; 6) законы, данные варяжскими князьями нашему государству, весьма сходны съ норманскими (шведскими, датскими); слова *тіунъ, вира*, и проч., находящіяся въ Русской Правдѣ, суть древнія скандинавскія или нѣмецкія; 7) самъ Несторъ повѣствуетъ, что Варяги живутъ на морѣ Балтійскомъ къ западу, и что они разныхъ народовъ: Урмяне, Свіе, Англяне, Готы; 8) въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ говорится, что Рюрикъ пришелъ изъ *Нѣмецъ*: слѣдственно, Варяго-Руссы были Нѣмцы; 9) литовскія племена называютъ Русскихъ Guddus, Gudds, а это имя напоминаетъ шведскую область Готландію; 10) у Исландца Снорро въ одной сагѣ Россія названа Великою Швеціей или Свеоніей; слѣдственно, древніе Руссы были Свеи; 11) Луитпрандъ, епископъ Кремонскій, находившійся въ Царѣградѣ при нашествіи Игоря, пишетъ, что Руссовъ по мѣстоположенію называютъ Норманнами [2]).

Опровергая эти доказательства скандинавистовъ, славянистъ Савельевъ-Ростиславичъ говоритъ:

---

[1]) См. *Савельевъ-Ростиславичъ*, Варяжская Русь, IV, стр. 41—52.

[2]) *Карамзинъ*, Ист. Г. Р., I, стр. 27, 28 и 29; *Струбе*, Dissertation sur les anciens Russes; *Шлецеръ*, Несторъ, и пр.

„Единство мнѣній — отличительный признакъ истины: это неоспоримо. Защитники мнѣній Байера о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ-Руси утверждаютъ, что истина на ихъ сторонѣ; спросимъ же ихъ: гдѣ была отчизна Рюрика и его Варяжской Руси? «Въ Швеціи, на Упланскомъ берегу, въ Рослагенѣ», отвѣчаетъ Шлецеръ. «Въ южной Даніи или Ютландіи, гдѣ есть Розовая волость (Rosengau), либо въ норвежской Вермеландіи, гдѣ жилъ королекъ Hogni, котораго имя похоже на титулъ русскихъ южныхъ государей, именовавшихся каганами», отвѣчаетъ г. Крузе. «Въ Фрисландіи, потому что тамъ было графство Hriustri, позднѣйшій Rustringen», отвѣчаетъ г. Гольманъ. «Въ южной Россіи, на Дону, ибо эта страна въ сагахъ называется Великою Свеоніей», отвѣчаетъ г Нейманъ. «Въ Пруссіи надъ Нѣманомъ, который назывался и Руссою», отвѣчаетъ авторъ книги «Россія» [1]). «На Ферейскихъ островахъ», думалъ нѣкогда А. Ѳ. Вельтманъ, обратившійся потомъ къ ученію древней русской Несторовской школы славянистовъ, и т. д. Гдѣ же отчизна Рюрика?" [2])

Дѣйствительно, при шаткости доказательствъ скандинавистовъ при ихъ разногласіи о мѣстѣ родины Рюрика, не трудно понять, почему, не смотря на всѣ ихъ усилія вывести Варяговъ-Русь изъ скандинавскаго племени, школа славянистовъ не была окончательно задавлена и имѣетъ надежду на окончательную побѣду, хотя въ настоящее время бо̀льшая часть представителей русской науки принадлежитъ къ Байеро-Шлецеровской школѣ. Но въ настоящее время и славянисты не отличаются единствомъ мнѣній. Такъ, Савельевъ-Ростиславичъ думаетъ, что Варяги-Русь были племя славянское и пришли въ землю также славяно-русскую, которая всегда называлась Русью, Россіей, что на всемъ пространствѣ Европейской Россіи, отъ Чернаго моря до Ладожскаго озера, обитателями Руси всегда были Русскіе и призывали къ себѣ князей единоплеменниковъ, русскихъ же, съ южнаго Балтійскаго поморья, искони заселеннаго славяно-русскимъ народомъ, *сербскаго племени*, родственнымъ съ нашею волжскою, днѣпровскою, ильменскою Русью. Въ доказательство вѣрности своего взгляда, Савельевъ-Ростиславичъ приводитъ свидѣтельство лѣтописи и слѣдующія признанія самихъ скандинавистовъ: 1) Имя Varengi, Veringi, Варяги до 1040 года не было извѣстно Скандинавамъ и есть слово, чуждое скандинавскому языку [3]). 2) Имя Варяги правильно объясняется только славяно-русскимъ языкомъ и происходитъ отъ

[1]) Это сочиненіе издано подъ именемъ Ѳ. Булгарина; но извѣстно, что авторъ исторической части его былъ Н. А. Ивановъ.

[2]) Варяжская Русь, стр. 1.

[3]) *Сенковскій* въ *Библіотекѣ для Чтенія*, т. II, отдѣлъ наукъ и художествъ, стр. 50, примѣч. 4.

корня *варяю*, означая скорыхъ пловцевъ [1]). 3) Арабы сохранили свидѣтельство, что Варяги суть Славяне изъ Славянъ [2]). 4) Въ призваніи варяго-русскаго князя Рюрика участвовали племена Русскихъ, но и на югѣ (по Днѣпру) и на востокѣ (по Волгѣ) жили также Руссы, извѣстные древнимъ подъ именемъ Роксолановъ, Русацевъ [3]). Вообще съ незапамятной древности наше отечество было населено Руссами [4]). 5) За 200 лѣтъ до Рюрика нашъ *русскій* флотъ помогалъ на Черномъ морѣ Болгарамъ противъ Грековъ [5]). 6) Имя Руси встрѣчается въ славянскихъ земляхъ и за предѣлами Русскаго государства [6]).

Г. Гедеоновъ доказываетъ, что подъ Варягами-Русью должно разумѣть не одинъ народъ, а два; что названіе земли Русской принадлежало только Кіеву и землѣ Кіевской, а Варягами Славяне-поморцы, жившіе на берегу Балтійскаго моря, воевавшіе и союзившіе съ Норманнами, называли морскихъ воителей, своихъ и чужихъ, которыхъ Норманны обыкновенно называли викингами; что имя Варяговъ сдѣлалось извѣстнымъ у Новгородцевъ посредствомъ поморскихъ поселеній; наконецъ, что Кіевъ со всею окрестностью, равно какъ и прочія сопредѣльныя страны, населенныя славянскими племенами, имѣли одно общее имя Руси, которое принимали и пришельцы, а потому и князья Кіевскіе, Славяне, приняли также имя туземной Руси, и т. д. [7]).

Г. Костомаровъ выводитъ русскихъ князей изъ русско-литовскаго міра.

„Варяги"—говоритъ онъ — „есть составленное по славянски скандинавское слово Vaeringiar, а у Скандинавовъ это слово есть переводъ греческаго слова φοιδεράτοι, что значитъ союзники, присяжные воины, ... наемныя дружины, служившія у римскихъ, потомъ у византійскихъ императоровъ. Съ IX вѣка начали въ Византійской имперіи появляться въ рядахъ этихъ служилыхъ иноземцевъ Скандинавы, или Норманны, которые и перевели на свой языкъ греческое слово φοιδεράτοι словомъ Vaeringiar. Оно въ скандинавскихъ сагахъ появляется подъ 1010 годомъ...... Русскіе, ознакомившись съ жителями прибалтійскаго прибрежья, въ лицѣ проходившихъ чрезъ ихъ земли Варяговъ (служившихъ въ Греціи), стали (означать этимъ именемъ) не одинъ какой-либо народъ, а неопредѣленную массу народовъ, жившихъ при морѣ

---

[1]) *Кругъ* въ *Чтеніяхъ Имп. Ак. Наукъ* 1829 и 1830 г., ч. I, стр. 10, 12, и 14.

[2]) См. арабскія извѣстія у *Френа* и *Шармуа*.

[3]) *Бутковъ* въ *Сынѣ Отечества*, за 1836 г., I, ст. о Руси и Рюсландѣ.

[4]) Прот. *Сабининъ* въ *Журн. Мин. Нар. Прос.*, 1837 г., т. XVI, стр. 71.

[5]) *Крузе* въ *Журн. Мин. Нар. Прос.*, 1838 г., ч. XVII, стр. 521 и 528.

[6]) *Куникъ*, Die Berufung der schwedischen Rodsen.

[7]) Отрывки изъ изслѣдованій о происхожденіи Варяговъ-Руси, въ приложеніи къ I, II и III тому *Зап. Акад. Наукъ*, 1863 г.

Балтійскомъ, получившемъ у Русскихъ названіе Варяжскаго. . . . . Скоро значеніе „варяжскаго" стало еще обширнѣе: римско-католическая вѣра называлась „варяжскою"; католическая церковь носила названіе варяжской божницы, римско-католическій священникъ — назывался „варяжскій попъ". Отсюда, слово Варяги у лѣтописца имѣетъ то значеніе, какое оно имѣло въ эпоху составленія лѣтописи, а не значеніе IX вѣка, къ которому относятся описываемыя лѣтописцемъ событія. Въ договорахъ Олега и Игоря нѣтъ слова „Варяги", и понятно почему: составлявшіе этотъ договоръ не были Варяги. Въ послѣдствіи, и страны славянскія причислялись къ поморью Варяжскому, а первоначально подъ Варягами разумѣли Русскіе Славянъ, обитателей береговъ Варяжскаго моря, то-есть, прибалтійцевъ. Въ XI же, XII и XIII вѣкахъ, слово „Варягъ" значило въ нѣкоторомъ смыслѣ (?) то же, что теперь слово „Нѣмецъ" у простолюдиновъ, означающее вообще западнаго Европейца, или Черкесъ, въ смыслѣ жителя Кавказскихъ горъ, хотя подъ этими именами могутъ скрываться разноплеменные народы. Варяговъ, по лѣтописи, было много родовъ: одни назывались Русь, другіе Свое, третьи Урмяне, четвертые Готы. Можетъ-быть, въ головѣ лѣтописца хъ было и болѣе, но онъ не счелъ нужнымъ ихъ пересчитывать, потому что только-что приведенные указаны имъ только для примѣра, чтобъ отличить Русь отъ другихъ Варяговъ. Варяги, изгнанные изъ русскаго материка и Варяги-Русь не одно и то же: изгнанные народами сѣверной Россіи были Скандинавы, и именно Шведы, какъ доказываютъ Новгородское преданіе, скандинавскія саги и свидѣтельство Ринберга; призванные же Варяги отличаются лѣтописцемъ названіемъ Русь, и слѣдовательно, ихъ нужно искать въ томъ народѣ, который носитъ названіе „Руси". Мы находимъ, дѣйствительно, это названіе на берегу Балтійскаго моря, при устьѣ Нѣмана, которое и до сихъ поръ сохранило названіе „Русь", и сохраняло его въ древности, по свидѣтельствамъ Адама Бременскаго, Титмара, Виберта, автора житія св. Антонія Сійскаго. Что за нижнею частію Нѣмана названіе Русь принадлежитъ глубокой древности, на это указываетъ и названіе Пруссіи, которое есть сокращеніе слова Поруссія, то-есть, страна, лежащая по рѣкѣ Русѣ, названная такъ Славянами. Притомъ, многія имена пришельцевъ въ Россію въ договорахъ Олега и Игоря походятъ на собственныя имена людей и мѣстностей литовскаго міра, и нѣкоторыя изъ нихъ обличаютъ происхожденіе отъ литовскаго корня. Немаловажнымъ подтвержденіемъ вѣроятности происхожденія призванныхъ Варяговъ изъ прусско-литовскаго міра служитъ также существованіе части Прусской улицы въ Новгородѣ и этнографическое названіе ея обитателей — Пруссы, которые составляли въ Новгородѣ аристократическую стихію. Наконецъ, побуждаетъ къ признанію Варяговъ литовскимъ племенемъ и древнее преданіе, существовавшее изстари, записанное во многихъ хронографахъ XVI и XVII вѣковъ и утверждающее, что призванные Варяги пришли изъ Пруссіи. Во всякомъ случаѣ гипотеза о прусско-литовскомъ происхожденіи русскихъ князей намъ кажется вѣроятнѣе всѣхъ другихъ" [1]).

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы сказать, что славя-

---

[1]) Сѣверно-русскія народоправства, ч. I, глава II, стр. 21—28 включительно; слова г. Костомарова приведены нами съ небольшими сокращеніями.

нисты противорѣчатъ не только скандинавистамъ, но и между собою. Въ новѣйшее время славянисты пріобрѣли очень важный аргументъ въ пользу своей теоріи славянскаго происхожденія русскихъ князей; а именно, изслѣдованія государственнаго и общественнаго быта древней Россіи доказываютъ, что и въ гражданской, и въ государственной сферахъ древняго быта нашихъ предковъ не замѣчается, по сознанію самихъ скандинавистовъ, того нѣмецкаго вліянія, о которомъ такъ много распространялась Байеро-Шлецеровская школа; явленіе дѣлается непонятнымъ, если допустить гипотезу о скандинавскомъ происхожденіи Рюрика, его братьевъ и дружины [1]).

Но не смотря на всѣ доказательства славянистовъ, мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ-Руси, какъ сказано, и въ настоящее время можно считать преобладающимъ въ громадномъ большинствѣ представителей не только нѣмецкой, но и русской науки.

Скандинавистъ г. Бѣляевъ думаетъ, что „выборъ Новгородскаго вѣча палъ на Варяговъ-Русь, племя, жившее *по обѣимъ сторонамъ Ботническаго залива*" [2]). Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, по мнѣнію г. Бѣляева, суть варяго-русскіе князья, прибывшіе въ 862 году по приглашенію въ Новгородъ *изъ Скандинавіи*. А въ выноскѣ къ этому мѣсту г. Бѣляевъ прибавляетъ: „Варяго-русскіе князья были Скандинавами, или Норманнами, на что̀ мы имѣемъ множество свидѣтельствъ и своихъ, и чужеземныхъ, относящихся къ IX, X, XI вѣкамъ, свидѣтельствъ, которыхъ ясность и достовѣрность не подлежитъ сомнѣнію и спору (?), такъ что *мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ-Руси въ нашей исторической литературѣ получило вполнѣ заслуженный авторитетъ и обратилось почти въ аксіому* (?), утвержденную всею исторіей Варяго-Руссовъ и Скандинавовъ. Но въ недавнее время явилась новая теорія происхожденія Варяговъ-Руси, утверждающая, что Варяги-Русь происходятъ изъ Литвы, именно изъ литовскаго племени Жмуди... Но ни лѣтописецъ Несторъ, ни другіе древніе писатели не относятъ литовскихъ племенъ къ Варягамъ; а Русь, приглашенная Новгородцами, у Нестора именно названа Варягами-Русью и отнесена къ скандинавскому племени; вотъ слова Нестора: „сіи называются Варягами-Русью, какъ другіе называются Шведами, иные Урманами, иные Англянами, иные Готами" [3]).

[1]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. I, последнее примѣчаніе.

[2]) Разказы изъ Русской Исторіи, I, стр. 21.

[3]) Тамъ же, II, стр. 217, 218. Ср. выше указанное, весьма замѣчательное изслѣдованіе г. Гедеонова.

Г. Соловьевъ утверждаетъ, что въ жизни древняго русскаго общества не видно того вліянія Норманновъ, которое было бы замѣтно при скандинавскомъ происхожденіи основателей Русскаго государства, но тѣмъ не менѣе признаетъ за Рюрикомъ, его братьями и дружиною скандинавское происхожденіе и даже считаетъ неумѣстнымъ стремленіе къ опредѣленію народности основателей Русскаго государства на томъ основаніи, что этотъ вопросъ сдѣлался будто бы для науки неважнымъ (?) [1]. Какіе же вопросы важны для науки? Какъ бы то ни было, но вопросъ о происхожденіи Варяго-Руссовъ, Рюрика, Синеуса, Трувора и ихъ дружины еще не рѣшенъ наукой окончательно. Одна возможность появленія въ новѣйшее время долгаго, серіознаго, научнаго спора, въ которомъ и до сихъ поръ не сошлись спорящіе, доказываетъ всю эластичность вопроса, и многимъ приходится принять то и другое рѣшеніе его на вѣру. Споръ гг. Погодина и Костомарова зашелъ далеко за предѣлы лѣтописи, повлекъ за собою искаженіе указаній источниковъ и остановился только у пункта, гдѣ согласились въ неважности для науки самого спорнаго вопроса. Такимъ образомъ, и къ современному рѣшенію вопроса о народности русскихъ князей, не смотря на множество ученыхъ изысканій, должно приложить стихъ нашего баснописца Крылова:

Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ?
Судить не намъ, да только возъ и нынѣ тамъ.

Непріятно высказать такую истину, но что дѣлать? Полезнѣе и во всѣхъ отношеніяхъ лучше сознаться въ недостаткѣ средствъ къ рѣшенію данныхъ вопросовъ, чѣмъ дѣлать уклончивые выводы.

Но если въ разрѣшеніи вопросовъ: кто призвалъ Варяговъ и кто были призванные, замѣчается разномысліе ученыхъ, то въ вопросѣ о цѣли призванія оно замѣтно еще болѣе. Это и понятно: тамъ наука имѣла дѣло съ вполнѣ реальнымъ фактомъ: Славяне, Кривичи, Чудь, Меря, Весь, Варяги, Норманны, Скандинавы, Финны, Руссы, Пруссы и т. д., все это не отвлеченныя понятія, а дѣйствительность, народы, имѣвшіе же какія-нибудь отношенія къ сосѣдямъ, записавшимъ эти отношенія, народы, оставшіеся и потомъ на сценѣ исторіи, относительно которыхъ можно руководиться не однимъ преданіемъ, но и историческими фактами; вопросъ же о цѣли призванія Варяговъ основывается почти единственно на словахъ нашего лѣтописца, на его отвлеченныхъ понятіяхъ о родѣ, князѣ, порядкѣ, княженіи, владѣніи, правленіи,

[1] Исторія Россіи, I.

правдѣ. Вотъ слова лѣтописи о цѣли призванія Рюрика: „Изгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами въ себѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: *поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву*". Послѣ этого, говоритъ лѣтописецъ, послы отправились къ Варягамъ и сказали имъ: „Вся земля наша велика и обильна, *а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжить и володѣти нами*" [1]). Повидимому, все это очень просто и ясно, а между тѣмъ эти немногія слова породили громадное количество изслѣдованій, разсужденій, споровъ, изысканій, и въ концѣ концевъ мы все-таки не знаемъ, что̀ должно разумѣть подъ загадочными словами: „поидѣте княжить и володѣти нами", или лучше сказать, каждый самостоятельный изслѣдователь разумѣетъ ихъ по своему. Представимъ примѣры.

Карамзинъ, въ примѣчаніяхъ къ первому тому своей „Исторіи Государства Россійскаго", говоритъ:

„Миллеръ думалъ, что Славяне и Финны звали Варяговъ *не для правленія, а единственно для защиты границъ своихъ владѣній, и что Рюрикъ былъ похитителемъ власти.* Но ясныя слова лѣтописца: «да поидѣте княжить и володѣти нами», опровергаютъ сіе мнѣніе. Не внѣшніе враги, счастливо изгнанные Славянами, а *внутренніе безпорядки принудили ихъ искать князей за моремъ;* слѣдственно, они хотѣли властителей: ибо одна гражданская власть могла пресѣчь зло неустройства и безначалія. Такъ ли было дѣйствительно, не знаемъ; но такъ говоритъ лѣтописецъ. Истину знали вѣрно одни современники" [2]).

Изъ современныхъ ученыхъ, г. Соловьевъ, оставаясь вѣрнымъ своей теоріи родоваго быта Славянъ, который, по его мнѣнію, и въ періодъ призванія Варяговъ, обусловливалъ вражду между родами, говоритъ:

„При столкновеніяхъ между родами, рѣшителями споровъ долженствовали быть старшины родовъ. Но старшины не могли рѣшать споровъ безпристрастно. Отсюда: кто будетъ посредникомъ въ распрѣ между старшинами? Для рѣшенія вопроса родъ долженъ встать на родъ, и сила должна утвердить право. Роды, столкнувшіеся на одномъ мѣстѣ, должны были искать силы, которая внесла бы къ нимъ миръ, нарядъ, должны были искать правительства, которое было бы чуждо родовыхъ отношеній, посредника въ спорахъ безпристрастнаго, однимъ словомъ, *третьяго судью*, а такимъ могъ быть только князь изъ чужаго рода. *Установленіе наряда*, нарушеннаго усобицами родовъ, *было главною, единственною цѣлью призванія князей*" [3]).

---

[1]) П. С. Р. Л., I, Лавр. л. подъ 862 г.

[2]) Исторія Госуд. Россійскаго, I, примѣчаніе 276.

[3]) Исторія Россіи, I, стр. 93.

Г. Костомаровъ выводитъ цѣль призванія Варяговъ изъ родоваго быта и необходимости союза славянскихъ народовъ вмѣстѣ:

„Сознавая необходимость союза, собрались въ Новгородѣ люди изъ союзныхъ народовъ и порѣшили, для управленія и установленія порядка, призвать лица изъ такого народа, который не участвовалъ въ домашнихъ распряхъ... И такъ какъ союзники составляли не одинъ народъ, а нѣсколько, то они и призвали не одного князя, а трехъ (?); призванные князья — это третейскій судъ“ [1]).

Г. Костомаровъ обращаетъ мимоходомъ вниманіе и на слова лѣтописи: „по праву“ и продолжаетъ:

„Призывавшіе князей народы не отдавались имъ безусловно, но приглашали княжить и владѣть по праву. Прежняя автономія народной независимости и народнаго самоуправленія, выразившаяся понятіемъ о землѣ (?), не уничтожилась отъ этого призыва“ [2]).

Г. Бѣляевъ, оставаясь вѣрнымъ своей теоріи общиннаго быта Новгородской волости, условливавшаго союзныя отношенія въ эпоху призванія князей, идетъ въ пониманіи лѣтописца еще далѣе:

„Новгородское вѣче“ — говоритъ онъ — „порѣшило для прекращенія междоусобій, раздиравшихъ Новгородскую землю, призвать князей, которые бы пришли къ нимъ на условіяхъ, предложенныхъ Новгородомъ. Условія, принятыя Рюрикомъ, состояли въ слѣдующемъ: чтобы князь судилъ и управлялъ Новгородомъ по исконнымъ обычаямъ Новгорода и по взаимному согласію съ земскимъ Новгородскимъ правительствомъ. Новгородъ же уступаетъ за это свои пригороды, съ прилежащими къ нимъ областями: Рюрику—Ладогу, Синеусу — Бѣлоозеро и Трувору—Изборскъ; въ самомъ же Новгородѣ и въ другихъ Новгородскихъ владѣніяхъ управленіе, по прежнему, остается за Новгородскимъ вѣчемъ и выборными отъ него властями, а князьямъ съ этихъ областей будетъ идти опредѣленный доходъ“ [3]).

---

[1]) Сѣверно-русскія народоправства, I, стр. 29.

[2]) Тамъ же, стр. 20 и 30. Тутъ же г. Костомаровъ высказываетъ мысль, развитую г. Сергѣевичемъ въ его книгѣ «Вѣче и Князь», но правду сказать, не очень для насъ понятную, или по крайней мѣрѣ, не вытекающую изъ источниковъ, будто бы «изъ княженія и владѣнія по праву» возникло то двоевластіе, то существованіе рядомъ другъ съ другомъ двухъ верховныхъ политическихъ силъ — земской или вѣчевой и княжеской, «чѣмъ такъ отличается древняя исторія Руси вообще, и Великаго Новгорода въ особенности». Если г. Костомаровъ хотѣлъ сказать этимъ, что въ древней Россіи отношенія между обществомъ и государствомъ были не такъ ясно опредѣлены, какъ въ современныхъ европейскихъ государствахъ, то его слова совершенно справедливы; но тогда древняя исторія Руси вообще, и Великаго Новгорода въ особенности, не отличается отъ древняго періода исторіи другихъ европейскихъ государствъ. Если же подъ политическимъ двоевластіемъ, признаваемымъ гг. Костомаровымъ и Сергѣевичемъ, должно разумѣть двѣ равныя политическія силы, то это, какъ мы надѣемся доказать въ послѣдствіи, противорѣчитъ источникамъ.

[3]) Разказы, II, стр. 196 и 197.

Все это, по мнѣнію г. Бѣляева, заключается въ словахъ: „пойдѣте княжить и володѣти... по праву“, потому что кромѣ этихъ словъ въ лѣтописи ничего не говорится о договорѣ и условіяхъ Новгородцевъ съ Рюрикомъ [1]).

Г. Погодинъ также имѣетъ свое особое мнѣніе о цѣли призванія князей:

„Главная цѣль Новгородцевъ“—говоритъ онъ—„была имѣть защитниковъ отъ Варяговъ, которые всегда могли грозить ихъ землѣ. Прекратить междоусобіе — это была временная нужда, а безопасность всегдашняя... Слѣдовательно, *единственная цѣль призванія — необходимость имѣть защитника, воеводу, а не правителя и судью*“ [2]).

Однимъ словомъ, что ни ученый, то новая теорія.

Вотъ въ какомъ состояніи находится въ настоящее время разрѣшеніе важныхъ вопросовъ начальной нашей исторіи: кто призвалъ Варяговъ, кто были Варяги, и зачѣмъ они были призваны? Мы привели мнѣнія преимущественно современныхъ и болѣе выдающихся представителей науки, изслѣдовавшихъ упомянутые вопросы, а если привести еще взгляды прежнихъ ученыхъ, а также остальныхъ современныхъ, то получимъ еще болѣе разнорѣчія; но полагаемъ, и приведенныхъ образцевъ достаточно, чтобъ освѣтить безотрадную картину научныхъ изысканій объ основаніи Русскаго государства. Мнѣніе каждаго изъ ученыхъ подкрѣплено болѣе или менѣе значительнымъ

---

[1]) Кстати замѣтимъ очень вредящее наукѣ обыкновеніе нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ строить теоріи, не указывая тѣхъ мѣстъ источниковъ, изъ которыхъ эти теоріи вытекаютъ. Оттого повѣрка этихъ теорій, безъ самостоятельнаго пересмотра источниковъ, дѣлается почти невозможною. «Разказы изъ русской исторіи» г. Бѣляева грѣшатъ этимъ недостаткомъ. Передъ нами образчикъ смѣлости выводовъ г. Бѣляева. При отсутствіи у него ссылокъ, естественно, является недовѣріе къ теоріямъ автора; приходится или принимать взглядъ его на вѣру, или не давать ему никакого значенія: оба выхода не утѣшительны; но послѣдній, по крайней мѣрѣ, не имѣетъ вредныхъ послѣдствій для науки, за то, къ сожалѣнію, встрѣчается рѣже. Обыкновенно же мнѣніе, высказанное авторитетнымъ ученымъ въ положительной формѣ, принимается разрабатывающими другіе отдѣлы науки безъ провѣрки, на вѣру. Это и ведетъ къ образованію общихъ мнѣній, въ сущности составляющихъ мнѣніе одного лица, основанное первоначально, можетъ-быть, не на источникахъ и не на историческихъ фактахъ, а на мысли, неудержимо стремящейся въ область фантазіи. Такихъ общихъ мнѣній слишкомъ много въ нашей наукѣ: они составляютъ сѣть, затемняющую дѣйствительность и препятствующую ея изученію. Г. Соловьевъ, въ особенности въ послѣднихъ томахъ его «Исторіи Россіи», также далеко не чуждъ упомянутой слабости.

[2]) Изслѣд., замѣч. и лекціи, III, стр. 57.

количествомъ доказательствъ, основано на источникахъ и обставлено такъ искусно, что незнакомый по собственнымъ изысканіямъ съ источниками, по прочтеніи того или другаго мнѣнія, не можетъ съ нимъ не согласиться, а если прочтетъ нѣсколько мнѣній, то потеряетъ вѣру въ каждое, не давая предпочтенія ни которому, или — что гораздо рѣже — составитъ свой собственный взглядъ. И это не только по сейчасъ указаннымъ нами вопросамъ, а вообще по всѣмъ, сколько-нибудь важнымъ, относящимся къ древнѣйшему періоду русской исторіи, на которыхъ строятся государственныя и общественныя отношенія русскаго народа въ такъ-называемый удѣльный періодъ.

Откуда же такой хаосъ въ наукѣ, и неужели нѣтъ выхода изъ заколдованнаго круга противорѣчій, недоразумѣній, безплодныхъ догадокъ, сомнительныхъ выводовъ, которымъ и конца не видно? Отвѣта слѣдуетъ искать въ самомъ состояніи науки. Почти всѣ существующія нынѣ теоріи заключаютъ въ себѣ долю достовѣрности; но эти теоріи односторонни, не точны, а потому шатки и только ведутъ къ построенію противорѣчащихъ другъ другу системъ русскаго права, въ чемъ удостовѣряетъ простое сопоставленіе этихъ теорій, устраняющее необходимость дальнѣйшаго ихъ опроверженія; поэтому углубляться во всестороннюю критику выставленныхъ теорій было бы и крайне тягостно, и безполезно. Съ другой стороны, можно было бы избрать другой, болѣе надежный путь, именно выставить собственную теорію и постараться подтвердить ее такими доказательствами, которыя не оставили бы сомнѣнія въ ея достовѣрности и тѣмъ самымъ дали бы ей возможность опрокинуть прежнія теоріи. Но и за вѣрность своей теоріи, какъ показываютъ столѣтніе опыты, никто ручаться не можетъ; притомъ изслѣдовать государственныя и общественныя отношенія древняго русскаго быта — не по силамъ одному человѣку; оставляя же извѣстныя отношенія не изслѣдованными, данная система тѣмъ самымъ оставляетъ бездну не рѣшенныхъ, а часто только возбужденныхъ вопросовъ. Далѣе, какъ въ мірѣ физическомъ два тѣла, въ одно время и въ одномъ мѣстѣ, такъ и въ мірѣ умственномъ двѣ теоріи въ головѣ одного мыслителя совмѣститься не могутъ. Стало быть, если желаемъ провести въ общество новую теорію, то прежде всего должны отнять у него старыя, доказать ихъ несостоятельность, разрушить подгнившее или не крѣпко построенное зданіе и тогда уже, на очищенномъ мѣстѣ, возможно строить новое зданіе удобнѣе и легче. Такимъ образомъ, съ одной стороны, мы не можемъ вступить въ борьбу со всѣми произведеніями современной науки, съ другой, чувствуемъ

необходимость показать безотрадное состояніе науки о древнемъ періодѣ нашей исторіи. Чтобы выйдти изъ этой дилеммы, мы рѣшились сперва разсмотрѣть самые источники, изъ которыхъ черпаютъ ученые, затѣмъ оцѣнить существующіе научные пріемы, методъ, и уже послѣ того перейдти къ самымъ существеннымъ вопросамъ древней русской жизни и посмотрѣть, какъ и вѣрно ли разрѣшены они преимущественно въ новѣйшихъ произведеніяхъ нашей науки. Изученіе самихъ научныхъ средствъ и сдѣланнаго изъ нихъ употребленія покажетъ намъ, на сколько прочны полученные результаты.

Существующія теоріи древняго русскаго быта, государственнаго и общественнаго строя удѣльнаго періода, основаны главнымъ образомъ на чрезвычайно скудномъ источникѣ — Повѣсти временныхъ лѣтъ, такъ-называемой Несторовой лѣтописи [1]). Эта лѣтопись писана монахомъ, поборникомъ религіи, недавно введенной въ государство, человѣкомъ, который считаетъ долгомъ своимъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, читать проповѣдь современникамъ и грядущимъ поколѣніямъ и пишетъ свою повѣсть, „надѣяся отъ Бога милость пріяти“ [2]); на историческіе факты онъ смотритъ съ предубѣжденіемъ, не свободно, однимъ словомъ, не объективно. Событія представляются ему въ одностороннемъ свѣтѣ, и то, что̀ намъ кажется сомнительнымъ и даже невозможнымъ, является въ глазахъ лѣтописца вполнѣ вѣроятнымъ и заносится въ лѣтопись предпочтительно предъ явленіями дѣйствительно крупными. Сказки записываются имъ

[1]) Считаемъ долгомъ замѣтить, что разсужденіе наше не имѣетъ цѣлью умалить значеніе достойныхъ всякаго уваженія ученыхъ трудовъ представителей нашей науки, или ослабить важное значеніе почти единственнаго памятника первоначальной жизни нашего отечества. Мы только хотимъ доказать, что наука должна отказаться отъ нѣкоторыхъ, признанныхъ въ настоящее время научными, пріемовъ, столь распространенныхъ и столь вредящихъ самой наукѣ. Сдѣлавъ догадку, подтвердивъ ее выпискою слова или выраженія изъ лѣтописи, часто неправильно понятаго, изслѣдователь затѣмъ приступаетъ къ выводамъ, строитъ теорію, систему, остающуюся, такимъ образомъ, на основаніи шаткомъ или и вовсе безъ основанія. Правда, умъ человѣческій естественно не довольствуется накопленіемъ фактовъ и спѣшитъ къ выводамъ, къ цѣлостности; но строгому ученому, особенно въ наукахъ политическихъ, должно какъ можно болѣе воздерживаться отъ такой поспѣшности. Состояніе нашего знанія объ элементахъ русской общественной и государственной жизни и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ такъ-называемый удѣльный періодъ, и особенно въ началѣ его, находится именно на той ступени, которая нуждается въ накопленіи фактовъ, въ обработкѣ по частямъ, и почти не допускаетъ общихъ теорій.

[2]) П. С. Р. Л., I, подъ 1110 г.

рядомъ съ преданіями и несомнѣнными историческими извѣстіями, и такъ какъ разстояніе между вымыслами и подлинными извѣстіями очень эластично, то современному изыскателю часто бываетъ чрезвычайно трудно, даже невозможно, отдѣлить сказки отъ преданій, преданія отъ достовѣрныхъ извѣстій объ историческихъ фактахъ [1]). Подъ 912 годомъ лѣтописецъ серіозно увѣряетъ, что смерть Олега произошла отъ укушенія змѣи, по предсказанію кудесника, и затѣмъ на двухъ страницахъ распространяется о подобнаго рода чудесахъ. Подъ 1092 годомъ лѣтописецъ разказываетъ о странныхъ видѣніяхъ въ Полоцкѣ и этими дивами объясняетъ послѣдовавшія за тѣмъ событія — войну съ Половцами, съ Ляхами, смерть Рюрика Ростиславича, повальныя болѣзни, и разказъ этотъ заключаетъ словами: „Се же бысть за грѣхы наша, яко умножишася грѣси наши и неправды, се же наведе на ны Богъ, веля намъ имѣти покаянье и въстягнутися отъ грѣха, и отъ зависти, и отъ прочихъ злыхъ дѣлъ непріязнинъ“. Подъ 1063 годомъ читаемъ: „Въ се же лѣто Новѣгородѣ иде Волховъ вспять, дній 5; се же знаменье не добро бысть, на 4-е бо лѣто пожже Всеславъ градъ“. Подъ 1064 годомъ разказывается о явленіи на небѣ кровавой звѣзды и о рожденіи урода, вверженнаго въ рѣку Сѣтомль; по этому поводу лѣтописецъ замѣчаетъ: „Се же бываютъ сица знаменья не на добро, мы бо по сему разумѣемъ“ и т. д. Подъ 1096 годомъ лѣтописецъ разказываетъ, со словъ Новгородца Гюряты Роговича, о жителяхъ лукоморья, заклепанныхъ въ горахъ Александромъ Македонскимъ. Подъ 1114 годомъ узнаемъ, что въ Югрѣ и Самояди во время грозы спадаютъ съ тучъ маленькія животныя, которыя тотчасъ выростаютъ, размножаются и расходятся по землѣ. Такихъ нелѣпостей у лѣтописца множество, но онѣ не опасны для науки по своей очевидной невѣроятности. Но рядомъ съ ними встрѣчается множество извѣстій, въ которыхъ почти невозможно провести границу между дѣйствительнымъ фактомъ и легендой. Такъ, подъ 1173 годомъ лѣтописецъ разказываетъ, какъ подъ стѣнами Великаго Новгорода соединилось *72 князя „съ толико множество вой, яко и числа нѣтуть“*, съ намѣреніемъ разрушить Новгородъ; и когда минута паденія Новгорода, казалось, наступила, Новгородцы вынесли на стѣну города образъ св. Софіи, видъ котораго ослѣпилъ непріятеля, смѣшалъ его войска, и городъ такимъ образомъ былъ спасенъ. Лѣтописецъ стоялъ въ такихъ условіяхъ, что

[1]) См. для примѣра: П. С. Р. Л., I, Лавр. лѣтоп., подъ гг. 912, 980, 986—988, 1015, 1064, 1071, 1072, 1074, 1091, 1092, 1093, 1096, 1097, 1103, 1110, 1173; II, Ипатьевск. лѣтоп., подъ гг. 1114 и 1173 и пр.

необходимо долженъ былъ вносить *субъективный элементъ* въ свое повѣствованіе.

Мало того: понятія лѣтописца о государствѣ, обществѣ, человѣкѣ, власти, правительствѣ, при всей его учености, неизмѣримо рознятся отъ понятій современныхъ и легко ускользаютъ отъ современнаго изслѣдователя или принимаются имъ въ измѣненной формѣ. Это еще болѣе затрудняетъ изслѣдователя древняго быта Россіи. Прибавимъ къ этому умствованія, поправки, вставки, описки переписчиковъ, и намъ сдѣлается еще яснѣе, на сколько должно быть осторожнымъ въ выводахъ, основанныхъ на сказаніяхъ нашего лѣтописца. Сколько теорій создано, сколько бумаги исписано о родовомъ бытѣ Славянъ, прежде чѣмъ догадались, что въ выраженіяхъ: „воста родъ на родъ", „кождо владѣя родомъ своимъ", не заключается упоминаній о родѣ въ современномъ смыслѣ. Далѣе, въ лѣтописяхъ упоминается о князьяхъ у Древлянъ и Полянъ, но не упоминается у Славянъ Ильменскихъ; изъ этого выводятъ, что у первыхъ было княжеское правленіе до призванія Варяговъ, а у вторыхъ предполагаютъ только общинную жизнь. Лѣтописецъ упоминаетъ о вѣчѣ въ южной Руси; изъ этого заключаютъ, что вѣчевой бытъ былъ общею формой гражданской жизни древней Россіи, не подвергнувъ притомъ анализу понятій лѣтописца о князѣ и вѣчѣ и т. д. Но невозможно мѣрить понятія лѣтописца современными понятіями, а чтобы возстановить ихъ въ истинномъ ихъ смыслѣ, необходима провѣрка по другимъ источникамъ, сличеніе однородныхъ свидѣтельствъ и сопоставленіе различныхъ упоминаній одного и того же слова изъ разныхъ мѣстъ памятника: если при этомъ окажется, что данное слово вездѣ сохраняетъ одно и то же значеніе, то оно и должно быть объяснено въ этомъ смыслѣ; если же замѣчаемъ различныя понятія, означаемыя однимъ словомъ, то смыслъ даннаго мѣста долженъ быть открытъ по другимъ обстоятельствамъ, по другимъ источникамъ; и когда этого сдѣлать невозможно, самое мѣсто лѣтописи теряетъ для науки значеніе источника и не можетъ быть приводимо ни *pro*, ни *contra* извѣстной теоріи до тѣхъ поръ, пока новыя изысканія не откроютъ его настоящее значеніе. Такъ, напримѣръ, слово „вѣче" употребляется у лѣтописца въ трехъ основныхъ значеніяхъ: 1) въ смыслѣ совѣщанія, 2) въ смыслѣ всякаго сходбища, имѣющаго цѣлью совѣщаніе, сходбища гражданъ, какъ законнаго, такъ и незаконнаго, и 3) въ смыслѣ законнаго, верховнаго органа народной власти, какъ органа государственной формы — демократіи. Отсюда выраженія лѣтописца: „Кіяне сотвориша вѣче", „созвали вѣче", „сказали на вѣчѣ" и т. д.

еще не доказываютъ, что у Кіевлянъ былъ вѣчевой бытъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ онъ былъ въ Великомъ Новгородѣ. На указанія Суздальской лѣтописи: „Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кіяне, и Полочане и вся власти якоже на думу *сходятся на вѣча*“, основана теорія вѣчеваго быта Славянъ; по сколько намъ извѣстно, еще не было попытки раскрыть истинный смыслъ этого мѣста лѣтописи посредствомъ истолкованія истиннаго значенія здѣсь слова „вѣче“. Если слово „вѣче“ употреблено здѣсь въ одномъ изъ двухъ первыхъ значеній, то очевидно, это извѣстіе не подтверждаетъ теоріи вѣчеваго быта, въ смыслѣ вѣчевой жизни Новгорода. Множество свидѣтельствъ, какъ увидимъ, указываетъ намъ, что вѣче сѣверныхъ волостей древней Россіи, какъ законный, верховный органъ власти народа, имѣетъ только то общее съ вѣчами южныхъ волостей, что оба суть народныя собранія съ цѣлію совѣщаній, то-есть, сходство здѣсь чисто формальное. Затѣмъ, объемъ власти, вліяніе на государственныя и общественныя дѣла, отношенія вѣча къ князю на сѣверѣ и югѣ до такой степени различны, что вѣче Новгородское и вѣче Кіевское должны составить два различныя понятія. Выводить изъ указанныхъ мѣстъ лѣтописи вѣчевой бытъ Кіевлянъ, въ смыслѣ Новгородскаго вѣча, значитъ противорѣчить множеству другихъ свидѣтельствъ. Точно также, напримѣръ, слово „городъ“ употребляется въ лѣтописи въ различномъ смыслѣ: оно означаетъ всякую ограду какого бы ни было мѣста отъ вторженій какъ людей, такъ и животныхъ; затѣмъ, соотвѣтствуя тому же понятію укрѣпленія, оно употребляется въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, именно означаетъ укрѣпленіе съ цѣлію обороны отъ непріятелей; далѣе, означаетъ укрѣпленіе болѣе значительныхъ пунктовъ населенія, что̀ соотвѣтствуетъ современному намъ значенію крѣпости, въ которой могло бы укрыться и обороняться отъ непріятеля все населеніе извѣстнаго пункта; слѣдовательно, слово „городъ“, при общемъ значеніи ограды, употребляется лѣтописцемъ въ трехъ смыслахъ. Но кромѣ того, очень рано понятіе слова „городъ“ расширяется и начинаетъ означать не только ограду даннаго мѣста, но и самое мѣсто огражденное: словомъ „городъ“ означается извѣстное мѣсто, обнесенное оградой, укрѣпленіемъ; отъ мѣста жительства значеніе слова „городъ“ переносится и на его обитателей, при чемъ подраздѣляется на два смысла: тѣсный, когда разумѣется только населеніе даннаго укрѣпленнаго пункта, и обширный, когда разумѣется населеніе этого пункта совокупно съ тянущимъ къ нему и имѣющимъ въ немъ право защиты населеніемъ цѣлаго округа, обла-

сти. Подробное изслѣдованіе понятія „городъ" чрезвычайно любопытно и должно составить предметъ самостоятельнаго труда. При помощи изслѣдованія этого понятія у лѣтописца, можно, какъ намъ кажется, рѣшить окончательно и вопросъ, еще не рѣшенный до нынѣ, о времени построенія Новгорода. Безъ выясненія же понятія „городъ" въ древности, многія мѣста лѣтописи кажутся неясными и неправильно понимаются.

Такимъ образомъ главный источникъ нашихъ познаній о древнерусскомъ бытѣ представляетъ не чистый матеріалъ, а руду, накопленіе фактовъ, нуждающихся въ очищеніи, обработкѣ, чтобы стать источникомъ истиннаго познанія. Отсюда ни методъ филологической инквизиціи, ни пріемъ ссылки на данное мѣсто лѣтописи не могутъ быть признаны научными для возстановленія, по лѣтописцу, строя древне-русскаго государства. Пріемъ этимологическій давно уже и многими признанъ неудовлетворительнымъ, часто ведущимъ къ нелѣпымъ заключеніямъ; второй же, до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, еще не подвергнутъ сомнѣнію, признается всѣми путемъ научнымъ, прямо ведущимъ къ истинѣ, и потому въ настоящее время онъ — въ апогеѣ своего развитія и въ общемъ употребленіи, какъ абсолютно-вѣрный. Но разница между тѣмъ и другимъ методомъ заключается только въ томъ, что первый относится ко внѣшней конструкціи слова или выраженія источника, а второй ко внутреннему понятію, выраженному даннымъ словомъ или фразою. Но если этимологія допускаетъ произволъ въ толкованіяхъ, то объясненіе понятія, выраженнаго источникомъ, способно къ этому еще болѣе. Вслѣдствіе того второй пріемъ еще чаще и скорѣе можетъ повести къ искаженію истины, нежели первый, и слѣдовательно, еще болѣе ненаученъ и произволенъ. Такъ оно было и есть на самомъ дѣлѣ. Неудовлетворительность указанныхъ пріемовъ обработки историческаго матеріала вытекаетъ наглядно и несомнѣнно изъ современнаго, безотраднаго состоянія науки, изъ результатовъ, добытыхъ помощію этихъ средствъ. Не смотря на всѣ нападки, которымъ подвергался съ разныхъ сторонъ методъ открытія истины путемъ филологическихъ толкованій, со временъ Шлецера и до настоящаго времени, филологическія натяжки не угасли въ наукѣ и продолжаютъ бодрствовать. Мы представимъ самый чудовищный примѣръ въ этомъ родѣ.

Г. Богомоловъ, въ своемъ изслѣдованіи „О значеніи словъ: Варягъ, Казакъ, Россъ и Ретъ", доказываетъ, что слово Варягъ состоитъ изъ словъ: *Вар* и *ахъ* = *аг*. *ак*; *Вар* = *фар* = *пар* = *бар* значитъ кон-

никъ, *ак*=*аг*—бѣлый или соль (въ переносномъ смыслѣ тоже бѣлый). Казакъ есть составное изъ *каз* и *ак*. Первое изъ этихъ словъ *каз*=*аз*=*хаз*=*газ* значитъ тоже конь. Россъ равнымъ образомъ означаетъ коня (Ross); наконецъ, Ретъ (Rhet) происходитъ отъ словъ рать, Ritter. Такимъ образомъ Варягъ, Казакъ, Россъ и Ретъ имѣютъ одинъ смыслъ, означаютъ всѣ одинокаго всадника, кавалериста, и потому тожественны между собою. Далѣе, *ак, аг* — слово персо-турецкое; *аг* по армянски значитъ соль; по гречески *als*, по молдавски *alb;* оба послѣднія слова принимаютъ сокращенную форму *al*. На славянскомъ языкѣ они выражаются словами соль, силь, или въ сокращенной формѣ *сло*, *сла*, *слан*; коренная же ихъ форма есть скло. Отсюда Аг-ваны, Ал-бани, Ал-ани, Ванд-али, Сла-вяни, Сло-вани, Сло-вaки, Скла-вини, Силь-ваны — одинъ народъ, бѣлые Ваны; Ваны же—Славяне; Вар-аг, Каз-ак, Русс-ак—всадники, защитники Вановъ, и относятся къ Ванамъ, какъ видъ къ роду, какъ прежде малороссійскіе казаки относились къ Малороссіи. Слова варс, фарс, барс или парс значатъ конный человѣкъ. Отсюда конязъ, князь, König, Гунпъ, Пар-ванъ (Пароя-нинъ), бар-инъ, barbar, Берлінъ или Верзиліи, вары однознаменательны; Кіевъ происходитъ отъ кай, по молдавски лошадь, и есть градъ конниковъ, Коневъ. Хазъ и газ означало въ древности по-арабски коня, какъ и слова гайснъ, госнъ; отсюда госи-одинъ, баринъ, князь—одно и то же; каз-акъ, аз-иги, кос-оги — одно и то же; хаз-ар — князь Аріи и т. д. Мало того, Славянъ, въ видѣ мирныхъ жителей или войска, авторъ видитъ вездѣ, отыскиваетъ подъ разными азіатскими и европейскими именами: Угры и Маджары суть Славяне, Курды—тоже Славяне; не менѣе Славяне—Авары, Франки, Гермундуры, Варинги, Аорсы, Свеи, Германы, Братинги, Сибариты, Сарматы, Скиѳы, Нордалбинги, Роксолане, Мамазиты (доможиты), Sittici (житьи), Глутунги (горожане), Цыганы, Торки или Турки, Берендѣи (бары Индіи) и т. д. Что̀ это? — Фарсъ, насмѣшка надъ наукой или серіозное уклоненіе ума человѣческаго? Г. Кавелинъ, по поводу изслѣдованія г. Богомолова, говоритъ:

„Мы думали было, что мода вольнаго словопроизводства по части русской исторіи навсегда миновала, и ея ошибки, болѣе или менѣе забавныя, умудрили изслѣдователей. Какъ же мы жестоко ошиблись! Г. Богомоловъ доказалъ намъ, что не только эта мода не прошла, но что она до сего времени находится въ добромъ здоровьѣ и обѣщаетъ многолѣтнее существованіе. Она имѣетъ свое прошедшее—труды гг. Морошкина, Савельева-Ростиславича, Макарова, Святнаго и др., свое настоящее—подлежащій трудъ г. Богомолова; какъ отвѣчать за будущее? И будущее вѣрно будетъ—въ этомъ нечего отчаяваться.... Жаль,

что авторъ, избравъ этотъ путь, не шелъ по немъ до конца и не исчерпалъ матеріи. Во второмъ приложеніи онъ говоритъ, что Пелазги суть Бѣл-азы или казаки. Что бы ему стоило развить эту мысль, которую такъ разительно подтверждаютъ названія греческихъ народовъ и областей! Взгляните на карту: Өессалы или Тессалы, очевидно, тесали; Аөиняне—наши офени; Спарты—съ порты, то-есть, съ одеждой; Македоняне — макъ и донникъ. Въ древней Италіи поражаетъ то же самое: Умбры отъ умъ беру (видно, были глуповаты); Пицены, явно, Пищаны; Самниты отъ сомну, или можетъ-быть, отъ сомнѣнія; Калабры — около брали, то-есть, любили пользоваться па чужой счетъ. Но и Британія—что иное, какъ не искаженное бери тонѣе, то-есть, тоньше? То же въ Галліи: рѣшительно, что ни названіе народа, то славянское, только исковерканное: Атребаты — отъ отребитъ; Свессіоны — явно свои сыны; Беловаки — бѣловѣжи; самый Парижъ и Сена не явно ли происходятъ отъ пори и сѣно.... Лондонъ отъ лоно дано, Вашингтонъ отъ вашъ тонъ и пр., и пр.... Куда не взглянешь на карту — вездѣ Славяне такъ и выглядываютъ; нужно только смотрѣть во всѣ глаза, чтобы не пропустить. . . . Что хотите, повторяйте хотя тысячу разъ“, — заключаетъ г. Кавелинъ, — „что одно созвучіе и основанная на немъ этимологія ничего не значитъ и не доказываетъ—всѣ эти разсужденія ни къ чему не поведутъ. Видно тому быть такъ! А нельзя не пожалѣть труда и знанія, которые употреблены авторомъ при написаніи этой книжки“ [1]).

Не менѣе неудобствъ допускаетъ и методъ ссылокъ. Г. Погодинъ, построивъ на указаніяхъ лѣтописи одностороннее положеніе: „въ періодъ времени отъ 862 до 1054 года, Варяги имѣютъ свою особую исторію, или лучше сказать, одни составляютъ ее; Славяне платили дань, работали только, а впрочемъ жили по прежнему“ — сталъ дѣлать отсюда выводы и пришелъ къ результатамъ, превратившимъ славянскую народность въ инертную массу, къ которой лишь постепенно, усиліями варяжскаго правительства, при сопротивленіи со стороны славянскаго элемента, привились государственныя формы и другія послѣдствія западно-европейской цивилизаціи. Всѣ главнѣйшія явленія народнаго быта объясняются у г. Погодина норманскимъ элементомъ: постройка городовъ, присутствіе въ нихъ посадниковъ, преемство престола, дружина князей, вольные землевладѣльцы, языческія божества, Русская Правда, и все это у насъ не свое, славянское, а норманское, скандинавское, вылившееся изъ варяжскихъ обычаевъ.

На сколько эти выводы вѣрны исторіи, доказываетъ г. Соловьевъ, и желающіе полюбопытствовать могутъ обратиться къ его „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. Но, опровергая норманнофиловъ,

[1]) Соч. I, 161 — 164.

самъ г. Соловьевъ, въ свою очередь, задается не доказанною теоріей родоваго быта Славянъ и освѣщаетъ ею всѣ главнѣйшія стороны общественной и государственной жизни въ древній періодъ нашего отечества. „Что касается быта славянскихъ племенъ", говоритъ г. Соловьевъ, — „то начальный лѣтописецъ оставилъ намъ о немъ слѣдующее извѣстіе: „каждый жилъ со своимъ родомъ, отдѣльно, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ родомъ своимъ". И затѣмъ, не подвергнувъ этого мѣста научной критикѣ, не сопоставивъ его съ другими, гдѣ употреблено слово „родъ", и слѣдовательно, не выяснивъ его значенія, г. Соловьевъ признаетъ родовой бытъ у Славянъ въ періодъ призванія Варяговъ, и притомъ у всѣхъ славянскихъ племенъ, хотя указанное мѣсто лѣтописи относится только къ быту Полянъ. Подтвердивъ родовой бытъ Славянъ указаннымъ мѣстомъ лѣтописи, г. Соловьевъ дѣлаетъ изъ него, какъ изъ положенія доказаннаго или аксіомы, множество выводовъ. Такимъ образомъ, цѣлая система заключеній, самыхъ смѣлыхъ и въ высшей степени важныхъ для науки, строится на недоказанномъ положеніи, и изъ него выясняются общественныя и государственныя отношенія. Изъ родоваго быта Славянъ, по словамъ г. Соловьева, вытекаютъ слѣдующія заключенія: предки наши не знали семьи, но знали только родъ, какъ совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ; предки наши не понимали никакой общественной связи внѣ родовой; старшій братъ заступалъ мѣсто отца-родоначальника для младшихъ; совѣты, сходки, вѣча — послѣдствія родоваго быта; на этихъ собраніяхъ присутствовали только старшины-родоначальники; родовой бытъ условливалъ общую родовую собственность и борьбу между родами; призваніе князей—также прямое слѣдствіе родоваго быта, борьба между родами; родовой бытъ опредѣлилъ и отношенія между началами призваннымъ и призвавшимъ: князь могъ явиться между славянскими племенами не иначе, какъ въ званіи родоначальника; колонизація Славянъ есть опять слѣдствіе родоваго быта [1]). Подъ вліяніемъ родоваго быта сложились и отношенія между князьями Рюрикова дома:

„Всѣ князья имѣли одного старшаго князя, которымъ былъ всегда старѣйшій членъ въ цѣломъ родѣ.... Старѣйшій князь, какъ отецъ, имѣлъ обязанность блюсти выгоды цѣлаго рода, думать и гадать о Русской землѣ, о своей чести и о чести всѣхъ родичей, имѣлъ право судить и наказывать младшихъ, раздавать волости, выдавать сиротъ дочерей замужъ. Младшіе князья обя-

[1]) Исторія Россіи, I, стр. 49, 51, 54, 56, 92, 301 и 302.

заны были оказывать глубокое уваженіе и покорность, имѣть его себѣ отцемъ въ правду и ходить въ его послушаніи, являться къ нему по первому зову, выступать въ походъ, когда велитъ" [1]).

Всѣ эти послѣдствія родоваго быта, объясняемыя родовыми отношеніями, имѣютъ первоначальное основаніе въ вышеприведенномъ мѣстѣ Несторовой лѣтописи. По по вѣрному изслѣдованію г. Сергѣевича (который впрочемъ развиваетъ мысль, высказанную еще К. С. Аксаковымъ), это мѣсто вовсе не доказываетъ родоваго быта Славянъ въ періодъ призванія Рюрика и княженія Рюриковичей. Г. Сергѣевичъ, не подвергая ни малѣйшему сомнѣнію существованіе родоваго быта, какъ переходной ступени къ быту государственному, утверждаетъ однако, что въ историческую эпоху Рюриковичей родъ не существовалъ, какъ учрежденіе съ опредѣленными правами и обязанностями его членовъ [2]). Разбирая гражданскій бытъ нашихъ предковъ, онъ не замѣчаетъ признаковъ рода въ гражданской сферѣ и принимаетъ это за доказательство несуществованія рода вообще. Далѣе, сличая различныя мѣста источниковъ, г. Сергѣевичъ приходитъ къ тому заключенію, что слово „родъ" у лѣтописца не имѣетъ опредѣленнаго значенія и употребляется въ различныхъ смыслахъ: слово „родъ", обозначая происхожденіе по крови, употребляется вмѣстѣ съ тѣмъ и для обозначенія всѣхъ тѣхъ человѣческихъ союзовъ, которые происходятъ въ силу послѣдовательнаго нарожденія; отъ обозначенія дѣйствія или причины оно переносится на самый продуктъ. Такимъ образомъ, слово „родъ" имѣетъ троякое значеніе: 1) семьи, 2) родственниковъ вообще и 3) цѣлаго народа. Въ такомъ же смыслѣ слово „родъ" употреблено въ выраженіи лѣтописи: „живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ". Очевидно, *каждый* Полянинъ могъ имѣть свой родъ и владѣть имъ единственно въ смыслѣ семьи. Слѣдовательно, упомянутое мѣсто должно понимать такъ: Поляне жили семьями, вели семейную жизнь (а не родовую въ современномъ смыслѣ) [3]). „Поляне"—заключаетъ г. Сергѣевичъ—„еще за долго до призванія Рюрика вышли изъ того состоянія, которое навело нѣкоторыхъ изъ нашихъ изслѣдователей на мысль о господствѣ родоваго быта у русскихъ Славянъ въ историческую эпоху Рюриковичей" [4]). И должно согласиться, что выводы г. Сергѣевича совершенно вѣрны

[1]) Тамъ же, II, стр. 3.
[2]) Вѣче и князь, стр. 44. Замѣтка о значеніи слова «родъ».
[3]) Тамъ же, стр. 45, 46 и 48.
[4]) Тамъ же, стр. 49.

и упраздняютъ теорію родоваго быта, по крайней мѣрѣ, въ томъ ея значеніи, какое она имѣла до сего времени въ нашей литературѣ. Что̀ же остается отъ системы г. Соловьева?

Но и г. Сергѣевичъ, разбивая теоріи, до сихъ поръ царившія въ наукѣ, положилъ въ основаніе своей книги не выясненное, не доказанное положеніе, построенное на одностороннихъ или невѣрно понятыхъ фактахъ, и потому, желая освѣтить имъ весь строй государственнаго быта и управленія Россіи во времена Рюриковичей, впадаетъ въ противорѣчія и ошибки, изъ которыхъ получилась картина древней жизни, древнихъ государственныхъ и общественныхъ отношеній, далеко не соотвѣтствующая дѣйствительности. На сочиненіи „Вѣче и Князь“ мы остановимся долѣе, потому что оно должно составить главный предметъ нашего разбора, ибо, какъ позднѣйшее изъ изслѣдованій, посвященныхъ древнему русскому быту, оно должно заключать въ себѣ результаты, добытые не только трудами г. Сергѣевича, но и результаты предшествовавшихъ изысканій, всѣ современные плоды науки; къ тому же, книга „Вѣче и Князь“ представляетъ дѣйствительно довольно цѣнное пріобрѣтеніе въ нашей исторической и юридической литературѣ, по количеству матеріала, въ немъ собраннаго, хотя факты сгруппированы въ немъ подъ вліяніемъ одностороннаго взгляда и часто не подвергнуты критическому анализу, почему и нуждаются еще въ научной провѣркѣ.

До сихъ поръ мы опровергали теоріи различныхъ ученыхъ, преимущественно методомъ сопоставленія ученій: одному ученію мы противопоставляли другое, противоположное, и тѣмъ уничтожали силу каждаго, какъ ученій равносильныхъ и дѣйствующихъ другъ противъ друга; къ сочиненію же г. Сергѣевича этотъ методъ не приложимъ по той причинѣ, что нѣтъ еще ученія, противнаго его системѣ. Напротивъ того, книга г. Сергѣевича пріобрѣла нѣкоторую популярность; на выводы, въ немъ заключенные, ссылаются какъ на послѣднее слово науки [1]; слѣдовательно, мы должны подвергнуть критикѣ выводы г. Сергѣевича при посредствѣ собственныхъ изысканій. Но подробный разборъ этой книги потребовалъ бы отъ насъ громаднаго самостоятельнаго труда, что̀ выходитъ изъ предѣловъ настоящей нашей задачи, и потому мы остановимся только на методѣ и самыхъ важныхъ вопросахъ, опредѣляющихъ разобранныя г. Сергѣевичемъ отношенія

[1] См., напримѣръ, недавно вышедшее сочиненіе г. Дювернуа: «Источники русскаго права», гдѣ слабѣйшія главы труда г. Сергѣевича (III и V) признаются послѣднимъ словомъ науки.

народа, вѣча, къ князю. Исходная точка г. Сергѣевича — вѣчевой бытъ древней Россіи; по его мнѣнію, въ древне-русскомъ государственномъ бытѣ дѣйствуютъ два одинаково существенные элемента — народъ и князь, которыми и опредѣляется ходъ исторіи на всемъ пространствѣ древней Россіи и въ періодъ времени отъ призванія князей до XV столѣтія. Эта-то исходная точка и кажется намъ невѣрною. По нашему мнѣнію, уже съ IX вѣка развитіе государственнаго быта въ сѣверныхъ и въ южныхъ волостяхъ Россіи пошло противоположными путями, и очень скоро, уже въ X столѣтіи, Кіевское княжество представляетъ чистую монархію, гдѣ народъ является въ политической сферѣ только въ чрезвычайныхъ, исключительныхъ случаяхъ, тогда какъ Новгородское народоправство было чистою демократіей, гдѣ участіе народа въ государственной сферѣ есть общее правило, гдѣ законный органъ народа, вѣче, соединяетъ всѣ функціи верховной государственной власти. А если такъ, то въ древней Россіи верховнымъ элементомъ государства былъ только одинъ элементъ, но не вездѣ одинъ тотъ же: въ южныхъ волостяхъ — князь, въ сѣверныхъ — народъ, и слѣдовательно, не двоевластіемъ отличается древняя исторія Руси вообще и Великаго Новгорода въ особенности. Это доказываетъ намъ и книга г. Сергѣевича, и множество историческихъ фактовъ: съ нѣкоторыми изъ нихъ мы скоро встрѣтимся, а теперь послѣдуемъ за авторомъ.

„Народъ и князь“ — такъ начинаетъ г. Сергѣевичъ — „суть два *одинаково* существенныхъ элемента древне-русскаго общественнаго быта: съ одной стороны, народъ не можетъ жить безъ князя, съ другой, главную силу князя составляетъ тотъ же народъ. Участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ проявляется подъ формою вѣча. Прежде чѣмъ разсматривать составъ вѣча, предметы его занятій и порядокъ рѣшенія дѣлъ, необходимо бросить взглядъ на время и пространство, въ предѣлахъ которыхъ жила эта форма“ [1]). Итакъ, вѣче есть органъ власти народа, посредствомъ котораго онъ проявляетъ свое участіе въ политическихъ дѣлахъ, органъ, имѣющій особенный составъ, предметы занятій и порядокъ рѣшенія дѣлъ, то-есть, вѣче имѣетъ значеніе государственнаго учрежденія и является, такимъ образомъ, однимъ изъ двухъ („Вѣче и Князь“) верховныхъ органовъ государственной власти. По мнѣнію автора, вѣче не создано княземъ, а составляетъ первоначальную форму быта, дѣйствующую на всемъ

---

[1]) Вѣче и Князь, стр. 1.

пространствѣ княжеской Россіи и въ продолженіе всего удѣльнаго періода нашей исторіи [1]). Вѣче до такой степени присуще древней русской жизни, что имъ характеризуется древній періодъ нашей исторіи, получающій названіе вѣчеваго: „Вѣчевой бытъ былъ явленіемъ *необходимымъ* въ древней исторіи, а потому и *всеобщимъ*“. Какъ органъ народной государственной власти, вѣче сильнѣе князя: „Слабость собственныхъ силъ князя, естественно, заставляла его искать опоры въ согласіи съ народомъ, выдвигала народъ на первый планъ“ [2]). Вотъ до какой степени могущественно было древнее русское вѣче. Очевидно, эти положенія только болѣе развиваютъ мысль, высказанную г. Костомаровымъ въ его сочиненіи „Сѣверно-русскія Народоправства“, по которой съ призванія Варяговъ возникло въ Россіи „двоевластіе, существованіе одна о-бокъ другой двухъ верховныхъ политическихъ силъ—земской, или вѣчевой, и княжеской, чѣмъ такъ отличается древняя исторія Руси вообще и Великаго Новгорода въ особенности“ [3]).

Что же такое вѣче, какъ одинъ изъ двухъ политическихъ органовъ, формирующихъ государственныя и общественныя отношенія удѣльнаго періода Россіи? На этотъ вопросъ г. Сергѣевичъ отвѣчаетъ въ основной главѣ своего сочиненія, опредѣляющей отношенія народа и князя, въ главѣ „вѣчевые порядки и предметы вѣдомоства“. На стр. 60 его книги читаемъ: „Всякое народное собраніе, едва оно имѣетъ своимъ предметомъ общественныя дѣла и желаетъ, чтобъ его мнѣніе было принято всѣмъ остальнымъ народомъ, есть вѣче, гдѣ бы оно ни собралось“. Слѣдовательно, всякое народное сходбище, какъ законное, такъ и незаконное, даже съѣздъ, сходъ, сеймъ есть вѣче. Далѣе, по мнѣнію г. Сергѣевича, рѣшеніе вѣча имѣетъ въ своемъ основаніи соглашеніе всѣхъ или соглашеніе подавляющаго большинства, которое заставляетъ смолкать всѣхъ разномыслящихъ. Если нѣтъ такого соглашенія, вопросъ рѣшается войною. Участвовать въ такихъ собраніяхъ имѣли право всѣ жители волости, но участвовать лично, а не чрезъ представителей. Никто не былъ обязанъ посѣщать вѣчевыя собранія, бывалъ кто хотѣлъ. Наши вѣчевыя собранія не были періодическими. Они созывались смотря по потребности: въ одну недѣлю могло быть нѣсколько вѣчевыхъ собраній, и наоборотъ, въ цѣлый годъ могло не быть ни одного. Вѣче могло быть созвано, какъ самимъ народомъ, такъ и княземъ, если онъ находилъ это нужнымъ. Подъ наро-

---

[1]) Тамъ же, стр. 1 и 20.
[2]) Тамъ же, стр. 20.
[3]) Сѣверно-русскія Народоправства, I, стр. 30.

домъ не должно разумѣть ни всего народа, ни значительной его части: для созванія вѣча довольно было ясно выраженной воли (?) весьма небольшаго числа людей, даже двухъ лицъ; но чтобы вѣче дѣйствительно состоялось, нужно, чтобы народъ желалъ совѣщаться о томъ или другомъ предметѣ. Колокольный звонъ былъ обыкновеннымъ способомъ призыва къ вѣчевымъ собраніямъ. Необходимаго мѣста для вѣчевыхъ собраній не было; вѣче могло собраться всюду (?). Вѣче собиралось на неопредѣленный срокъ, смотря по предмету совѣщанія. Порядокъ совѣщаній былъ словесный и совершенно безформенный. Составъ вѣча могъ быть очень непостоянный, что способствовало развитію политическихъ партій и ихъ взаимной борьбѣ (?) [1]).

Такимъ-то безформеннымъ, случайнымъ сходбищемъ является одна изъ двухъ основныхъ формъ (стр. 66) древняго политическаго быта Россіи [2]). Очевидно, тутъ есть недоразумѣніе, дѣлающееся еще болѣе очевиднымъ при разсмотрѣніи предметовъ вѣдомства вѣча. Изслѣдованіе предметовъ дѣятельности вѣча приводитъ нашего автора къ тому заключенію, что все участіе вѣча въ политическихъ дѣлахъ состояло въ призваніи и изгнаніи князя; въ сферахъ же законодательства, администраціи и суда вѣче является только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ изъятіе изъ общаго правила. „Вѣче, какъ основная форма быта“, — говоритъ авторъ, — „*вѣдаетъ все,* кромѣ тѣхъ предметовъ, которые передаются *въ исключительное* завѣдываніе князей; къ предметамъ же послѣдняго рода относятся управленіе и судъ“ (стр. 66). Далѣе: „Вѣчевой формы не было достаточно *ни для огражденія предѣловъ* (государства) отъ хищническихъ набѣговъ воинственныхъ сосѣдей, *ни для внутренняго управленія и суда.*

[1]) Тамъ же, стр. 23, 53 — 64, 88.

[2]) См. также: *Соловьева,* Объ отношеніяхъ Новгорода къ вел. князьямъ, стр. 2, 3 и слѣд.; *Чичерина,* Области. Учрежд. Россіи въ XVII вѣкѣ, стр. 24, гдѣ сказано слѣдующее: «Въ Новгородѣ верховнымъ судьею былъ призванъ извнѣ посредникъ-князь, котораго власть всякій разъ утверждалась договоромъ. Но каждый гражданинъ, по каждому частному иску, могъ созывать народное вѣче и предложить ему свое дѣло на рѣшеніе (?). Если на вѣчѣ было согласіе, то оно само исполняло тотчасъ свой приговоръ; если же согласія не было, происходила драка, и дѣло рѣшалось силою. Притомъ, такъ какъ *вѣче* не *было* собраніемъ, созываемымъ въ установленныхъ законныхъ формахъ, а *случайною сходкою гражданъ* (?), то могло быть въ одно время нѣсколько разныхъ вѣчей; обиженный созывалъ одно, обвиненный другое, и споръ опять рѣшался кровопролитіемъ» (?). См. еще: *Костомарова,* Сѣверно-русскія народоправства, II, стр. 35 — 41; *Бѣляева,* Разказы изъ Русской Исторіи, кн. II, стр. 156 — 168.

Народъ собирается для совѣщаній, но эти собранія не составляютъ сколько-нибудь удовлетворительнаго органа для постояннаго дѣйствія: *самоуправленіе не въ средствахъ вѣча*" (?) (стр. 67). Отсюда слѣдуетъ, что вопросы администраціи, суда и защиты государства отъ внѣшнихъ нападеній лежали на исключительной обязанности князя. То же доказываетъ и болѣе подробное, послѣдующее изложеніе предметовъ вѣдомства вѣча, въ книгѣ г. Сергѣевича. По его мнѣнію, главнѣйшая дѣятельность вѣча состоитъ въ призваніи князя. Затѣмъ слѣдуютъ: рядъ съ княземъ, законодательная дѣятельность, объявленіе войны и заключеніе мира, распоряженіе ходомъ военныхъ дѣйствій и судъ чрезвычайный и политическій. Но о рядахъ въ южной Россіи намъ ничего неизвѣстно, а разсматривая законодательную дѣятельность вѣча, какъ необходимое дополненіе къ праву призванія (стр. 67), авторъ не приводитъ ни однаго примѣра, гдѣ бы она проявилась; примѣры участія вѣча въ сферѣ судебной имѣютъ характеръ исключительный, да и тѣ взяты изъ исторіи Новгорода и Пскова; по словамъ автора „вѣче не было даже верховнымъ апелляціоннымъ судилищемъ" (стр. 89). Та же, и то очень рѣдко встрѣчающаяся, исключительность проявляется и въ рѣшеніи вопросовъ войны мира и въ распоряженіи ходомъ военныхъ дѣйствій. Мало того, политическая ничтожность предметовъ вѣдомства вѣча, какъ они представляются автору, вытекаетъ и изъ разсмотрѣнія имъ предметовъ вѣдомства князя, изъ которыхъ оказывается, что „всѣ общественные вопросы были по преимуществу вопросами князя" (стр. 99), и изъ самой системы книги г. Сергѣевича: отдѣлъ о государственномъ управленіи состоитъ у него только въ изложеніи дѣятельности князя и его органовъ [1]). Но если самоуправленіе не въ средствахъ вѣча, если законодательство, администрація, судъ, защита государства, вопросы войны и мира составляютъ, въ общемъ правилѣ, предметы вѣдомства князя, то что̀ же остается за вѣчемъ? Какъ понимать фразу: „*вѣче вѣдаетъ все*, кромѣ тѣхъ предметовъ, которые передаются въ исключительное завѣдываніе князей"? Очевидно, если всѣ предметы управленія и суда переданы въ завѣдываніе князя, то вѣче не вѣдаетъ ничего. Призваніе князя вѣчемъ, какъ увидимъ ниже, также не есть общее правило и не доказано авторомъ для южныхъ княжествъ, а только для сѣверныхъ, гдѣ это явленіе уже давно признано наукою. Такимъ образомъ, г.

---

[1]) Сличи. объ этомъ статью г. Градовскаго, въ октябрской книжкѣ *Журнала Мин. Народн. Просв.* 1868 года.

Сергѣевичъ, выдвинувъ, въ началѣ книги, дѣятельность народа на первый планъ и признавъ вѣче могущественнымъ элементомъ древне-русскаго быта, органомъ верховной власти народа, мѣряющимся съ княземъ по своему значенію, при точнѣйшемъ опредѣленіи предметовъ его вѣдомства обращаетъ эту политическую силу въ экстраординарное сходбище, совершенно безформенное, а дѣятельность его ограничиваетъ призваніемъ князя въ исключительныхъ случаяхъ, каковые бываютъ и вообще въ жизни народовъ въ смутныя времена.

Указанная непослѣдовательность автора въ этомъ случаѣ сдѣлается еще рѣзче, если мы докажемъ, что и мнѣніе г. Сергѣевича о призваніи князя вѣчемъ основано на недостаточномъ количествѣ доказательствъ, на отдѣльныхъ случаяхъ призванія, вызванныхъ исключительными обстоятельствами. Теорія призванія, совмѣстно съ теоріей добыванія, пытается отвергнуть господствовавшую до сихъ поръ въ наукѣ теорію законнаго порядка наслѣдованія столовъ въ древней Россіи, основанную на прямомъ свидѣтельствѣ лѣтописи, на не подлежащемъ сомнѣнію завѣщаніи Ярослава Владиміровича и на множествѣ историческихъ фактовъ, относящихся къ порядку преемства великокняжескаго стола Кіевскаго. „Существованіе права призванія“ (на всемъ пространствѣ древней Россіи) — по мнѣнію г. Сергѣевича — „доказывается: во-первыхъ, народнымъ сознаніемъ, которое проявляется въ повторяющихся фактахъ призванія, и вовторыхъ, условіями призванія, изъ которыхъ видно, что призваніе не переносило на князя права распоряженія столомъ послѣ его смерти, что рано или поздно дѣлало необходимымъ новое призваніе“ (стр. 67). Приведемъ главнѣйшія изъ доказательствъ автора, и они обнаружатъ намъ, что упомянутыя положенія, по своей неопредѣленности, основаны еще на недостаточныхъ данныхъ, скорѣе подтверждающихъ законный порядокъ перехода столовъ и приводящихъ къ заключенію, что право призванія и неразлучное съ нимъ право изгнанія, вопреки мнѣнію г. Сергѣевича, какъ ординарное, законное, признанное князьями право народа, существовало только въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ политическая жизнь развивалась на иныхъ началахъ, противоположныхъ началамъ Кіевскаго государства.

Въ подтвержденіе своей теоріи призванія князей вѣчемъ авторъ приводитъ, между прочимъ, нѣсколько случаевъ призванія князей Кіевлянами. Разсмотримъ ихъ. Въ княженія Олега, Игоря, Ольги, Святослава, Владиміра Святаго, Ярослава Владиміровича, слѣдовательно, въ продолженіе почти двухъ столѣтій, нѣтъ и намека на уча-

стіе народа въ замѣщеніи Кіевскаго стола. До Олега авторомъ приведены два случая, изъ которыхъ одинъ, несомнѣнно вѣрный, относится къ 862 году, а другой не болѣе какъ догадка — къ 859 году; но оба случая относятся къ Новгороду, гдѣ, по нашему убѣжденію, политическая жизнь развивалась на иныхъ началахъ, и гдѣ потому право призванія и изгнанія вытекаетъ не изъ основаній, принимаемыхъ г. Сергѣевичемъ. Слѣдовательно, Кіевляне въ первый разъ осуществили свое право выбора князя только въ 1067 году, но и то при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ 1067 году, какъ разказываетъ лѣтописецъ, множество Половцевъ ворвалось въ Русскую землю; князья-братья — Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ Ярославичи, встрѣтили ихъ на рѣкѣ Альтѣ, но были поражены и бѣжали съ остатками дружинъ въ свои княжества. Побѣдители навели такой страхъ на князя Кіевскаго Изяслава, что онъ не рѣшался сразиться съ ними вторично и далъ имъ возможность разсыпаться по его княжеству и свободно грабить Русскую землю. Кіевляне и дружина Изяслава, возмущенные трусостью своего князя и необходимостью защищаться, собрались на торгу, посовѣтовались и сказали князю: „Се Половци росулися по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся съ ними. Изяславъ же сего не послуша“ [1]). Что оставалось дѣлать несчастному народу, преданному на разграбленіе хищныхъ Половцевъ, и которому *князь отказалъ въ предводителѣ, оружьи и коняхъ*, то-есть, отнялъ у него всякую возможность защищаться? Естественно, народъ и дружина вынуждены были добыть себѣ эти предметы, защищать себя помимо князя. Составили новую сходку и *рѣшили обратиться къ помощи воеводы Коснячка;* прямо съ торга *сходка отправилась ко двору Коснячка,* но воеводы тамъ не оказалось [2]). Снова составили вѣче, то-есть, посовѣтовались и сказали: „подемъ, высадимъ *дружину свою* (замѣтьте: „дружину свою“) изъ погреба“, то-есть, освободимъ изъ мѣста заключенія знаменитаго Полоцкаго князя Всеслава (заключеннаго въ Кіевѣ братьями Ярославичами), конечно, съ цѣлью найдти въ немъ себѣ воеводу для борьбы съ Половцами. Но это было уже явное возмущеніе противъ распоряженія князя Изяслава, и въ сходкѣ родилось разногласіе: цѣлая половина присутствовавшихъ, не желая возстать противъ законныхъ правъ своего князя, отправилась къ нему съ рѣшимостью предупредить о замыслѣ своихъ собратій. Пришед-

[1]) Пол. Соб. Рус. Лѣтоп., I, Лавр. л. подъ 1067 годомъ.
[2]) Тамъ же.

ши на дворъ Изяслава, Кіевляне сказали ему: „Берегись, князь, людье въэвыли; пошли стражей, пусть Всеслава стерегутъ, иначе толпа освободитъ его". Тогда одинъ изъ приближенныхъ Изяслава сказалъ ему: „се зло есть", то-есть, это можетъ кончиться дурно, и далъ князю такой совѣтъ: пошли кого-нибудь къ Всеславу, пусть призовутъ его къ окну и пронзятъ мечемъ. Но „Изяславъ и сего не послуша". Тутъ уже весь народъ окончательно убѣдился, что его князь не прогонитъ Половцевъ, что на него разчитывать имъ нечего, и „кликнувши на него" (?), присоединился къ возмутившимся. Всеславъ былъ освобожденъ, а Изяславъ, видя это, бѣжалъ въ Польшу. Народъ разграбилъ дворъ бѣжавшаго князя, гдѣ, вѣроятно, хранилось и оружіе. Пока эти событія происходили въ Кіевѣ, Святославъ Черниговскій успѣлъ раздѣлаться съ Половцами и выгналъ ихъ изъ Русской земли [1]). Освобожденіе Всеслава народомъ изъ погреба, съ цѣлью найдти въ немъ предводителя противъ Половцевъ, выпудившихъ Кіевлянъ къ необходимой защитѣ, и есть первый случай призванія, приводимый г. Сергѣевичемъ для Кіева. Пусть читатель рѣшитъ, есть ли здѣсь свободное избраніе князя, какъ власти политической, и вѣрно ли понятъ лѣтописецъ? А вотъ и другой примѣръ. Послѣ своего изгнанія Изяславъ не думалъ уступить Кіева, какъ своего законнаго наслѣдія, завѣщаннаго ему отцемъ Ярославомъ; пригласивъ Болеслава Польскаго, Изяславъ пошелъ возвратить отцевскій столъ оружіемъ; Всеславъ же не рѣшился сопротивляться законному праву дяди и тайно бѣжалъ отъ Кіевлянъ въ Полоцкъ, на свой столъ. Тутъ Кіевляне почувствовали весь ужасъ своего положенія. Посовѣтовавшись, Кіевляне увидѣли единственное средство избѣжать послѣдствій *изгнанія* въ обращеніи къ роднымъ братьямъ Изяслава, съ просьбой о посредничествѣ и защитѣ, и затѣмъ, еслибъ эта просьба не имѣла успѣха, въ добровольномъ собственномъ удаленіи изъ роднаго города. Послы Кіевлянъ сказали Всеволоду и Святославу: „Мы уже зло створили есмы, князя своего прогнавше, а се ведеть на ны Лядьскую землю; а пойдета въ градъ отца своего, аще ли не хочета, то намъ неволя: *зажегше градъ свой, ступимъ въ Гречьску землю*" [2]). Въ приведенныхъ словахъ посольства, г. Сергѣевичъ видитъ второй случай осуществленія права призванія и изгнанія князей народомъ. Признаемся, кромѣ просьбы о посредничествѣ,

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же, подъ 1068 годомъ.

мы ничего тутъ не видимъ. Если бы Кіевлянамъ нуженъ былъ князь, то отказъ Святослава и Всеволода не могъ еще привести ихъ въ такое отчаяніе, чтобы зажечь городъ и навсегда покинуть родину: они могли найдти себѣ князя, помимо Святослава и Всеволода, изъ Рюрикова и не Рюрикова дома. Здѣсь не свободное призваніе и изгнаніе князя, а просьба примирить Кіевлянъ съ ихъ законнымъ княземъ Изяславомъ, братомъ Святослава и Всеволода; поэтому-то и отказъ ихъ въ посредничествѣ имѣлъ такое важное значеніе для Кіевлянъ. Что именно въ такомъ смыслѣ должно понимать просьбу Кіевлянъ, доказываетъ и отвѣтъ Святослава: „Вѣ послевѣ къ брату своему; аще пойдеть на вы съ Ляхы губити васъ, то вѣ противу ему ратью, не давѣ бо погубити градъ отца своего; аще ли хощеть съ миромъ, то въ малѣ придеть дружинѣ". Тутъ и намека нѣтъ на приглашеніе Святослава и Всеволода „княжить", а равно и на отказъ отъ такого приглашенія, но прямо указывается на согласіе принять родъ посредника. Отвѣтомъ Святослава *утѣшилисъ* Кіевляне, а Святославъ и Всеволодъ послали къ Изяславу съ такими словами: „Всеславъ ти бѣжалъ, а не води Ляховъ Кыеву, противна бо ти нѣту; аще ли хощеши гнѣвъ имѣти и погубити градъ, то вѣси, яко нама жаль отня стола" [1]). Изяславъ отпустилъ Поляковъ; но не смотря на то, Кіевляне дорого заплатили за проявленіе народной воли. Изяславъ не тотчасъ вошелъ въ Кіевъ, а сначала послалъ туда сына Мстислава, который умертвилъ 70 человѣкъ, освободившихъ Всеслава, другихъ ослѣпилъ, „другыя же *безъ вины погуби, не испытавъ*", прибавляетъ лѣтописецъ, указывая тѣмъ, что возмущеніе не было общимъ дѣломъ Кіевлянъ, но дѣломъ партіи. „Изяславу же идущу къ граду, изыдоша людье противу съ поклономъ, и пріяша князь *свой Кыяне,* и сѣде Изяславъ на *столѣ своемъ*", заключаетъ лѣтописецъ [1]).

Таковы-то первые два примѣра осуществленія Кіевлянами *права* призванія и изгнанія князей, и таковы же всѣ восемь примѣровъ, приводимыхъ авторомъ. Только-что приведенные примѣры, по мнѣнію автора, прямо доказывающіе право свободнаго призванія и изгнанія князя народомъ, указываютъ только, что слабость Кіевскаго князя Изяслава принудила Кіевлянъ искать себѣ военачальника, помимо князя, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, ради спасенія своей жизни и имущества отъ нападающихъ Половцевъ, защищаться про-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же.

тивъ которыхъ Изяславъ отказался. Что освобожденіе Всеслава и занятіе имъ Кіевскаго стола, по случаю бѣгства Изяслава, было незаконнымъ поступкомъ, это сознавали и Всеславъ, и сами Кіевляне, строго наказанные за возмущеніе, какъ видно изъ словъ лѣтописца, что̀ было бы немыслимо при законномъ, ординарномъ правѣ избранія князей народомъ. Между тѣмъ, указанные случаи участія вѣча, какъ верховной политической силы въ политическихъ дѣлахъ, играютъ въ книгѣ г. Сергѣевича очень важную роль. Такъ, напримѣръ, въ главѣ V читатель встрѣчается съ ними очень часто, какъ съ фактами, подтверждающими различныя и очень важныя положенія, а именно: Если въ борьбѣ народа съ княземъ „перевѣсъ былъ на сторонѣ партіи вѣча, противной князю, послѣдній лишался стола", какъ, напримѣръ, Изяславъ въ 1067 году (стр. 110). „Личность князя оставалась неприкосновенною, какъ бы далеко ни заходила рознь между нимъ и вѣчемъ", какъ, напримѣръ, личность Изяслава въ 1067 г. (стр. 111). „Вѣче, въ борьбѣ съ князьями, нерѣдко находило помощь въ другихъ князьяхъ"; такъ, напримѣръ, „въ 1068 году Кіевляне, оставленные своимъ княземъ Всеславомъ, при вѣсти о приближеніи только-что изгнаннаго изъ Кіева князя Изяслава Ярославича съ польскою помощью, составляютъ вѣче и шлютъ приглашеніе къ братьямъ изгнаннаго, Святославу и Всеволоду. Эти князья, отказываясь отъ предложеннаго имъ стола (?!), даютъ Кіевлянамъ обѣщаніе помощи, въ надеждѣ на которую Кіевляне успокоились и приняли Изяслава" (стр. 112). Приведя затѣмъ еще другіе примѣры, г. Сергѣевичъ прибавляетъ: „Въ отношеніяхъ князя къ вѣчу проявляются тѣ же начала единенія и розни, которыя проникаютъ всю нашу древнюю жизнь" (?) (стр. 113). „Хотя для волости князь и составляетъ необходимость, но различіе между тѣмъ и другимъ княземъ въ данномъ случаѣ могло быть далеко не такъ велико, чтобы волость поддержаніе своего князя противъ его противника должна была считать необходимымъ во что бы то ни стало". Въ примѣрѣ указано на Кіевскія событія отъ 1067 до 1077 года и въ заключеніе сказано: „Изяславъ былъ добрый князь, онъ не мстилъ даже за свое изгнаніе въ 1067 году" (стр. 117) и проч. Однимъ словомъ, что̀ нужно г. Сергѣевичу, то онъ и видитъ у лѣтописца. Мы подробно изложили извѣстіе лѣтописца объ указанныхъ событіяхъ, и да судитъ читатель, правильно ли понятъ лѣтописецъ г. Сергѣевичемъ.

Но мы не можемъ ограничиться приведенными примѣрами и должны разобрать также подробно еще нѣсколько другихъ, потому что

призваніе и изгнаніе князя есть, по мнѣнію г. Сергѣевича, главнѣйшая, если не единственная, функція вѣча, какъ одной изъ формъ двоевластія, которымъ авторъ освѣщаетъ всѣ главнѣйшія стороны общественной и государственной жизни древней Россіи.

Третій примѣръ призванія, которому г. Сергѣевичъ придаетъ особенное значеніе, относится къ 1113 году. Это событіе есть главнѣйшій аргументъ въ пользу предлагаемой авторомъ теоріи, потому что этимъ случаемъ призванія было отмѣнено постановленіе Любечскаго съѣзда; слѣдовательно, — заключаетъ авторъ, — народъ осуществляетъ свое право, не смотря ни на взаимныя согласія князей, установляющихъ тотъ или другой порядокъ преемства властей, ни на ихъ частныя распоряженія (стр. 70). Посмотримъ же на этотъ важный случай.

Для уясненія обстоятельствъ, необходимо привести завѣщаніе Ярослава I и затѣмъ постановленіе Любечскаго съѣзда. Не задолго до смерти Ярославъ созвалъ сыновей своихъ и держалъ къ нимъ такую рѣчь: „Вы — дѣти одного отца и одной матери и потому должны любить другъ друга, жить въ мирѣ и согласіи; если же станете ссориться, погубите себя и землю отцевъ и дѣдовъ вашихъ, «иже налѣзоша трудомъ своимъ великимъ». Кіевскій столъ поручаю, *въ собе мѣсто*, старшему сыну моему, а вашему брату Изяславу; «сего послушайте, яко же послушасте мене, да то вы будеть въ мене мѣсто»; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду — Переяславль, а Игорю — Володимерь, а Вячеславу—Смоленскъ“. „И тако раздѣли имъ грады“,— прибавляетъ лѣтописецъ, — „заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни сгонити; рекъ Изяславу: «Аще кто хощеть обидѣти брата своего, то ты помогай его же обидять». И тако уряди сыны своя“ [1]). Подъ 1073 годомъ лѣтопись разказываетъ: „Въздвиже дьяволъ котору въ братьи сей Ярославичахъ“, которая кончилась тѣмъ, что Изяславъ бѣжалъ въ Ляхи, а Святославъ сѣлъ на столѣ Кіевскомъ, „преступивъ заповѣдь отню“. По смерти Святослава, Изяславъ снова сѣлъ на столѣ Кіевскомъ, перешедшемъ, со смертію его, въ 1078 году, къ послѣднему изъ живыхъ Ярославичей — Всеволоду, который „сѣде Кыевѣ, на столѣ отца своего *и брата* своего, переима власть Русьскую *всю*“ [2]). Лѣтописецъ не полно передаетъ завѣщаніе Ярослава I подъ 1054 годомъ, потому что, описывая смерть Всеволода Ярославича, подъ 1093 годомъ, тотъ же лѣтописецъ вкладываетъ въ уста Ярослава I слѣдующія

---

[1]) Пол. Соб. Рус. Лѣтоп., I, Лавр. лѣтоп., подъ 1054 г.; XV, Тверская лѣтопись.

[2]) П. С. Р. Л., I, Лав. лѣтоп., подъ 1078 г.

слова, обращенныя къ сыну Всеволоду: „Сыну мой, благо тобѣ, яко слышю о тобѣ кротость, и радуюся, яко ты покоиши старость мою; аще ти подасть Богъ пріяти власть стола моего, *по братьи своей, съ правдою, а не съ насильемъ*, то егда Богъ отведеть тя отъ житья сего, да ляжеши, идѣже азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя, паче братьи твоее". Слѣдовательно, по завѣщанію Ярослава I, столъ Кіевскій могъ быть законно наслѣдуемъ только по очереди, безъ насилія; то-есть, былъ учрежденъ законный порядокъ перехода Кіевскаго стола; а подъ 1054 годомъ объ этомъ порядкѣ не сказано ни слова. Во время смерти Всеволода, въ Кіевѣ присутствовалъ знаменитый сынъ его Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, уже прославившійся во всей Русской землѣ. Похоронивъ отца, „Володимеръ нача размышляти, река: «Аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, *яко есть столъ преже отъ отца его былъ*». И размысливъ, посла по Святополка Турову, а самъ иде Чернигову, а Ростиславъ Переяславлю. И.... приде Святополкъ Кыеву; изидоша противу ему Кіяне съ поклономъ, и пріяша й съ радостью; сѣде на столѣ отца своего и стрыя своего [1])". Это мѣсто само по себѣ краснорѣчиво и въ коментаріяхъ не нуждается. Мы спросимъ только: если за Кіевлянами признавалось право избранія, то отчего они не предложили столъ знаменитому Владиміру Мономаху, а приняли съ поклономъ и радостью Святополка, не ими приглашеннаго, и за которымъ было одно только достоинство — старшинство? Если не было законнаго порядка наслѣдованія Кіевскаго стола, чѣмъ объяснить размышленія Владиміра и приглашеніе въ Кіевъ Святополка? Съ одной стороны, неопредѣленность отношеній между дядями и племянниками въ завѣщаніи Ярослава, а съ другой, размноженіе его потомковъ повели къ борьбѣ между дядями и племянниками, для прекращенія которой русскіе князья согласились съѣхаться въ городѣ Любечѣ, чтобъ опредѣлить взаимныя отношенія и назначить другъ другу удѣлы. Въ 1097 году собрались потомки Рюрика въ городѣ Любечѣ и сказали другъ другу: Зачѣмъ мы губимъ Русскую землю, ссорясь между собою? А Половцы радуются нашимъ междуусобіямъ, пользуются ими и разоряютъ нашу землю; съ этихъ поръ соединимся въ одно сердце и будемъ совмѣстно блюсти Русскую землю; пусть каждый изъ насъ держитъ отчину свою: „Святополкъ Кыевъ Изяславлю, Володимеръ Всеволожю, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Святославлю; а имъ же

---

[1]) Тамъ же, подъ 1093 г.

роздаялъ Всеволодъ городы, Давыду Володимерь, Ростиславичемъ: Перемышль Володареви, Теребовль Василькови". И на томъ присягнули, говоря: „Если съ этого дня кто-нибудь изъ насъ нападетъ на другаго, то на нападающаго пойдемъ всѣ мы и крестъ честный". Поцѣловались и разошлись по домамъ [1]). Вотъ что намъ извѣстно о Любечскомъ съѣздѣ: здѣсь, вопервыхъ, ни слова о порядкѣ перехода столовъ; вовторыхъ, ни слова о правѣ народа избирать князей и даже нѣтъ намека, что съѣздъ посягалъ на право народа; князья договариваются въ полномъ сознаніи права такъ дѣйствовать. „Кождо да держитъ отчину свою", рѣшаютъ они.

Въ 1113 году, по смерти Святополка, Кіевъ по порядку старшинства долженъ былъ перейдти къ старшему изъ Святославичей, если бы Святославъ, вопреки завѣщанію Ярослава I, не захватилъ великокняжескій столъ силой и не скончался прежде старшаго брата Изяслава, которому законно, по праву, наслѣдовалъ Всеволодъ; сынъ Всеволода, Владиміръ Мономахъ, является такимъ образомъ законнымъ наслѣдникомъ Святополка. Но можетъ-быть, Мономахъ, „благовѣрный блюститель правды въ Русской землѣ", не былъ увѣренъ въ своемъ правѣ, ждалъ притязаній со стороны Святославичей и потому не спѣшилъ занятіемъ Кіевскаго стола; но послѣдніе молчали и тѣмъ признали право Владиміра Всеволодовича на Кіевскій столъ. Между тѣмъ Кіевляне теряютъ терпѣніе: Святополка похоронили, а претендентъ не является. Что тутъ дѣлать? Надобно собраться и попросить князя поспѣшить пріѣздомъ въ Кіевъ; и дѣйствительно, Кіевляне собираются, совѣщаются и рѣшаютъ отправить пословъ къ Владиміру, съ просьбою поспѣшить занятіемъ отцовскаго и дѣдовскаго стола. Это и есть, по мнѣнію г. Сергѣевича, третій, важнѣйшій примѣръ проявленія свободнаго права избранія князя народомъ. Лѣтописецъ такъ описываетъ это происшествіе: сказавъ о похоронахъ Святополка, онъ продолжаетъ:

„Наутріа же, въ семы на 10 день, свѣтъ створиша Кіяне, послаша къ Володимеру, глаголюще: «Пойди, княже, на столъ отенъ и дѣденъ». Се слышавъ, Володимеръ плакася велми и не пойди, жалася по братѣ. Кіяни же разграбиша дворъ Путятинъ, тысячьского, идоша на Жиды и разграбиша я; и посламася паки Кіяне къ Володимеру, глаголюще: «Пойди, княже, Кіеву; аще ли не пойдеши, то вѣси, яко много зло уздвигнеться, то ти не Путятинъ дворъ, ни соцькихъ но и Жиды грабити, и паки ти *пойдутъ* на ятровь *твою* и на боляры и на манастырѣ, и будеши отвѣтъ имѣлъ, княже, оже ти манастырѣ разграбятъ». Се же слышавъ, Володимеръ пойде въ Кіевъ" [2]).

---

[1]) П. С. Р. Л., I, Лав. Лѣт., подъ 1097 г.

[2]) П. С. Р. Л., II, Ипат. л., подъ 1113 г.

Гдѣ же здѣсь призваніе, воля народа, отмѣняющая постановленіе Любечскаго съѣзда, и какое постановленіе? Гдѣ политическая сила, основная форма древняго быта, дѣйствующая рядомъ съ княземъ? Здѣсь скорѣе можно видѣть фактъ совершенно противоположнаго характера, а именно, что народъ не можетъ одного мѣсяца, одной недѣли, прожить спокойно безъ князя. Кіевляне приглашаютъ Владиміра поспѣшить занятіемъ своего стола и предупредить безпорядки; тотъ почему-то не спѣшитъ, и что же дѣлаютъ *избиратели?* Грабятъ дома тысяцкаго, сотскихъ, Жидовъ и затѣмъ предупреждаютъ князя: „Если ты еще будешь медлить, то знай, что отчина твоя еще болѣе пострадаетъ; до сихъ поръ грабили тысяцкаго, сотскихъ и Жидовъ, а потомъ разграбятъ ятровь твою, бояръ, додостанется и монастырямъ, а за грѣхъ, ты будешь отвѣчать передъ Богомъ". Если бы здѣсь было призваніе князя, въ смыслѣ призванія Новгородскаго, если бы Кіевляне не смотрѣли на столъ Кіевскій, какъ на отчину Владиміра, принадлежащую ему по праву законнаго наслѣдованія, то какой же смыслъ имѣли бы учиненный грабежъ и угроза учинить еще большій?... Ужь во всякомъ случаѣ, здѣсь нѣтъ свободнаго призванія, нѣтъ выбора князя, что было общимъ, постояннымъ правиломъ въ Новгородѣ. Владиміръ Мономахъ занимаетъ Кіевскій столъ, великокняжеское княженіе, и начинаетъ распоряжаться русскими волостями, какъ самовластный государь: въ Переяславлѣ сажаетъ сына своего Святослава, въ Смоленскѣ сына Вячеслава; послѣ смерти Святослава переводитъ на его мѣсто Ярополка; усмиряетъ и наказываетъ неповиновеніе Глѣба; сажаетъ у Чернаго моря великокняжескихъ посадниковъ; посылаетъ князя Переяславскаго на Донъ воевать донскіе города; отдаетъ Мстиславу Бѣлгородъ; смиряетъ и наказываетъ непослушаніе племянника Ярослава, приказывая ему являться, „когда тя позову"; изгоняетъ Ярослава изъ Владиміра и переводитъ туда Глѣба, но скоро выводитъ и Глѣба оттуда и сажаетъ во Владимірѣ сына своего Романа, а послѣ смерти Романа посылаетъ на его мѣсто Андрея; отнимаетъ у Глѣба княженіе и приводитъ его въ Кіевъ, гдѣ тотъ остается до конца живота своего; посылаетъ князя Владимірскаго воевать съ Ляхами; чужіе народы, провинившіеся предъ княземъ Владимірскимъ, присылаютъ къ Владиміру Мономаху пословъ, съ мольбой и дарами [1]). Вотъ факты изъ одного, недолгаго княженія, которые говорятъ противъ теоріи сво-

---

[1]) См. П. С. Р. Л., I и II, княженіе Мономаха въ Лавр., Ипат. и Густ. лѣтописяхъ, съ 1113 по 1125 г.

боднаго призванія и изгнанія князей народомъ въ южныхъ волостяхъ Россіи. Лѣтописецъ ни однимъ намекомъ не указываетъ на участіе народа въ распоряженіяхъ Владиміра: вездѣ *одна воля* его.

Послѣднимъ самовластнымъ распоряженіемъ Владиміра Мономаха, распоряженіемъ очень важнымъ, подобнымъ завѣщанію Ярослава I, было распредѣленіе волостей между его сыновьями, которое передало старѣйшинство въ землѣ Русской старшему сыну Мстиславу. Подъ 1125 годомъ [1]) лѣтописецъ разказываетъ:

„Преставися благовѣрный князь, христолюбивый и *великый князь всея Руси...* добрый страдалець за Руськую землю... и плакахуся по немъ вси людіе, и сынове его, Мьстиславъ, Ярополкъ, Вячьславъ, Георгій, Андрей и внуци его; и тако разидошася вси людіе съ жалостью великою, такоже *и сынове его разидошася кождо въ свою волость*, съ плачемъ великимъ, *идьже бяше комуждо ихъ раздалъ волости...* Мьстиславъ, старѣйшій сынъ его, сѣде на столѣ въ Кіеви, отца мѣсто своего“.

Что Мономахъ посадилъ въ Кіевѣ сына Мстислава указываетъ и извѣстіе подъ 1145 годомъ [2]); здѣсь Всеволодъ Ольговичъ говоритъ: „И намъ Володиміръ *посадилъ* Мстислава сына своего *по собѣ въ Кіевѣ*, а Мьстиславъ Ярополка брата своего; а се я мольвлю: оже мя Богъ пойметь, то *азъ по собѣ даю брату своему Игореви Кіевъ*“. Мстиславъ распоряжался съ ослушниками воли его, подобно отцу своему и какъ подобаетъ старѣйшему и великому князю; это показываетъ его обращеніе съ Кривскими князьями — Давидомъ, Ростиславомъ, Святославомъ и двумя Рогволодичами, которыхъ Мстиславъ изгналъ въ Грецію, а волости ихъ роздалъ своимъ мужамъ, посадникамъ. Въ 1130 году, говоритъ лѣтописецъ, „сослалъ Мстиславъ Полоцкихъ князей, съ женами и дѣтьми ихъ, въ Грецію за то, что преступили присягу великому князю“; а подъ 1140 годомъ подробнѣе указанъ мотивъ изгнанія. Князья сосланы были великимъ княземъ Кіевскимъ, „*зане не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли ѣ зовяшеть* въ Рускую землю въ помощь, но паче молвяху Боняковѝ шелудивому во здоровье; и *про се* ся Мьстиславъ разъгнѣвася на нѣ...... *и посла* по Кривитьстѣи князѣ, по Давыда, по Ростислава, и Святослава и Рогъволодича два, и усажа у три лодьи и *поточи* ѝ Царюграду *за неслушаніе ихъ, а мужи свои посажа по городомъ ихъ*“ [3]). Спрашивалъ ли Мстиславъ у Полоцкаго народа согласія на замѣну князей простыми посадниками?

---

[1]) П. С. Р. Л., II, Ипат. л.

[2]) Тамъ же.

[3]) П. С. Р. Л. т. II, Ип. Лѣт., 1140 г.

Подобно Рюрику, Святославу, Владиміру Святому, Ярославу I, Владиміру Мономаху, и Мстиславъ Владиміровичъ, умирая, завѣщалъ великокняжеское княженіе старшему въ родѣ, брату своему Ярополку, какъ свидѣтельствуетъ Ипатьевская лѣтопись подъ 1133 годомъ: „Преставися благовѣрный князь Мьстиславъ, сынъ Володимерь, *оставивъ княженіе брату своему Ярополку*, ему же и дѣти свои съ Богомъ на руцѣ предасть". Такому извѣстію Ипатьевскаго списка какъ-будто противорѣчитъ свидѣтельство Лаврентьевскаго списка подъ 1132 г., по которому основаніе вступленія Ярополка на Кіевскій столъ заключается не въ старшинствѣ и не въ завѣщаніи Мстислава, а въ приглашеніи народа: „Преставися Мстиславъ, сынъ Володимерь,... и сѣде по немъ братъ его Ярополкъ, княжа Кыевѣ людье бо Кыяне *послаша* по нь". Намъ кажется, при противорѣчіи источниковъ объ одномъ и томъ же фактѣ, изслѣдователю предстоятъ три исхода: 1) считать дѣйствительнымъ только то, въ чемъ противорѣчія сходятся; 2) отдать предпочтеніе тому извѣстію, которое подтверждается достаточнымъ количествомъ другихъ свидѣтельствъ, и 3) наконецъ, при невозможности соглашенія, считать противорѣчія неразрѣшимыми и не давать предпочтенія ни тому, ни другому извѣстію. Имѣется нѣсколько свидѣтельствъ, подтверждающихъ извѣстіе Ипатьевскаго списка, и нѣтъ ни одного въ пользу Лаврентьевскаго: намъ уже извѣстны слова Всеволода Ольговича, доказывающія назначеніе Ярополка Мстиславича; кромѣ того и Лаврентьевскій списокъ подтверждаетъ свидѣтельство Ипатьевскаго, словами: „Ярополкъ приведе Всеволода Мстиславича изъ Новагорода и да ему Переяславль по хрестьному цѣлованью, *акоже ся бяше урядилъ съ братомъ своимъ Мстиславомъ*, по отню повелѣнью" [1]). Слѣдовательно, Мстиславъ не только передалъ Кіевское княженіе Ярополку, но и заключилъ съ нимъ договоръ, по которому Ярополкъ обязывался, по полученіи великаго княженія, передать Переяславль Всеволоду, сыну Мстислава. Слова: „людіе бо Кыяне *послаша* по нь", могутъ означать простое извѣщеніе старѣйшаго Ярополка о смерти предшественника и приглашеніе принять столъ, принадлежавшій ему по праву, какъ это мы видѣли въ приглашеніи Мономаха. Во всякомъ случаѣ, въ словѣ „послаша" не видно свободнаго призванія, избранія князя. Кажущееся противорѣчіе списковъ г. Сергѣевичъ, подобно Неволину, примиряетъ тѣмъ, что переходъ Кіевскаго стола къ Яро-

---

[1]) П. С. Р. Л., I, стр. 132.

полку былъ будто бы результатомъ совпаденія воли народа съ волею умершаго князя, который высказался въ пользу Ярополка, надѣясь пріобрѣсти въ немъ покровителя и союзника своимъ дѣтямъ [1]). Но воззрѣніе г. Сергѣевича разнится отъ воззрѣнія Неволина тѣмъ, что послѣдній признаетъ и третье основаніе, какъ главное, великаго княженія Ярополка: „старѣйшинство" [2]). Вступленіе Ярополка на Кіевскій столъ и есть четвертый случай осуществленія народомъ права избранія князей, приводимый авторомъ въ пользу теоріи призванія, какъ права народа и главнѣйшей дѣятельности вѣча.

Мы полагаемъ, что разобранныхъ случаевъ достаточно, чтобы видѣть, что такое право призванія Кіевскаго вѣча, и при какихъ обстоятельствахъ оно осуществляется: остальные случаи имѣютъ тотъ же характеръ. Не будемъ приводить болѣе и мѣстъ лѣтописи, противорѣчащихъ теоріи автора, потому что иначе выпискамъ не будетъ конца; приведемъ только соображенія самого автора. Г. Сергѣевичъ, конечно, не могъ не замѣтить множества фактовъ, несогласныхъ съ его теоріей; посмотримъ на нихъ и мы съ своей точки зрѣнія:

„Дѣйствительный (?) переходъ столовъ"—говоритъ онъ—„совершался подъ вліяніемъ борьбы весьма разнообразныхъ интересовъ (то-то и есть!). Право вѣча имѣть князя по собственному призванію *не всегда* выходило побѣдителемъ изъ этой борьбы; столы нерѣдко занимались князьями не только безъ предварительнаго призванія, но и прямо противъ воли народа, въ силу военнаго превосходства князя. Эти случаи насильственнаго занятія столовъ въ виду ясныхъ (?) свидѣтельствъ, указывающихъ на то, что право призванія жило не только въ сознаніи народа, но и въ сознаніи князей, не отрицаютъ существованія самаго права; они свидѣтельствуютъ только о томъ, что въ дѣйствительности это право должно было иногда уступать болѣе сильному праву войны" (?) [3]).

Такимъ образомъ, въ концѣ концевъ, *разнообразные интересы*, отъ которыхъ зависѣлъ дѣйствительный переходъ столовъ, сводятся всетаки только къ двумъ: къ свободному призванію народомъ и къ праву войны, которому призваніе народа только *иногда* уступало. Не то однако говоритъ авторъ въ VII главѣ своего сочиненія, при изложеніи страннаго *права добыванія* столовъ: „Война разсматривалась какъ Божій судъ и была верховнымъ рѣшителемъ всякихъ споровъ между князьями. *Обыкновенный результатъ побѣды заключался въ захватѣ волости побѣжденнаго*, всей или только части" (стр. 280). Здѣсь на-

---

[1]) Вѣче и Князь, стр. 74.

[2]) Полн. Собр. Соч. Неволина, VI, стр. 598.

[3]) Вѣче и Князь, стр. 67 — 68.

рода и его органа, вѣча, какъ будто не существуетъ. Да и дѣйствительно ли переходъ столовъ въ древней Россіи зависитъ отъ борьбы между военною силою князей и юридическимъ правомъ избранія со стороны народа, осуществлявшимся нѣсколько разъ только при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ? Конечно, нѣтъ: переходъ столовъ въ южной Россіи зависѣлъ, дѣйствительно, отъ борьбы многихъ различныхъ началъ, не одинаковыхъ въ разные періоды древней исторіи, и между этими началами начало призванія играетъ чуть-ли не послѣднюю роль. Это доказывается и свидѣтельствами лѣтописи, и изслѣдованіями ученыхъ, предшествовавшихъ г. Сергѣевичу. Между теоріями законнаго наслѣдованія, старѣйшинства, завѣщанія, договора, насильственнаго захвата, призванія народомъ, теорія призванія занимаетъ послѣднее мѣсто, какъ основанная на нѣсколькихъ, исключительныхъ фактахъ, чрезвычайно темныхъ, не разобранныхъ, низводящихъ ее почти на степень гипотезы, изъ которой не должно и нельзя дѣлать никакихъ выводовъ научнаго характера [1]). Право призванія въ формѣ, представленной авторомъ, существовало всегда и вездѣ, когда являлась необходимость избрать представителя верховной государственной власти. Въ трудное время, пережитое нашимъ отечествомъ, по прекращеніи рода Рюрикова и во время самозванцевъ, смутъ и вторженія иноплеменниковъ, предки наши совѣщались о тогдашнемъ положеніи дѣлъ и событіяхъ, сносились между собою грамотами и старались общими силами спасти отечество отъ угрожавшей ему со всѣхъ сторонъ гибели, призвали на престолъ Бориса Годунова, Польскаго царевича Владислава, Василія Шуйскаго, Михаила Романова; но кто же скажетъ, что тогда дѣйствовалъ вѣчевой бытъ?

Итакъ, гдѣ же предметы вѣдомства вѣча? Поставивъ въ началѣ книги дѣятельность народа на первый планъ, признавъ вѣче могущественнымъ элементомъ древне-русскаго быта, вѣдающимъ тѣ же предметы, какъ и князь, даже подчинивъ дѣятельность князя могуществу вѣча, г. Сергѣевичъ, при точнѣйшемъ опредѣленіи вѣча и предметовъ его вѣдомства, низводитъ этотъ верховный политическій органъ до значенія безформеннаго экстраординарнаго народнаго сходбища. Что-нибудь да не такъ. Авторъ считалъ лишнимъ провѣрить понятія лѣтописца, анализировать значеніе у него слова „вѣче“, и на выраженіяхъ лѣтописца: *граждане созвали, створили, сзвонили,*

---

[1]) Ср. Полн. собр. соч. Неволина, VI, О преемствѣ В. К. Кіевскаго престола, стр. 587 и слѣд.

вѣче, предались, затворились, бились, вышли на встрѣчу, сдумали и пр., основанъ вѣчевой бытъ древней Россіи на всемъ ея пространствѣ и во весь періодъ древней ея исторіи.

„Мы *соберемъ*"— говоритъ авторъ — „въ одно мѣсто *часто слишкомъ краткія* (правда), но тѣмъ не менѣе *драгоцѣнныя* (будто бы?) свидѣтельства (лѣтописи), и такимъ образомъ *представимъ* наглядный *очеркъ границъ*, въ предѣлахъ которыхъ были распространены формы *вѣчеваго быта*.... (стр. 3). Часто все извѣстіе лѣтописи заключается въ одномъ словѣ: горожане такого-то города *предались* князю, или *затворились* отъ князя или Половцевъ, или *бились* за князя, или *вышли на встрѣчу* къ князю; но въ этихъ выраженіяхъ высказывается результатъ воли народной" (Стр. 15).

И вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ приводитъ самыя указанія лѣтописи, доказывающія, по его мнѣнію, существованіе формъ вѣчеваго быта *въ двадцати четырехъ городахъ* древней Россіи. Напримѣръ:

„*Минскъ.* Въ 1067 году, *Миняне затворились* отъ Изяслава.

„*Луцкъ.* Въ 1085 году, *Лучане предались* Владиміру.

„*Ладога.* Въ 1142 году, *Ладожане собираются* отражать Емь.

„*Римовъ.* Въ 1185 году, *Римовичи затворяются* въ градѣ отъ Половцевъ.

„*Корческъ.* Въ 1158 году, *Корчане выходятъ на встрѣчу* Изяславу *и кланяются* ему съ радостью.

„*Вятка.* Въ 1468 году, *Вятчане предаются* Казанскому царю Обреиму", и т. д.

Перечисленіе такихъ *очень краткихъ, но драгоцѣнныхъ свидѣтельствъ*, начинается на страницѣ 15-й и оканчивается на 19-й слѣдующимъ общимъ заключеніемъ: „Приведенныя здѣсь извѣстія, которыми мы никакъ не думаемъ исчерпать все содержаніе нашихъ лѣтописей, обнимаютъ собою всѣ главные центры древне-русской жизни". Еще бы не обнять! Авторъ могъ выразиться еще смѣлѣе, сказавъ: формы вѣчеваго быта, какъ доказываютъ извѣстія лѣтописей, были распространены не только во всѣхъ русскихъ городахъ, но и въ городахъ сосѣднихъ иностранныхъ державъ, напримѣръ, въ греческихъ, какъ доказываетъ слѣдующее безцѣнное, даже пространное и несомнѣнно вѣрное, извѣстіе русскаго лѣтописца, сохраненное въ одномъ и томъ же видѣ, какъ въ древнѣйшихъ, такъ и въ новѣйшихъ спискахъ. Въ 988 году идетъ Владиміръ на Корсунь, городъ греческій, и „*затворишася Корсуняне въ градѣ и боряхуся крѣпко изъ града*". Изнемогли осажденные „*граждане*", а Владиміръ сказалъ имъ, „если не сдадитесь, буду стоять хотя три года". Корсунскіе же *граждане* „*не послушаша того*", подкопали стѣну города и сносили присыпь земляную, посредствомъ которой князь надѣялся взять городъ. Измѣна Корсунянина Анастаса предала Корсунь въ руки Владиміра: „*Людье* изне-

могоша водною жажею *предашася князю*". Здѣсь проявленіе народной воли очевиднѣе, нежели въ вышеприведенныхъ г. Сергѣевичемъ свидѣтельствахъ вѣчеваго быта въ двадцати четырехъ городахъ Россіи; но неужели это извѣстіе, указывающее, что граждане Корсуня затворяются отъ Владиміра, защищаются крѣпко, ведутъ съ нимъ переговоры и наконецъ, предаются ему, дастъ намъ право заключить о вѣчевой формѣ быта въ греческихъ городахъ? Если основываться на подобныхъ извѣстіяхъ лѣтописи, то, конечно, не трудно распространить вѣчевой бытъ древней Россіи далеко за предѣлы его дѣйствительнаго распространенія, какъ это и дѣлаетъ г. Сергѣевичъ, подтверждающій свои положенія указаніями лѣтописца, относящимися къ разнымъ временамъ и къ разнымъ мѣстностямъ. Совокупивъ эти указанія во едино, онъ получилъ такимъ образомъ *вѣче*, какъ форму быта, *необходимую* въ древней Россіи, *а потому и всеобщую* (?) (стр. 20). Такой методъ только тогда бы могъ привести къ истиннымъ результатамъ, когда бы авторъ доказалъ сначала, что лѣтописецъ всегда и вездѣ употребляетъ слово „вѣче" въ одинаковомъ значеніи; но этого мы не видимъ. А изслѣдовать это понятіе, какъ кажется, столько же необходимо, какъ и значеніе слова „родъ". Можетъ-быть, авторъ не распространилъ бы тогда бытъ Новгорода на все пространство древней Россіи и увидѣлъ бы громадную разницу между вѣчемъ сѣверныхъ волостей, какъ опредѣленнымъ органомъ политической власти народа, и вѣчемъ южной Россіи, какъ безформенною неопредѣленною сходкою безъ всякихъ, опредѣленныхъ закономъ, политическихъ аттрибутовъ.

Намъ кажется, что Новгородъ и Кіевъ представляютъ двѣ совершенно различныя политическія формы, а по мнѣнію г. Сергѣевича „гдѣ были князья, тамъ было и вѣче; Новгородъ не представлялъ въ этомъ отношеніи исключительнаго явленія: *его бытъ есть бытъ общій всѣмъ городамъ русскимъ*" (стр. 2). Правда ли это? Самое поверхностное сравненіе исторіи Кіева съ исторіей Новгорода показываетъ глубокую разницу въ ихъ политическихъ учрежденіяхъ. Въ Новгородѣ мы видимъ чистую демократію, народоправство, въ Кіевѣ — неограниченную монархію. Что власть Кіевскаго князя чисто монархическая, это доказываетъ самъ г. Сергѣевичъ, излагая предметы вѣдомства вѣча и князя: предметы законодательства, администраціи, суда и безопасности внѣшней цѣликомъ принадлежатъ князю и назначеннымъ отъ него органамъ; то ли въ Новгородѣ? Тамъ, по законамъ вольнаго господина Великаго Новгорода, князь является только исполнителемъ воли народа,

дѣйствуетъ по его указаніямъ, по его порученію, за опредѣленное жалованье; тамъ законодательство цѣликомъ есть дѣло вѣча, судъ—въ рукахъ чиновниковъ, выбранныхъ народомъ, управленіе также. И эта разница въ политической жизни Новгорода и Кіева представляется г. Сергѣевичу разницею *количественною*, а не *качественною* (стр. 2). Слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, сказать, что̀ именно должно разумѣть подъ качественнымъ различіемъ: въ политическихъ учрежденіяхъ разница количественная является въ то же время и качественною; монархія, аристократія и демократія представляютъ не только количественную, но и качественную разницу [1]).

Еслибъ авторъ потрудился разъяснить кажущуюся ему количественную разницу въ жизни Новгорода, и напримѣръ, въ жизни Кіева, то можетъ-быть, увидѣлъ бы, что разница эта простирается до того, что вѣче Новгородское и вѣче Кіевское составляютъ различныя понятія, означенныя однимъ словомъ только по несовершенству языка, по шаткости еще не установившихся понятій молодаго народа. Вѣче Кіевское, по изслѣдованіямъ самого автора, не имѣетъ закономъ опредѣленныхъ правъ и обязанностей, предметовъ вѣдомства (что̀, впрочемъ, также не вѣрно), не имѣетъ юридическихъ основъ; вѣче же Новгорода, опирающееся на юридическія основанія (какъ доказываютъ *всѣ* дошедшіе до насъ памятники быта Новгородскаго народоправства), представляетъ верховный органъ государственной власти, дѣйствующій на законныхъ основаніяхъ, и соединяетъ въ себѣ всѣ верховныя права ея. Вѣче Новгородское издаетъ законы, обязательные для всѣхъ и каждаго, не исключая самого князя; именемъ вѣча дѣйствуетъ администрація, производится судъ, ведутся внѣшнія сношенія; вѣче объявляетъ войну и заключаетъ миръ, налагаетъ подати, собираетъ войско, распоряжается государственными имуществами, назначаетъ высшіе органы администраціи, опредѣляетъ имъ жалованье, судитъ ихъ, отрѣшаетъ отъ должностей, наказываетъ, дѣлаетъ постановленія о торговлѣ, учреждаетъ монополіи; однимъ словомъ, составляетъ единую, верховную государственную власть, въ формѣ демократіи, народоправства, гдѣ князь есть только подчиненный вѣчу высшій органъ его, состоитъ на жалованьи отъ вѣча и имѣетъ права болѣе ограниченныя, нежели права президента въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Укоренившійся въ нашей исторической наукѣ

[1]) Когда стремятся опредѣлить составъ приказовъ царской эпохи, то дѣлаютъ это не потому только, чтобъ узнать, одно ли лицо въ нихъ дѣйствовало или нѣсколько, а потому что отъ этого количества зависитъ и качество учрежденія.

взглядъ, по которому политическій строй южныхъ и сѣверо-восточныхъ княжествъ древней Россіи не отличается отъ политическаго строя сѣверо-западныхъ русскихъ народоправствъ, привелъ современныхъ ученыхъ къ совершенному непониманію и искаженію основъ древняго быта Руси, къ смѣшенію различныхъ началъ, въ хаосѣ и борьбѣ которыхъ отыскать истину чрезвычайно трудно: различныя начала и учрежденія пересаживаются по произволу съ юга на сѣверъ, съ сѣвера на югъ, смотря по надобности, для доказательства господства быта патріархальнаго, родоваго, общинно-договорнаго, общинно-владѣльческаго, вотчиннаго, вѣчеваго, „господства единичнаго лица, не сдерживаемаго государственнымъ порядкомъ, не сознающаго себя членомъ общества, какъ единаго цѣлаго“ [1]) и т. д.

Связь Новгородскаго государства съ сосѣднимъ Кіевскимъ была основана болѣе на общественныхъ, чѣмъ на политическихъ отношеніяхъ— на происхожденіи, религіи, возникшихъ отсюда общихъ преданіяхъ, что̀ помогло въ послѣдствіи Іоанну III покорить Новгородъ; связь же политическая была основана только на свободномъ выборѣ высшихъ вѣчевыхъ органовъ Новгорода изъ потомковъ Рюрика (и то не всегда), княжившихъ въ сосѣднемъ Кіевскомъ государствѣ. Изъ лѣтописей видны притязанія нѣкоторыхъ потомковъ Рюрика на Новгородъ, но этихъ притязаній никогда не признавалъ народъ, а это главное. До окончательнаго отдѣленія Новгородскаго народоправства отъ Кіевской монархіи существовало одно лишь условіе не только связи, но и зависимости Новгорода отъ Кіева, уплата дани; но эта уплата производилась „мира дѣля“, лишь бы Кіевскіе князья и ихъ дружина не безпокоили границъ Новгородскихъ владѣній (какъ, во времена царей, Россія платила дань Крымскому хану); да притомъ уплата дани не уничтожаетъ совершенно самостоятельности государства. Съ Ярослава Владиміровича прекратилась и эта зависимость. Съ грамоты Ярослава I, предоставившей Новгородцамъ свободу „жить на всей своей волѣ“, Новгородъ выдѣляется въ сознаніи самихъ Рюриковичей изъ ряда другихъ волостей Россіи и мало по малу развиваетъ народную свободу и государственную самостоятельность до степени свободнаго въ политическомъ отношеніи, независимаго народоправства. Воля Новгородцевъ становится могущественною силою, которую не

---

[1]) См. *Чичерина*, Опыты по исторіи русскаго права, стр. 379. Удивительно, какъ сосѣди не воспользовались такимъ хаотическимъ состояніемъ древней Руси и не прибрали ее къ своимъ рукамъ, а напротивъ, допустили поглотить себя этой будто бы расплывавшейся массѣ?

могутъ сломить усилія трехъ поколѣній сильнѣйшихъ князей Суздальскихъ и самыя ужасныя бѣдствія. Сила Новгорода поражаетъ умы. „Кто противъ Бога и Великаго Новгорода“, говорили современники. Государственная свобода, независимость до такой степени всасывается въ плоть и кровь Новгородскаго общества, что Иванъ Васильевичъ III, объединяя старую Русь, тогда только сломилъ Новгородскую силу, когда уничтожилъ самое общество вольныхъ Новгородцевъ. Обратите вниманіе на фактъ: въ южной и сѣверо-восточной Россіи, для присоединенія къ Москвѣ извѣстнаго княжества, требовалось только уничтожить князя этого княжества, и затѣмъ организація другихъ учрежденій, въ томъ числѣ и народныхъ сходовъ, вѣчъ, оставалась безъ измѣненія; въ Новгородѣ же первымъ условіемъ уничтоженія самостоятельности Иванъ III постановилъ: „А Новгородской старшинѣ ни которой не быти: ни вѣчю, ни суду, ни посаднику, ни тысячскому; а вѣчный колоколъ сняти доловъ“ [1]). Почему это? Конечно, потому что въ княжествахъ представителемъ государства, государственной власти былъ князь, а въ Новгородѣ *само* общество, съ своимъ органомъ — вѣчемъ.

Древняя Россія представляетъ любопытнѣйшее зрѣлище въ томъ отношеніи, что общественные элементы, мѣстное самоуправленіе, одинаковы на всемъ ея пространствѣ и во всѣ ея эпохи; политическіе же элементы, организація верховныхъ правительствъ въ южныхъ княжествахъ и сѣверныхъ народоправствахъ различны на столько, на сколько различны неограниченная монархія, единоличное полновластное правленіе, и демократія, правленіе народное.

Неправильное толкованіе источниковъ скрывало это въ высшей степени важное различіе отъ изслѣдователей, а вслѣдствіе того въ нашей наукѣ и возникали во множествѣ теоріи, противорѣчащія другъ другу, но не имѣющія прочныхъ основаній и затемняющія дѣйствительный бытъ древней Россіи. Вѣрное возсозданіе древняго общественнаго и политическаго быта требуетъ новой, тщательной провѣрки какъ источниковъ, такъ и выводовъ, сдѣланныхъ до сихъ поръ наукою. Кто, напримѣръ, повѣритъ г. Сергѣевичу, что слѣдующія извѣстія лѣтописи доказываютъ вѣчевой бытъ? Подъ 1382 годомъ лѣтописецъ говоритъ:

„Во градѣ Москвѣ *бысть замятня многа и мятежъ великъ зело,* бѣху людіе смущены, гражданстіи людіе возмятошася и всколебашася, *яко пьяни,* и бывши

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. IV, Новг. Лѣтоп., стр. 136; Псковск. лѣтоп., стр. 258, 260.

промежи ими распрѣ велицѣ, *створиша вѣче,* позвониша во вся колоколы, и *въсташа вѣчемъ* народы мятежницы на добріи человѣцы, людіе *крамольницы*" [1]).

Подобное же вѣче встрѣчаемъ въ Москвѣ и подъ 1445 годомъ [2]). По этой системѣ толкованія источниковъ не трудно было г. Сергѣевичу отыскать вѣче и въ другихъ городахъ сѣверо-восточной Руси:

„Въ 1293 году, Татары были недалеко отъ Твери. «Бысть же печаль велика Тверичамъ, *не бѣше бо у нихъ князя;* они же цѣловаша межи себя крестъ и сѣдоша въ осадѣ, укрѣпившися на томъ, яко битися съ Татары, а не предатися» [1])..... Подъ 1262 годомъ Костромичи дѣлаютъ вѣче на бояръ, надо думать, Тверскихъ..... Подъ 1262 годомъ, Ярославль упоминается въ числѣ тѣхъ городовъ, жители которыхъ созвали вѣче и рѣшили изгнать татарскихъ откупщиковъ даней [3])..... Подобное же вѣче (какъ въ Костромѣ въ 1262 году) [4]) было въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1305 году" [5]).

Въ 997 году Бѣлгородцы должны были выдержать продолжительную осаду Печенѣговъ, и на прибытіе князя Владиміра надежда пропала, а между тѣмъ „удолжися остоя въ городѣ, и бѣ гладъ великъ, *и створиша вѣче* въ городѣ и рѣша.... Бѣ же единъ *старець не былъ на вѣчи томъ* и вопроша: «Что ради вѣче было?» И людье повѣдаша ему, яко утро хотятъ ся людье передати Печенѣгомъ. Се слышавъ, посла *по старѣйшины градьскыя,* и рѣче имъ: «Слышахъ, яко хочете ся передати Печенѣгамъ?» Они же рѣша: «Не стерпять людье глада». И рѣче имъ: «Послушайте мене, не передайтеся за три дни,

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, Новгор. 4-я лѣтоп., стр. 85.

[2]) П. С. Р. Л., Воскр. лѣтоп., подъ 1445 годомъ.

[3]) Воскр. лѣтоп.

[4]) Лавр. лѣтоп.

[5]) Воскр. и Львовск. лѣтописи. Вооруженный такими извѣстіями, г. Сергѣевичъ тщится разбить мнѣніе г. Соловьева объ особенностяхъ устройства новыхъ сѣверо-восточныхъ городовъ. «Въ нашей исторической литературѣ» — говоритъ г. Сергѣевичъ (стр. 14)—«существуетъ мнѣніе объ особенностяхъ устройства новыхъ сѣверо-восточныхъ городовъ, которые будто бы составляли собственность князя (?) и не имѣли вѣча, чѣмъ и объясняется возникновеніе на сѣверо-востокѣ Россіи новаго порядка вещей, приготовившаго Московское государство. См. С. М. *Соловьева* «Исторію отношеній Новгорода къ великимъ князьямъ», стр. 17. Тотъ же авторъ на стр. 21 XIII тома своей «Исторіи Россіи», указавъ на это различіе, продолжаетъ такъ: «Андрей Боголюбскій переселяется жить изъ стараго города Ростова Великаго въ новый Владиміръ на Клязьмѣ, гдѣ нѣтъ вѣча, гдѣ власть княжеская не встрѣтитъ преградъ».... Это мнѣніе противорѣчитъ только-что приведеннымъ свидѣтельствамъ источниковъ». Но если г. Соловьевъ дѣлаетъ ошибку, допуская политическую власть въ южныхъ и старыхъ сѣверо-восточныхъ городахъ, то г. Сергѣевичъ увеличиваетъ ее распространеніемъ вѣчеваго быта и на новые города.

и я вы что велю, то створите». Они же ради обѣщашася послушати...“ [1]). Въ этомъ примѣрѣ слово „вѣче“ употреблено въ смыслѣ совѣщанія, и самый органъ совѣщанія состоитъ изъ однихъ старѣйшинъ города, какъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, а между тѣмъ г. Сергѣевичъ доказываетъ имъ вѣчевой бытъ въ Бѣлгородѣ (стр. 3), приводя слова лѣтописи, будто бы „Бѣлгородцы сотворили вѣче и рѣшили сдаться“. Но вопервыхъ, рѣшеніе этого вѣча зависѣло отъ однихъ старѣйшинъ, какъ указываетъ дальнѣйшее повѣствованіе лѣтописца, что̀ противорѣчитъ понятію о вѣчѣ самого автора, по которому вѣчевыя постановленія составлялись и отмѣнялись всѣми гражданами города, какъ лучшими, такъ и меньшими; вовторыхъ, Бѣлгородъ, въ этомъ случаѣ, находился въ исключительныхъ обстоятельствахъ, по которымъ непремѣнно нужно было посовѣтоваться самимъ гражданамъ, чтобы предпринять что-нибудь; втретьихъ, здѣсь слово „вѣче“ употреблено въ смыслѣ совѣщанія и доказываетъ только то, что въ 997 году граждане города Бѣлгорода совѣщались, но ничуть не доказываетъ вѣчеваго быта. Вѣче въ такомъ смыслѣ было и есть всегда и вездѣ: въ 1612 году Нижегородцы сотворили вѣче, посовѣтовались и рѣшили спасти Москву отъ Поляковъ; въ 1682 году Московскіе стрѣльцы составили сходку, посовѣтовались и рѣшили умертвить Нарышкиныхъ; въ настоящее время различныя общества совѣтуются и постановляютъ рѣшенія по разнымъ предметамъ и проч. Но, конечно, всѣ эти совѣщанія не означаютъ вѣчеваго быта. Подобныя свидѣтельства приводятся г. Сергѣевичемъ во множествѣ случаевъ, для доказательства самыхъ важныхъ положеній, какъ, напримѣръ, что вѣчевой бытъ, въ удѣльный періодъ, существовалъ во многихъ городахъ Россіи (глава I); что вѣче не могло состояться безъ народнаго желанія, хотя бы призывъ исходилъ отъ самого князя или его посадника (стр. 89); что необходимаго мѣста для вѣчевыхъ собраній не было (стр. 59); что продолжительность вѣча опредѣлялась не временемъ, а предметомъ (стр. 60); что порядокъ совѣщаній былъ словесный и совершенно безформенный (стр. 61) и проч.

Приведемъ еще одинъ примѣръ того, какъ г. Сергѣевичъ толкуетъ свои источники. Подъ 1231 годомъ лѣтопись разказываетъ: „Данилу *созвавшу вѣче*, оставьшуся *въ 18 отрокъ* вѣрныхъ, и съ Демьяномъ тысяцкымъ своимъ, и рече имъ: «Хочете ли быти вѣрны мнѣ, да изыду на враги моѣ?» Онѣмъ же кликнувшимъ: «Вѣрны есмы

---

1) Лавр. л. подъ 997 г.

Богу и тобѣ, господину нашему, изыди съ Божіею помощью». Соцкый же Микула рече: «Господине! не погнѣтши пчелъ, меду не ѣдать»“ [1]). По словамъ самой лѣтописи, вѣче, созванное Даніиломъ, *состояло только изъ 18 отроковъ его,* которые остались отъ дружины и въ числѣ которыхъ были и его тысяцкій и сотскій. Кому же неизвѣстно, что отроки въ древней Россіи составляли дружину князя? А слѣдовательно, и вѣче, созванное Даніиломъ, не имѣло земскаго характера. Между тѣмъ г. Сергѣевичъ этимъ примѣромъ подтверждаетъ вѣчевой бытъ въ Галичѣ. „Подъ 1231 годомъ“ — говоритъ онъ — „встрѣчаемся и съ обычнымъ терминомъ народныхъ собраній: «Данилу созвавшу вѣче» (стр. 8). Отчего бы г. Сергѣевичу не привести цѣликомъ указываемаго имъ извѣстія?

Итакъ, вотъ какими средствами г. Сергѣевичъ доказываетъ существованіе вѣчеваго быта, на всемъ пространствѣ Россіи во времена князей Рюриковичей. Встрѣчая эти доказательства, неопытный читатель можетъ подумать, что и въ самомъ дѣлѣ „*вѣчевой бытъ былъ явленіемъ необходимымъ въ древней Россіи, а потому и всеобщимъ*“ (стр. 20). И дѣйствительно, вѣчевой бытъ былъ явленіемъ всеобщимъ въ удѣльный періодъ, но какъ сейчасъ увидимъ, далеко не въ томъ смыслѣ, какой приписываетъ ему г. Сергѣевичъ.

Покончивъ съ вопросомъ о распространенности вѣчеваго быта, г. Сергѣевичъ переходитъ во времени его господства, и между прочимъ на стр. 21 говоритъ слѣдующее объ эпохѣ татарскаго завоеванія:

„Право сходиться на вѣча существовало по прежнему, но къ его осуществленію или вовсе не приходилось обращаться, или если и обращались, то въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Такимъ образомъ вѣчевыя собранія начинаютъ выходить изъ употребленія, хотя объ отмѣнѣ ихъ еще никто и не думалъ.... Вѣчевыя собранія, слѣды которыхъ сохранились отъ второй половины XIV и XV вѣка, составляютъ исключеніе, а не правило; это послѣдніе отголоски древняго быта. Къ концу XV вѣка Россія представляется раздѣленною на двѣ мало похожія одна на другую части: Новгородъ и Псковъ являются представителями стараго порядка, Москва — новаго“ (стр. 21—22).

Какъ же это такъ? Къ чему же авторъ, немного ранѣе, сказалъ: „*Во времена князей Рюриковичей* форма эта (то-есть, вѣче) встрѣчается на всемъ пространствѣ княжеской Россіи; гдѣ были князья, тамъ было и вѣче. Новгородъ не представляетъ въ этомъ отношеніи исключительнаго явленія: его бытъ есть бытъ общій всѣмъ городамъ русскимъ“. До какого же времени, по понятіямъ г. Сергѣевича, прости-

---

[1]) П. С. Р. Л., II, стр. 171, Ип. л.

раются времена князей Рюриковичей? Неужели только до татарскаго завоеванія?

„Отмѣна вѣча“ — говоритъ авторъ — „совершилась не столько въ силу сознательной воли законодателя, сколько въ силу измѣненій въ древнемъ общественномъ бытѣ, которыя, хотя и не были направлены къ отмѣнѣ вѣчевыхъ учрежденій (?), но произвели то, что народныя собранія сдѣлались ненужными и мало по малу вышли изъ употребленія; только подъ конецъ разсматриваемаго періода встрѣчаемся съ законодательною волею, сознательно направленною къ отмѣнѣ послѣднихъ остатковъ вѣчеваго устройства“ (стр. 20).

Да, правда: никто и никогда не думалъ отмѣнять вѣчевыя собранія въ южныхъ и сѣверо-восточныхъ княжествахъ удѣльнаго періода; мало того: вѣчевыя собранія, какъ органы общественные, общинные, ограниченные сферами мѣстнаго хозяйства, управленія и полиціи, не отмѣнялись, а также не прекращались и сами собою. Законодательная воля Московскихъ князей была направлена не противъ вѣчъ, съ значеніемъ общиннаго, общественнаго органа, дѣйствующаго по порученію государственной власти, но только противъ вѣча Новгородскаго и Псковскаго, съ значеніемъ верховнаго, политическаго органа, — значеніемъ, котораго никогда не имѣли вѣча южныя и сѣверо-восточныя. Московскіе князья старались расширить дѣятельность общинныхъ органовъ: земскіе соборы и ихъ результаты для общинъ служатъ тому самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ. Татарское иго только устранило дотолѣ легкую для народа возможность случайно вмѣшиваться въ отношенія князей; возникающіе между князьями споры о наслѣдованіи столовъ перестаютъ находить опору въ народѣ и рѣшаются въ ордѣ. *Сама же жизнь* не уменьшила, какъ думаетъ г. Сергѣевичъ, поводовъ къ собраніямъ народнымъ, а скорѣе увеличила ихъ. Слѣдовательно, по нашему убѣжденію, вѣчевыя собранія въ южныхъ и сѣверо-восточныхъ княжествахъ, какъ и въ сѣверныхъ, съ значеніемъ южныхъ, никогда и никѣмъ не отмѣнялись. Самому г. Сергѣевичу извѣстны слѣдующіе факты: Въ 1237 г. „Козляне совѣтъ сотворше не датися Батыю, рекше: яко аще князь нашъ младъ есть, но положимъ животъ свой за нь“ [1]). Въ 1293 году Тверичи „цѣловаша межи себя хрестъ и сѣдоша въ осадѣ, укрѣпившеся на томъ, яко битися съ Татары, а не предатися“ [2]). Въ 1262 году христіане „изволиша вѣчь“ на всемъ сѣверо-востокѣ Россіи „и выгнаша поганыхъ“ (то-есть, та-

---

[1]) П. С. Р. Л., II, стр. 176.

[2]) Тамъ же, Воскр. Лѣт.

тарскихъ откупщиковъ даней) изъ городовъ: Ростова, Суздаля, Владиміра, Переяславля, Ярославля" [1]). Въ 1261 году собирались вѣча и совѣтовались общины по всѣмъ городамъ русскимъ: „Вѣче бысть на бесерменъ по всѣмъ градомъ русскимъ; окупляху бо тѣ бесермене дани татарскія и отъ того велику пагубу людемъ творяху" [2]). Въ 1304 году Костромичи дѣлаютъ вѣче на бояръ [3]). Въ 1307 году, князь Святославъ говоритъ: „Брянцы мя, господине, не пустятъ, хотятъ за меня головы свои покласти" [4]). Въ 1305 году было вѣче въ Нижнемъ Новгородѣ [5]). Въ 1343 году „нагадавшеся Псковичи съ Изборяны и поѣхавше воевати земли нѣмецкія" [6]). Въ 1397 году „Двиняне, Иванъ Микитинъ, и бояре Двинскіе, и вси Двиняне за великаго князя задались и цѣловали крестъ великому князю" [7]). Въ 1399 году, въ городѣ Устюгѣ, „рече Яковъ князю и гражданамъ: «Стоите ли за бѣглеца Новгородскаго Анфила?» И князь съ Устюжаны рече: Мы за него не стоимъ, ни пособляемъ по князя великаго цѣлованію" [8]). Въ 1435 году „Заволочане задашася за князя Василія Юрьевича и крестъ къ нему цѣловаша, а отъ Новгорода отъяшася" [9]). Въ 1468 году Вятчане рѣшили предаться Казанскому царю Обреиму, а въ 1469 году отказались идти войною на Казань [10]). Въ 1450 году Галичане рѣшили предаться великому князю Василію Васильевичу [11]) и т. д.

Если свидѣтельства лѣтописей недостаточно для доказательства существованія вѣчъ, какъ общаго правила, во время ига Монгольскаго и послѣ него, то на это можно возразить только одно: извѣстій о существованіи вѣчъ и до ига Монгольскаго имѣется у насъ никакъ не болѣе. Если же самое слово „вѣче" у сѣверныхъ лѣтописцевъ употребляется рѣже, то, конечно, потому лишь, что понятіе „вѣча" стало замѣняться другими словами: сходка, собраніе людское и пр. Такъ, напримѣръ, подъ 1418 годомъ, лѣтописецъ говоритъ:

---

1) Соф. 1-я л.
2) П. С. Р. Л., IV, стр. 39, Новг. 4-я лѣт.
3) Воскр. и Львов. лѣт.
4) Соф. 1-я л.
5) Воскр. л.
6) П. С. Л., IV, Псков. 1-я л.
7) П. С. Л., III, Новг. 1-я л.
8) П. С. Л., IV, Новг. 4-я л.
9) П. С- Л., IV, Пск. 1-я л.
10) Воскр. л.
12) Воскр. л.

„Пришедше Кузмодемьянцы къ архіепископу, молиша его, да пошлетъ и̂ къ *собранію людскому;* святитель же послуша моленія ихъ, посла съ попомъ ихъ *на вѣчѣ;* они же пріяша его" [1]). Здѣсь лѣтописецъ одно и то же народное сходбище сначала назвалъ людскимъ собраніемъ, а потомъ вѣчемъ.

Если указаній лѣтописи было недостаточно, то нетрудно было усмотрѣть существованіе мірскихъ, законныхъ сходовъ, на всемъ пространствѣ Россіи и во весь періодъ князей Рюриковичей, изъ другихъ памятниковъ древне-русской жизни. Въ 1548 году на зовъ царя Ивана Васильевича съѣхались въ Москву представители земства русскаго. Почему же они представители земства? Потому что это были уполномоченные его, выборные, которымъ земство поручило переговорить съ царемъ о своихъ нуждахъ и интересахъ. Но для выборовъ необходимы сходы, собранія избирателей? Конечно. Изъ словъ царя Ивана Васильевича, сказанныхъ на первомъ обще-русскомъ земскомъ соборѣ, въ 1548 году, и занесенныхъ въ окружную уставную грамоту о мѣстномъ самоуправленіи общинъ, видно, что еще до собора, земство приносило жалобы царю на его намѣстниковъ, что̀ также требовало народныхъ сходовъ [2]). Мало того: задолго до объединенія Россіи, а равно и послѣ него, выборные отъ народа, отъ общинъ, были необходимыми членами суда, что̀ также требуетъ законныхъ сходовъ избирателей: „а намѣстникомъ нашимъ и ихъ тіуномъ безъ соцкихъ и добрыхъ людей не судити судъ" [3]); „а безъ дворскаго и безъ лучшихъ людей ловчему и его тіуну суда не судити никакова" [4]) и пр.

Въ Судебникѣ великаго князя Ивана Васильевича III общимъ закономъ постановлено: „А боярамъ или дѣтямъ боярскимъ, за которыми кормленія съ судомъ съ боярскимъ, и имъ судити, *а на судѣ у нихъ быти дворскому, и старостѣ, и лучшимъ людямъ, а безъ дворскаго, и безъ старосты, и безъ лучшихъ людей суда намѣстникомъ и волостелямъ не судити*" [5]). На обязанностяхъ и правахъ общины лежала и раскладка податей: „А тѣ кормы ловчего и тіуновъ и доводчиковъ, поборъ дворской, съ десятскими и съ добрыми людьми *межъ себя мечутъ* съ столца по дани и по пашни: которая де-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, стр. 117, Новг. 4-я л.

[2]) Акты Арх. Эксп., I № 243, стр. 265.

[3]) Тамъ же, № 123, стр. 93.

[4]) Тамъ же, № 150, стр. 122.

[5]) Судебникъ великаго князя Ивана Васильевича III, въ указѣ намѣстникамъ о судѣ городскомъ; Акты Историческіе, I, № 105, стр. 153.

ревня болши пашнею и угодьемъ, и они на ту деревню болши корму и поборовъ положатъ; а которая деревня менши пашнею и угодьемъ, и они на ту деревню менши корму и поборовъ положатъ; да собравъ тѣ кормы съ старостами и десяцкими да платятъ ловчему и его тіупу поборъ въ городѣ, по праздникамъ; а тіуну у нихъ и доводчику и по деревнямъ самимъ не ѣздити, ни кормовъ, ни побору не драти" [1]).

Общинный бытъ удѣльнаго періода, условливавшій необходимость общинныхъ, народныхъ собраній, выражается и въ учрежденіи круговой поруки: „А учинится у нихъ въ городѣ душегубство, а не доищутся душегубца, ино *вины* четыре рубля заплатятъ горожане; а учинится душегубство въ коемъ стану, или въ коей волости, а не доищутся душегубца, и они вины четыре рубли заплатятъ въ стану или въ волости, въ коей душегубство учинилося" [2]).

Эти и другія указанія памятниковъ старины, доказывающія проявленія общинныхъ началъ въ древней Руси, неправильно или недостаточно оцѣнены современною наукой, а между тѣмъ они въ высшей степени важны въ дѣлѣ опредѣленія древне-русской общины.

Достаточно приведенныхъ свидѣтельствъ, чтобъ убѣдиться въ существованіи и немаловажномъ значеніи общинныхъ началъ въ удѣльный періодъ нашей исторіи. Но если существовала община, какъ учрежденіе съ извѣстными правами и обязанностями, ординарное, законное, то необходимо долженъ существовать и ординарный, постоянный органъ общины, общинная сходка, мірское собраніе, безъ котораго общинный бытъ немыслимъ. А это-то и отвергнуто г. Сергѣевичемъ; вслѣдствіе того въ его книгѣ вѣче и до татарскаго завоеванія не имѣетъ никакихъ юридическихъ основъ; нѣтъ и изслѣдованія древне-русской общины и ея значенія—этого интереснѣйшаго вопроса древне-русскаго государственнаго и общественнаго строя; нѣтъ и разрѣшенія вопросовъ—когда и по какимъ причинамъ крупныя общины, представлявшія цѣлыя княжества первыхъ вѣковъ русской исторіи, раздробились на болѣе мелкія единицы. Что̀ связывало различные пункты населенія въ одну волость, въ смыслѣ княженія, до раздробленія? Фактическими, внѣшними причинами подобные вопросы не разрѣшаются. Эти вопросы нашъ авторъ рѣшаетъ очень просто, мето-

[1]) Уставная грамота Дмитровскаго князя Каменскаго стана бобровникамъ. Акты Арх. Эксп., № 150, стр. 121.

[2]) Уставная Бѣлозерская грамота, Акты Арх. Эксп., № 123, стр. 93; также №№ 150, 240; ср. Акты Ист., I, № 137 и пр.

домъ умолчанія, при посредствѣ уничтожающаго общину положенія: со времени татарскаго ига, „вѣчевыя собранія начинаютъ выходить изъ употребленія" (стр. 21). На самомъ же дѣлѣ, вѣчевая, общинная форма, съ значеніемъ общины, какъ экономической, хозяйственной и административной единицы, продолжаетъ имѣть громадную важность, еще болѣе увеличившуюся со времени учрежденій царя Ивана Васильевича IV. Еще въ началѣ XVII вѣка община спасла Россію отъ конечной гибели.

Послѣ сказаннаго, понятно и неудивительно, что г. Сергѣевичъ пришелъ къ убѣжденію, будто вѣче древней Россіи характеризуется двумя условіями — всемогуществомъ личной свободы и слабостью княжеской власти. На стр. 52 авторъ говоритъ: „Характеръ нашего вѣча опредѣляется двумя условіями: слабостью княжеской власти и всемогуществомъ личной свободы". На стр. 66: „Наши вѣчевыя собранія возникли до призванія князей и существовали въ то время, когда княжеская власть еще не располагала сколько-нибудь значительною самостоятельною силою".

Здѣсь оба положенія невѣрны: характеръ древняго, русскаго вѣча, какъ органа народа, общины, опредѣляется не всемогуществомъ личной свободы и не слабостью княжеской власти, а началами общиннаго быта нашихъ предковъ, которыхъ мы не встрѣчаемъ у автора. „Личной свободѣ, индивидуализму" — какъ совершенно справедливо замѣчаетъ г. Градовскій — „можетъ соотвѣтствовать и централизація, и народное представительство, и муниципія, и корпорація; слабость правительства можетъ породить и феодализмъ, и рабство, и мало ли еще что" [1]). Притомъ г. Сергѣевичъ не указалъ, что̀ и когда должно разумѣть подъ слабостью или подъ сколько-нибудь значительною силою княжеской власти. Между тѣмъ въ первые вѣка русской исторіи, именно въ періодъ наибольшаго господства вѣчевыхъ порядковъ (по словамъ автора, потому что съ ига монгольскаго эти порядки уже выходятъ изъ употребленія), мы видимъ страшную политическую силу русскихъ князей; первый Кіевскій князь, Олегъ, для покоренія Смоленскихъ и Полянскихъ земель, двинулъ Варяговъ, Приильменскихъ Славянъ, Чудь, Мерю, Весь, Кривичей, и его сила была на столько значительна, что сильнѣйшіе города—Смоленскъ, Любечь, Кіевъ, и не подумали мѣряться съ нею, а безусловно признали надъ собою ея превосходство и покорились ей [1]); этотъ же властелинъ снаряжаетъ

[1]) См. октябрскую книжку *Журн. Мин. Народ. Просв.* 1868 г., стр. 108.

[2]) П. С. Р. Л., I, Лав. л., подъ 882 г.

флотъ въ 2000 кораблей и громадную армію изъ множества Варяговъ, Славянъ Новгородскихъ, Чуди, Мери, Кривичей, Полянъ, Сѣверянъ, Древлянъ, Радимичей, Хорватовъ, Дулебовъ, Тиверцовъ, намѣревается покорить Греческую имперію, и только мольбы Византійскихъ императоровъ и обѣщанія выполнить всѣ требованія Олега спасли Грецію отъ совершеннаго завоеванія [1]). Этотъ же самый князь—св. Димитрій, по предположенію Грековъ—обладатель множества народовъ, по словамъ лѣтописи, самовластно распоряжается и внутри своихъ владѣній: назначаетъ въ города своихъ мужей посадниковъ, установляетъ дани, заключаетъ договоры съ сосѣдними государствами, надъ однимъ изъ городовъ произноситъ свое, повелительное: „се буди мати градомъ русскимъ" [2]). Это ли не сильный князь? Возьмите послѣдующихъ князей: Владиміра Св. и Ярослава I. Одинъ задумалъ перемѣнить государственную религію, другой формулировать обычныя формы права въ положительный законъ, „и бысть тако". Можетъ-быть, скажутъ (да это и говорятъ): въ фактѣ введенія христіанства въ Россіи и видно громадное значеніе земства въ государственныхъ дѣлахъ; князь Владиміръ не рѣшается самовольно ввести новую религію, но совѣтуется съ боярами и старцами градскими. Такъ укажите же тѣхъ властителей, которые рѣшаются на подобныя дѣла безъ совѣта съ боярами и старцами? Тамерланъ, Баязетъ, Батый развѣ не совѣтуются съ окружающею ихъ дружиною? Лѣтописецъ говоритъ, что когда по приказанію Владиміра Святославича, Перуна потащили въ Днѣпръ, то народъ стоналъ и проливалъ горькія слезы, но ничего не могъ сдѣлать въ защиту своего бога.

Итакъ, далеко нелишнимъ было бы для г. Сергѣевича разъяснить или доказать фактически слабость власти Кіевскаго князя въ первые вѣка русской исторіи, тѣмъ болѣе, что слабостью княжеской власти онъ характеризуетъ вѣчевой бытъ древней Россіи [3]).

[1]) Тамъ же, подъ 907 годомъ.

[2]) Тамъ же подъ 882, 883, 884, 912 гг. и пр.

[3]) Должно замѣтить, что не одинъ г. Сергѣевичъ признаетъ подчиненіе княжескаго элемента древней Россіи земскому элементу: это мнѣніе можно считать почти за общее въ современной литературѣ. Мы уже видѣли, что г. Костомаровъ, изъ призванія Варяжскихъ князей въ Новгородъ, съ цѣлью княжить тамъ «по праву», выводитъ двѣ рядомъ стоящія политическія силы. Такого же мнѣнія и г. Бѣляевъ относительно древнѣйшаго періода нашей исторіи. Въ «Разказахъ изъ русской исторіи» (I, стр. 50 и 51) онъ говоритъ: «Князь и дружина были сами по себѣ, а городская и сельская земщина была сама по себѣ... Управленіе князей и ихъ посадниковъ было далеко *не самовластнымъ:*

Итакъ, разборъ основныхъ положеній теоріи г. Сергѣевича приводитъ насъ къ заключенію, что пріемы изслѣдованія, употребляемые авторомъ, увлекли его къ неправильному пониманію основъ древне-

---

тогда *рядомъ съ властію князя или посадника стояла власть земщины*, въ лицѣ выборныхъ старостъ, зависѣвшихъ не отъ князя, а отъ вѣча; *даже въ договорахъ съ иноземцами земщина принимала дѣятельное участіе;* такъ, посланные отправлялись не отъ одного князя, но и отъ всей Русской земли; напримѣръ, въ Олеговой договорной грамотѣ о послахъ сказано: «которые посланы отъ Олега, великаго князя русскаго, и отъ всѣхъ сущихъ подъ рукою его свѣтлыхъ бояръ и отъ всей Руси». Или, въ Игоревой грамотѣ русскіе послы говорятъ: «великій князь нашъ Игорь и бояре его и всѣ русскіе люди послали насъ къ великимъ греческимъ царямъ сотворить миръ». Вообще власть князя ограничивалась тогда судомъ и управленіемъ (чего же еще?); о всемъ же о другомъ князья и не думали; въ то время нигдѣ князья еще не могли утвердиться прочно (?) и не только почти не имѣли вліянія на туземное населеніе, но *даже сами* до нѣкоторой степени (?) *подчинялись вліянію туземныхъ Славянъ.* Князья не разчитывали на земщину и опирались собственно на свою дружину». Итакъ, по мнѣнію г. Бѣляева, князь жилъ самъ по себѣ, а земщина сама по себѣ, управленіе князей было далеко не самовластно: рядомъ съ властію князя стояла власть земщины, даже подчинявшей себѣ княжескій элементъ, даже въ договорахъ съ иноземцами принимавшей дѣятельное участіе, какъ доказываютъ договоры съ Греками, заключенные не только отъ имени князя, но и отъ имени русскихъ людей. Но отчего г. Бѣляевъ и другіе, основывающіе политическое значеніе земской общины на греческихъ договорахъ, не обратили вниманія на тѣ мѣста ихъ, изъ которыхъ видно, будто греческіе договоры съ Русскими заключены не одними греческими императорами, но и греческими людьми, греческимъ земствомъ? Да, кстати, можно было бы вывесть отсюда, что и въ Греціи императоры жили сами по себѣ, а греческое земство, греческія общины сами по себѣ; что императорская власть была далеко не самовластна: рядомъ съ нею стояла власть земщины, даже подчинявшей императорскій элементъ, даже въ договорахъ съ иностранцами принимавшей дѣятельное участіе. Это было бы еще одно *новое и важное* открытіе въ наукѣ! Замѣтимъ, что г. Бѣляевъ не совсѣмъ согласенъ съ другими учеными, доказывающими политическое значеніе вѣча въ древней Россіи на всемъ ея пространствѣ и въ теченіе всего удѣльнаго періода. Въ рѣчи, читанной 12-го января 1867 года на торжественномъ университетскомъ актѣ и помѣщенной въ *Моск. Универс. Извѣстіяхъ,* г. Бѣляевъ говоритъ: «*Каждый князь дорожилъ* только *своею земщиной*, и ежели *мѣстное вѣче* жило съ нимъ согласно и *повиновалось ему*, то для него было и довольно, и онъ оставался совершенно обезпеченнымъ владѣльцемъ своего княжества, и надѣясь на это, ссорился и воевалъ (?!) съ другими князьями» (стр. 5). Но если князь дорожилъ земствомъ, если при нормальномъ, спокойномъ состояніи княжества, вѣче должно было соглашаться съ княземъ и повиноваться ему, то очевидно, такія отношенія непохожи на отношенія вѣча и князя, высказанныя въ вышеприведенныхъ положеніяхъ, по которымъ вѣче и князь были независимыми силами, и князь даже подчинялся вѣчу, земству. Это противорѣчіе сглаживается только тѣмъ, что въ

русскаго быта. Указанныхъ образчиковъ, мы полагаемъ, достаточно для подобнаго вывода. Доказывать невѣрность дальнѣйшихъ выводовъ г. Сергѣевича, щедро разсыпанныхъ въ его книгѣ, было бы излишне.

первые вѣка удѣльнаго періода княжеская власть стояла въ зависимости отъ земской, вѣчевой; а въ послѣдующіе, наоборотъ, князь получилъ преобладаніе надъ земствомъ. Но и это невѣрно, или по крайней мѣрѣ, не доказано. Укажемъ на тѣ мѣста греческихъ договоровъ, изъ которыхъ видно, что въ заключеніи ихъ земство не принимало участія. Въ 907 году, по сказанію Нестора, Грекамъ пришлось плохо отъ замысловъ Олега, русскаго князя, и—продолжаетъ лѣтопись—«почаша Греци мира просити, дабы не воевалъ Грецькой земли. *Олегъ же*, мало отступивъ отъ города, *нача миръ творити съ царема грецькыма*, съ Леономъ и съ Александромъ, *посла къ нима въ городъ*» пословъ, которые (конечно, по инструкціи, приказанію одного князя Олега, потому что земство русское не только не могло высказать своего мнѣнія, но и не знало, что̀ дѣлается подъ Царьградомъ) заключили миръ съ Греками и договоръ, или по мнѣнію другихъ, прелиминарію. Пять лѣтъ спустя (по изслѣдованію академика Круга, въ сентябрѣ 911 года), «посла Олегъ *мужи свои* построити миръ и положити ряды межи Грекы и Русью; и посла глаголя равно другаго свѣщанія, бывшаго при тѣхъ же царихъ Лва и Александра»; то-есть, Кіевскій князь Олегъ отправилъ пословъ въ Грецію опредѣлить точно границы между Русью и Греціей и подкрѣпить миръ, заключенный самимъ Олегомъ въ 907 году и на тѣхъ же основаніяхъ (равно другаго свѣщанія). Послы говорили въ Греціи: «Мы.... послани *отъ Олга, великаго князя Рускаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его свѣтлыхъ бояръ*, къ вамъ, Львови и Александру и Костянтину, великымъ о Бозѣ самодержцемъ царемъ грецкимъ, на удержаніе и извѣщеніе отъ многыхъ лѣтъ межю христіяны и Русью бывшюю любовь, *похотѣньемъ нашихъ князь и по повелѣнію, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его сущихъ Руси*». Вотъ это-то выраженіе: «и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его сущихъ Руси», и составляетъ одно изъ основаній, на которыхъ г. Бѣляевъ построилъ вышесказанные выводы. Но видно ли здѣсь участіе земства, общины, вѣча? Самъ лѣтописецъ нашъ, немного выше, въ совершенно аналогической фразѣ указываетъ, какъ должно понимать это «*Руси*». Въ первой половинѣ періода лѣтописецъ говоритъ: «посланы великимъ княземъ Олегомъ и всѣми подчиненными ему (подъ рукою его) свѣтлыми боярами», то-есть, его дружинниками, сподвижниками, мужами, преимущественно, если не исключительно, Варягами, составлявшими ядро дружины первыхъ русскихъ князей. Во второй половинѣ періода то же самое: «посланы подкрѣпить дружескія отношенія по желанію и повелѣнію нашего князя, и всѣхъ подчиненныхъ ему Руссовъ», то-есть, свѣтлыхъ бояръ, дружинниковъ, мужей, преимущественно Варяговъ. Самый договоръ начинается такъ: «Первымъ словомъ да умиримся *съ вами, Греки;* да любимъ другъ друга отъ всей души, и не дадимъ никому отъ сущихъ подъ рукою нашихъ свѣтлыхъ князей обижать васъ. Также *и вы, Греки,* да храните всегда любовь неподвижную къ нашимъ свѣтлымъ князьямъ русскимъ и всѣмъ сущимъ подъ рукою свѣтлаго Олега. Въ случаѣ же преступленія и вины да поступать тако»... Договоръ Олега, повторяемъ, не доказываетъ политическаго значенія общины, а неограниченная княжеская власть, самовластіе проглядываетъ въ

Книга „Вѣче и Князь“ представляетъ догматическое изложеніе началъ, яко бы дѣйствовавшихъ въ жизни русскаго общества въ удѣльный періодъ его исторіи, въ періодъ князей Рюриковичей. Эти начала и

немъ очень замѣтно; то же и въ договорѣ Игоря, какъ сейчасъ увидимъ. Подъ 945 годомъ (944), разказываетъ лѣтопись, «*присла Романъ*, и Костянтинъ, и Стефанъ слы къ Игореви построити мира первого; *Игорь же глагола съ ними о мирѣ. Посла Игорь* мужѣ своя къ Роману, *Романъ же созва боляре и сановники.* Приведоша рускія слы, и велѣша глаголати, псати обоихъ рѣчи на харатьѣ, равно другаго свѣщанья, бывшаго при цари Романѣ и Костянтинѣ, и Стефанѣ, христолюбивыхъ владыкъ: «Мы... посланіи отъ Игоря великаго князя рускаго, и отъ всякоя княжья, и *отъ всѣхъ людій Рускія земля*.... И великій князь нашь Игорь и боляре его, и людье вси рустіи послаша ны .... къ великимъ царямъ греческимъ, створити любовь съ самѣми цари, со всѣмъ болярьствомъ, *и со всѣми людьми греческими*, на вся лѣта». Если фраза «послаша ны князь, боляре и люди вcѣ рустіи» даетъ право вывести въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи политическое значеніе земства, вѣча, то и фраза о заключеніи мира «не только съ самими царями, но и съ греческими людьми» даетъ не менѣе права на заключеніе о вѣчевомъ бытѣ Греціи, съ политическимъ характеромъ вѣча. Очевидно, договоръ здѣсь говоритъ только о князьяхъ и императорахъ, какъ верховныхъ представителяхъ государства: греческій императоръ представляетъ всѣхъ греческихъ людей, русскій князь всѣхъ Русскихъ, о чемъ и упоминается, какъ это вообще дѣлается въ договорахъ. Это не ограничиваетъ ихъ власти и не мѣшаетъ имъ быть полными политическими самовластцами, относительно своего земства, что̀ доказывается и текстомъ самаго договора. Въ одной изъ статей договора прямо говорится, что внѣшнія сношенія дѣло одного князя: «*А великій князь рускій и боляре его да посылають въ Греки* къ великимъ царемъ греческимъ корабли, елико хотять, со слы и съ гостьми, якоже имъ уставлено есть. Пошаху сли печати злати, а гостье сребрени; *нынѣ же увѣдѣлъ есть князь вашъ посылати грамоту къ царству нашему: иже посылаеми бываютъ отъ нихъ сли и гостье*, да приносять грамоту». Значеніе русскаго князя выясняется еще болѣе изъ слѣдующихъ статей договора: «*Князь русскій* да неприсвоиваетъ себѣ власти надъ страною Херсонскою и городами ея. Когда же онъ, воюя въ тамошнихъ мѣстахъ, потребуетъ войска отъ насъ, Грековъ, мы дадимъ ему, сколько будетъ надобно. Князь русскій да не пускаетъ Черныхъ Болгаръ воевать въ странѣ Херсонской. Ежели цари греческіе потребуютъ войска отъ русскаго князя, да исполнитъ князь ихъ просьбу и да увидятъ черезъ то всѣ другія страны, въ какой любви живутъ Греки съ Русью». А договоръ Святослава показываетъ, что князь заключалъ договоры, о которыхъ и не знало земство русское; между тѣмъ договоры эти заключались отъ имени всѣхъ Русскихъ. Въ договорѣ 971 года князь клянется за себя и за всю Русь: «*Я, Святославъ князь Русскій*, по данной мною клятвѣ, *хочу имѣть до конца вѣка миръ и любовь* съ Цимисхіемъ, Василіемъ и Константиномъ, *и со всѣми людьми вашими, обѣщаясь именемъ всѣхъ, сущихъ подо мною Россіянъ, бояръ и прочихъ*... Если же я или сущіе подо мною не сохранятъ сихъ условій, да имѣемъ клятву отъ Бога, въ коего вѣруемъ, Перуна и Волоса, бога скотовъ; да будемъ желты, какъ золото,

подтверждающіе ихъ примѣры, взятые изъ лѣтописей и относящіеся къ разнымъ мѣстамъ и временамъ, составляютъ все содержаніе сочиненія. На динамику началъ древне-русскаго политическаго устройства и управленія авторъ мало обращаетъ вниманія, что̀ едва-ли дозволительно не только историку, но и юристу-теоретику. Идея движенія служитъ верховнымъ началомъ не только политической исторіи, но и исторіи права. Изложеніе юридическихъ началъ только данной эпохи, безъ изслѣдованія связи этой эпохи съ послѣдующею, легко ведетъ къ искаженію самихъ излагаемыхъ началъ, какъ это мы и видимъ въ книгѣ „Вѣче и Князь".

Положивъ въ основаніе своихъ выводовъ политическое двоевластіе и одинаковый вѣчевой бытъ на пространствѣ всей Россіи въ періодъ князей Рюриковичей, не различивъ политическаго строя южныхъ и сѣверо-восточныхъ княжествъ и сѣверныхъ народоправствъ, г. Сергѣевичъ пришелъ ко множеству ошибокъ и противорѣчій, представилъ картину политическихъ началъ очень неудачную и не соотвѣтствующую дѣйствительности. Вѣчевые порядки, какъ представляетъ ихъ г. Сергѣевичъ, не соотвѣтствуютъ ни дѣйствительной жизни сѣверныхъ народоправствъ, ни дѣйствительной жизни южныхъ и сѣверо-восточныхъ княжествъ. Вѣрные выводы встрѣчаются у г. Сергѣевича только случайно, да и то имѣютъ для науки только значеніе гипотезъ, нуждающихся еще въ дальнѣйшихъ изысканіяхъ и подтвержденіяхъ. Да иначе и быть не можетъ: исходное положеніе, первая посылка не вѣрна; факты собраны подъ вліяніемъ односторонняго взгляда и не подвергнуты критическому анализу; стало быть, и выводы не могутъ быть вѣрными, не могутъ имѣть значенія истины, даже теоріи.

Все это не значитъ впрочемъ, что книга г. Сергѣевича не имѣетъ важнаго научнаго значенія; она является слабою только по своимъ выводамъ; но какъ матеріалъ, какъ собраніе фактовъ для будущей

и собственнымъ оружіемъ изсѣчены!» Договоръ Святослава не требуетъ поясненій. На основаніи сказаннаго, мы полагаемъ, что договоры съ Греками доказываютъ самовластіе, не власть неограниченную русскихъ князей, а не двоевластіе политическое въ древней Россіи, не власть политическую земства, вѣча; дѣятельность земства и его вѣча ограничивалась мѣстными интересами, сферою мѣстнаго самоуправленія, а въ политической сферѣ оно является, какъ исключеніе, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, что̀ случалось не только въ удѣльный періодъ, или какъ говорятъ, въ *періодъ вѣчеваго быта*, но на пространствѣ всей Россіи и въ теченіе всей древней нашей исторіи.

теоріи древне-русскихъ государственныхъ и общественныхъ отношеній, она имѣетъ большое значеніе, и можно сказать, не часто являются у насъ труды съ такимъ богатымъ фактическимъ содержаніемъ, возбуждающимъ такъ много вопросовъ.

Обзоръ сочиненія г. Сергѣевича, долженствовавшаго, какъ сказано, заключать въ себѣ результаты современной науки, въ связи съ предшествовавшимъ ему указаніемъ на хаотическое состояніе нашихъ понятій о древнемъ періодѣ русской жизни вообще, доказываетъ намъ нагляднымъ образомъ ту шаткость и неудовлетворительность средствъ, которыми орудуетъ современная наука, и ту невѣрность результатовъ, которая является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ господствующаго метода изысканій: доказываетъ, какъ опасно ввѣряться нашему лѣтописцу, не возстановивъ настоящаго значенія его понятій. Нашимъ разсужденіемъ мы желали бы указать на необходимость новыхъ пріемовъ въ наукѣ и напомнить о воздержности въ заключеніяхъ.

Намъ кажется, что древняя Россія представляетъ интереснѣйшее зрѣлище для науки въ томъ отношеніи, что общественные элементы, мѣстное самоуправленіе одинаковы на всемъ пространствѣ Россіи въ періодъ князей Рюриковичей; политическіе же элементы, организація верховныхъ правительствъ въ южныхъ и сѣверо-восточныхъ княжествахъ и сѣверныхъ народоправствахъ различны на столько, на сколько различны монархія — княжеское правленіе, и демократія — народное правленіе. На это въ высшей степени важное различіе современная наука не обращаетъ вниманія или не замѣчаетъ его, что̀, въ связи съ недостаткомъ средствъ и ложностью метода, ведетъ къ созданію громаднаго количества теорій, противоположныхъ одна другой и тѣмъ другъ друга уничтожающихъ, — теорій безъ основанія, закрывающихъ дѣйствительный бытъ древней Россіи, и потому не только безполезныхъ, но даже вредныхъ. Новое возсозданіе древне-русскаго общественнаго и политическаго быта требуетъ новой, тщательной провѣрки какъ самихъ источниковъ, такъ и высказанныхъ доселѣ научныхъ толкованій, основанныхъ часто на отдѣльныхъ фразахъ, даже словахъ лѣтописей, которымъ довѣряться никакъ не слѣдуетъ.

Все нами сказанное еще болѣе выяснится изложеніемъ фактовъ изъ древне-русской жизни, представляемыхъ источниками, къ которому теперь и приступаемъ.

II.

Значеніе слова «вѣче» въ лѣтописяхъ.

Въ предыдущей главѣ мы старались критически разсмотрѣть современное состояніе науки о государственномъ устройствѣ и управленіи въ древней Руси. Въ настоящей главѣ мы постараемся представить хотя часть тѣхъ матеріаловъ, изъ которыхъ можетъ, по нашему мнѣнію, сложиться новое, болѣе точное воззрѣніе на эти вопросы; при этомъ мы старались употребить въ дѣло тѣ именно критическіе пріемы, которые не всегда находили въ трудахъ нашихъ ученыхъ. Первою нашею задачею было опредѣлить точное значеніе слова „вѣче" въ нашихъ лѣтописяхъ.

Сравнивая различныя мѣста лѣтописи, гдѣ употреблено слово *вѣче*, мы приходимъ къ заключенію, что словомъ „вѣче" означаются у нашихъ лѣтописцевъ три различныя основныя понятія: 1) совѣщанія, 2) народнаго собранія вообще и 3) органа политической власти народа.

1) *Вѣче, какъ совѣщаніе, говореніе, функція народнаго собранія.* Въ очень многихъ мѣстахъ лѣтописи слово *вѣче* имѣетъ значеніе совѣщанія, говоренія нѣсколькихъ или многихъ лицъ въ какомъ бы то ни было мѣстѣ и по какому бы то ни было дѣлу. Въ этомъ значеніи слово *вѣче* стоитъ въ связи съ глаголами: *вѣчать, вѣщать, свѣчать, свѣщать, свѣчаться, свѣщаться* (что значитъ совѣщать, говорить, совѣщаться) и въ связи съ существительными *свѣчанье, свѣщанье, свѣцанье* (совѣщаніе, договоръ), съ которыми и имѣетъ одно и то же значеніе [1]). Такъ, въ извѣстіи 1-й Новгородской лѣтописи: „изволеніемъ діаволимъ *всташа простая чадь* на архимандрита Еспиа, *и сотвориша вѣче*", ясно различается понятіе вѣча, какъ функціи народнаго схода (сотвориша вѣче), отъ самаго органа совѣщанія (всташа чадь)—народнаго собранія. Подъ 1228 годомъ: „Новгородцы же стоявша по Нѣвѣ нѣколико дней, *створиша вѣче* и хотѣша убити Судомира" [2]).

[1]) П. Собр. Л., т. I. Лавр. л. подъ 945 г.: «Приведоша русскія слы, и велѣша глаголати, псати обоихъ рѣчи на харатьѣ, равно другаго свѣщанья, бывшаго при царѣ Романѣ....» 912 г.: «И таково написаніе дахомъ царства вашего на утверженіе обѣему пребывати, таковому свѣщанію, на утверженіе и извѣщеніе межи вами бывающаго мира». См. также подъ гг. 971, 1097 и пр.

[2]) П. С. Л., III. Новг. I л., стр. 42.

Очевидно, здѣсь слово *вѣче* употреблено въ смыслѣ совѣщанія, потому что вѣче, въ смыслѣ собранія народа, уже было собрано и нѣсколько дней стояло на одномъ пунктѣ, прежде чѣмъ приступило къ вѣчу—совѣщанію. Слѣдовательно, вѣче, въ смыслѣ сходки народной, сотворило вѣче въ смыслѣ совѣщанія, и результатомъ вѣча въ этомъ послѣднемъ смыслѣ было рѣшеніе убить Судомира. Въ 1185 году Смольняне отправились съ княземъ своимъ Давыдомъ помогать Рюрику и Святославу противъ Половцевъ. Достигнувъ Треполя, „Смольняне *почаша вѣче дѣяти,* рекуще: „мы пошли до Кіева....“, то-есть начали *дѣять вѣче, дѣять совѣщаніе. совѣтоваться.* Иначе этого мѣста понять невозможно [1]).

Въ 1214 году, во время похода Мстислава Мстиславича съ Новгородцами на Всеволода Чернаго, Новгородцы поссорились съ Смольнянами и не захотѣли идти далѣе. „Князь же Мстиславъ на вѣче поча звати, они же не поидоша; князь же, цѣловавъ всѣхъ, поклонився, поиде. Новгородцы же, сотворивше вѣче о собѣ, почаша гадати“. Здѣсь также собраніе народное уже было готово, когда Мстиславъ его „*поча звати на вѣче*“, то-есть, попросилъ приступить къ совѣщанію, примиренію, посредствомъ обоюдныхъ уступокъ [2]). Въ 1067 году „людье Кыевстіи прибѣгоша Кыеву, *и створиша вѣче на торговищи,* и рѣша.... и начаша людье говорити на воеводу на Коснячка; идоша на гору, *съ вѣча,* и придоша на дворъ Коснячковъ“; то-есть, Кіевляне бѣжали въ Кіевъ, собрались на торговищѣ, посовѣтовались, рѣшили обратиться къ Коснячку и отправились послѣ совѣщанія и такого рѣшенія къ нему на домъ [3]). Въ 126 2году „вложи Богъ ярость въ сердца крестьянамъ; *изволиша вѣчь,* и выгнаша поганыхъ изъ городовъ: Ростова, Суздаля, Владиміра, Переяславля, Ярославля [4]). Въ 1140 году „*начаша Новгородцы вѣче дѣяти* въ тайнѣ по дворамъ на князя.... и пріѣхавше на городище пріятели его начавше повѣдати: Княже! *дѣютъ людье вѣче ночь. а хотять тя яти.* а промышляй о собѣ“ [5]). Въ 997 году Бѣлгородцы должны были выдержать продолжительную осаду Печенѣговъ, на прибытіе князя Владиміра надежда пропала, и „удолжися остая въ городѣ, и бѣ гладъ великъ, и *створиша вѣче* въ городѣ, и рѣша.... бѣ же единъ ста-

[1]) П. С. Л., II, Ипат. л., стр. 132.
[2]) Новг. I лѣт.
[3]) П. С. Л., т. I, Лавр. л.
[4]) П. С. Л., лл. Лавр. и Соф. I.
[5]) П. С. Л., II, Ипат., стр. 97.

рецъ не былъ *на вѣчи томъ* и вопроша: «что ради *вѣче было*»? И людье повѣдаша ему, яко утро хотять ся передати Печенѣгомъ. Се слышавъ, посла по старѣйшины градскыя и рѣче имъ“ [1]).....

Приведенныхъ свидѣтельствъ, мы полагаемъ, достаточно, чтобъ убѣдиться въ значеніи слова *вѣче*, какъ совѣщанія, какъ функціи какого бы то ни было собранія людей, съ цѣлью разсужденія о какихъ бы то ни было дѣлахъ. Кромѣ внутренняго смысла данныхъ свидѣтельствъ лѣтописей и многократнаго сличенія ихъ съ другими свидѣтельствами, гдѣ встрѣчаемъ слово *вѣче*, нѣтъ средства опредѣлить указанное значеніе его у лѣтописцевъ и отличить его отъ другихъ значеній: внѣшнія формы отличія очень непостоянны. Въ этомъ и заключается причина, почему до сихъ поръ значеніе слова *вѣче*, какъ совѣщанія, разсужденія, спора, не было замѣчено наукою, и почему изслѣдователи древне-русскаго государственнаго быта рѣшились приводить мѣста лѣтописей, изъ которыхъ вовсе не вытекаетъ вѣчевой бытъ или характеризующія его черты. Смѣшеніе вѣча, какъ органа власти, съ вѣчемъ, какъ функціей безразличнаго народнаго собранія, совѣщаніемъ, наполняетъ сочиненія современныхъ ученыхъ множествомъ примѣровъ, ничего не доказывающихъ, оставляющихъ положенія текста безъ основаній, безъ доказательствъ, и низводящихъ эти положенія на степень безосновательныхъ замѣчаній.

2) *Вѣче, какъ народное собраніе, мірской сходъ.* Второе значеніе слова *вѣче* въ лѣтописяхъ, значеніе народнаго собранія, есть понятіе чрезвычайно обширное, къ которому сводятся всѣ виды народныхъ сходовъ и съѣздовъ, какъ законныхъ, признанныхъ верховнымъ правительствомъ и потому опредѣлённыхъ, такъ и незаконныхъ, мятежныхъ, случайныхъ, совершенно неопредѣленныхъ. Слово *вѣче* въ этомъ значеніи тождественно со словами: сходъ, съѣздъ, сѣмъ, сборъ, собраніе, сходбище, шайка, скопъ и пр. Слѣдовательно, значеніе слова *вѣче*, въ смыслѣ народнаго собранія, подраздѣляется на два оттѣнка: а) народнаго схода незаконнаго, случайнаго, неопредѣленнаго, иначе, заговора, мятежа, шайки, скопа, и б) схода законнаго, признаннаго верховнымъ государственнымъ правительствомъ, ординарнаго, опредѣленнаго, съ извѣстнымъ кругомъ власти, которая поручена ему верховнымъ представителемъ государственной власти, съ кругомъ вѣдомства, касающимся преимущественно мѣстныхъ экономическихъ, хозяйственныхъ и полицейскихъ интересовъ, близкихъ об-

---

[1]) См. также П. С. Л., I, подъ 1160, 1161 гг., II, Ипат. л., стр. 88 и пр.

щинѣ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ для выясненія значенія вѣча въ разсматриваемомъ смыслѣ.

А) Въ 1382 году „въ градѣ Москвѣ *бысть мятна многа и мятежъ великъ зело*, бѣху людіе смущены, гражанстіи людіе возмятошася и всколебашася, *яко пьяни*, и бывши промежа ими распрѣ велицѣ, *створиша вѣче, позвониша во вся колоколы и въсташа вѣчемъ народы мятежницы*, недобры и человѣчи, людіе крамольницы [1]).

Въ 1139 году „убиша Кіяне Игоря Ольговича, *снемшеся вѣчемъ*, и похитиша въ церкви св. Ѳеодора“ [2]). Въ 1418 году въ Новгородѣ: „и по грабежи томъ пришедше къ архіепископу, молиша его, да пошлетъ и *къ собранію людскому;* святитель же, послуша моленія ихъ, посла его съ попомъ *на вѣче* да съ своимъ бояриномъ; они же пріяша его; и паки возъярившеся, яко піяни, отъ ярости.... много разграбили болярскихъ дворовъ и монастырь разграбиша, игумена и чернорizцевъ оскорбиша, рекуще: здѣ животы боярскіе и еще изграбиша домы многихъ людей, глаголюще: яко намъ супостаты суть“ [3]). Въ 1140 году „оже *въсташа* Новгородцы *въ вѣчи* и избиваютъ пріятелѣ Святославѣ [4]). Въ 1255 году въ Новгородѣ: „рѣкоша меньшіи у *святаго Николы на вѣчи* братье ци како речетъ князь: выдайте мои вороги? И цѣловаша св. Богородицу меньшіи, како стати всѣмъ любо животъ, любо смерть, за правду Новгородьскую, за свою отчину. И бысть въ вятшихъ совѣтъ золъ, яко побити меньшіи, а князя въвести по своей воли. И побѣже Михалко изъ города.... и увѣдавше черныи люди, погнаша по немъ и хотѣша на дворъ ею ударити“ [5]). Въ 1495 году Псковичи „учали сильно дѣяти надъ священники и лазили многажды на сѣни *и въ вѣчьи и опять въ вѣчье* влѣзли и хотѣли поповъ кнутомъ избезчествовати, Ивана священника Рожественскаго и Андрея *и въ однихъ рубахахъ стояли на вѣчи* и иныхъ всѣхъ поповъ и діаконовъ изсоромоша“ [6]).

Подобныя народныя собранія, вопервыхъ, не составляютъ принадлежности только древней Россіи, и вовторыхъ, хотя и называются у лѣтописцевъ именемъ вѣча, но не составляютъ органа общественной власти, не имѣютъ юридическаго значенія, а суть просто мятежные

[1]) П. С. Л., IV, Новг. IV л., стр. 85.
[2]) П. С. Л., Новг. IV, стр. 177.
[3]) П. С. Л., Новг. IV л., стр. 117.
[4]) П. С. Л., II Ип. л., стр. 17.
[5]) П. С. Л., III, Новг. I, стр. 55.
[6]) П. С. Л., IV, Псков. I, стр. 69. См. также Новг. IV, стр. 58, 90 и пр.

сходы, съ фактическимъ характеромъ силы, и потому не могутъ быть приводимы въ доказательство существованія вѣчеваго быта въ той или другой волости или для объясненія его значенія, устройства, характера и проч., какъ и свидѣтельства, гдѣ вѣче имѣетъ значеніе совѣщанія. А между тѣмъ, ученые, доказывающіе существованіе вѣчеваго быта на всемъ пространствѣ княжеской Россіи и въ теченіе всего до-царскаго періода, приводятъ, для доказательства своихъ положеній, эти и подобныя свидѣтельства лѣтописей, рядомъ со свидѣтельствами, гдѣ вѣче имѣетъ юридическое значеніе.

Б) Въ 1099 году князь Мстиславъ Святополковичъ, отражая одинъ изъ приступовъ Давыда, былъ убитъ. Его смерть „*повѣдаша на вѣчи.* И реша людье: «се князь убьенъ, да аще ся вдамы (Давыду), Святополкъ погубитъ ны вся». И послаша ко Святополку, глаголя: «се сынъ твой убьенъ, а мы изнемогаемъ отъ глада; да аще не придеши, хотять ся людье передати, не могуще глада терпѣти». Святополкъ посла Путяту, воеводу своего“ [1]). Въ 1231 году „*Данилу созвавшу вѣче, оставьшуся въ 18 отрокъ вѣрныхъ и съ Демьяномъ тысяцкымъ своимъ,* и рече имъ: «хочете ли быти вѣрны мнѣ, да изиду на враги моѣ?» онѣмъ же *кликнувшимъ:* «вѣрны есмы Богу и тобѣ, господину нашему, изыди со Божіею помощью»; соцкый же Микула рече: Господине! не погнѣтши пчелъ меду не ѣдать“ [2]). Въ 1015 году Ярославъ созвалъ Новгородцевъ и сказалъ имъ: „О люба моя дружина, иже вчера избихъ, а нынѣ быша надобѣ“. И утре слезъ и рече имъ *на вѣчи:* „Отецъ мой умерлъ, а Святополкъ сѣдитъ Кіевѣ, избивая братью свою“ [3]). Въ 997 году въ Бѣлгородѣ старѣйшины градскіе *сотворили вѣче* и рѣшили сдаться [4]). Въ 1262 году, христіане *изволиша вѣчь*“ и выгнаша поганыхъ изъ городовъ: Ростова, Суздаля, Владиміра, Переславля, Ярославля [5]). Въ 1261 году происходили „*вѣча на Бесерманъ* по всѣмъ городамъ русскимъ [6]). Подъ годомъ 1176 лѣтописецъ говоритъ: „Новгородцы бо изначала, и Смольняне, и Кіяне, и Полочане и вся власти, *яко же на думу на вѣча сходятся*, на что же старѣйшіи сдумають, на томъ же пригороды станутъ“ [7]).

[1]) П. С. Л., I, Лавр. л. II.
[2]) П. С. Л., II, Ипат. л., стр. 171.
[3]) П. С. Л., I, Лавр. л.
[4]) Тамъ же.
[5]) П. С. Л., Лавр. и Соф. лл. (Это же свидѣтельство авторъ приводитъ выше, объясняя, что здѣсь слово «вѣче» употреблено въ смыслѣ совѣщанія). *Ред.*
[6]) П. С. Л., IV, Новг. IV, стр. 39.
[7]) П. С. Л., I, Лавр. л.

Итакъ, несомнѣнно, въ древней Россіи существовали ординарные, законные мірскіе сходы, мірскія собранія, основывавшіяся на извѣстныхъ разумныхъ началахъ, освященныхъ вѣковымъ обычаемъ, и слѣдовательно, имѣвшихъ юридическое значеніе. Намъ ничего не извѣстно о составѣ и правилахъ дѣлопроизводства, созванія и рѣшенія дѣлъ на такихъ сходкахъ южной Руси, но навѣрное правила эти были опредѣлены если не положительнымъ закономъ, то обычаемъ, какъ въ учрежденіи постоянномъ, ординарномъ, признанномъ верховнымъ правительствомъ. Какое же было значеніе этихъ вѣчъ въ строѣ государственномъ? Какова была сфера ихъ дѣятельности?

Лѣтописецъ говоритъ: „Вся власти *якоже на думу на вѣча сходятся*", то-есть, жители всѣхъ волостей сходятся для совѣщаній, для обдумыванія дѣлъ. Какія же дѣла они обдумываютъ? Мы знаемъ (это намъ доказали изысканія какъ прежнихъ, такъ и новѣйшихъ ученыхъ), что въ южныхъ княжествахъ избраніе представителя верховной власти не было ординарнымъ дѣломъ, дѣломъ общины, земства, и что предметы законодательства, администраціи, суда, внѣшней политики, распоряженія государственною собственностью состояли въ исключительномъ завѣдываніи князя, какъ на югѣ, такъ и на сѣверо-востокѣ Россіи. Слѣдовательно, за вѣчемъ остается сфера не политическая, а только общественная, мѣстнаго хозяйства, управленія и полиціи, значеніе экономической, хозяйственной и административной дѣятельности, совершающейся по порученію верховнаго правительства въ государствѣ, да сверхъ того остается въ исключительныхъ случаяхъ, по мѣрѣ надобности, значеніе княжескаго совѣта, земской думы его; въ этомъ значеніи, какъ мѣстный органъ общины, только подъ другимъ названіемъ, вѣче существовало и дѣйствовало и въ великомъ княжествѣ и царствѣ Московскомъ. Въ политической же сферѣ самостоятельная дѣятельность вѣча является только въ исключительныхъ, чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ изъятіе изъ общаго правила, и тогда оно получаетъ характеръ случайныхъ, чрезвычайныхъ мірскихъ сходовъ.

Вѣче, въ смыслѣ органа общины, встрѣчается въ теченіе всег удѣльнаго періода, какъ въ сѣверныхъ, такъ въ южныхъ и сѣверо-восточныхъ волостяхъ, а по времени простирается далеко за предѣлы княжескаго періода. Наша современная городская и сельская община коренится въ общинномъ устройствѣ древнерусскаго населенія. Въ значеніи общиннаго органа, оно не было принадлежностью общественнаго устройства только Новагорода, но составляетъ необходи-

мую внутреннюю организацію всѣхъ волостей Руси княжескаго періода, проявляющуюся съ большею или меньшею ясностью во всѣхъ памятникахъ русской старины. Съ появленіемъ княжеской власти государственное устройство сѣверныхъ, съ одной стороны, и южныхъ и сѣверо-восточныхъ волостей, съ другой, начало слагаться иначе, и политическая исторія ихъ пошла противоположными путями. Въ Новгородѣ всѣ верховные элементы государственной власти соединяются въ Новгородскомъ вѣчѣ, которое такимъ образомъ получаетъ значеніе не только общественнаго, но и верховнаго политическаго органа, главы государства, съ подчиненіемъ ему княжеской власти, дѣйствующей въ Новгородѣ по порученію Новгородскаго вѣча, въ опредѣленныхъ имъ рамкахъ. Въ Кіевской же, Суздальской и другихъ волостяхъ остальной Россіи, наоборотъ, верховная государственная дѣятельность переходитъ въ руки княжеской власти, ставшей къ обществу въ такое отношеніе, въ какомъ въ Новгородѣ стало къ нему вѣче. Но появленіе верховной государственной власти, а съ нею и самого государства, выдѣлило изъ сферы общинной дѣятельности нѣкоторыя дѣла, составляющія дѣла государства, а не общества, но не уничтожило самаго существованія общины. Призваніе князя не было самоубійствомъ вѣча: общинная жизнь продолжала бодрствовать въ административной и экономической сферахъ. Государственная власть не уничтожала автономіи мелкихъ союзовъ, составлявшихъ государство. Новгородское вѣче, а въ другихъ волостяхъ князь были посредниками не столько между отдѣльными лицами, сколько между общинами; съ отдѣльными лицами они сталкивались въ рѣдкихъ случаяхъ. Появленіе государственной власти не превратило русское общество въ совокупность отдѣльныхъ лицъ, непосредственно подчиненныхъ государству, и притомъ только одному государству. Для русскаго человѣка община составляла въ древности правительство, очень близко его касающееся, посредничествующее между нимъ и княземъ. Во всѣхъ дѣлахъ, оставшихся за общиною, общинное вѣче дѣйствовало самостоятельно и составляло такимъ образомъ органъ общественнаго самоуправленія.

Слѣды общиннаго устройства древне-русскаго общества проявляются въ самыхъ древнихъ памятникахъ древне-русской жизни, хотя недостатокъ сохранившихся памятниковъ и неудовлетворительная ихъ научная обработка и не даютъ возможности представить въ настоящее время полное изложеніе правилъ относительно состава, созванія, дѣлопроизводства органовъ общиннаго устройства — общинныхъ вѣчъ, общинныхъ мірскихъ сходовъ.

Въ договорахъ съ Греками общинное устройство древней Руси выражается въ слѣдующихъ постановленіяхъ: 1) „Заповѣда Олегъ дати воемъ на 2.000 кораблій, по двѣнадцать гривнѣ на ключъ, и потомъ даяти уклады на русскіе города: первое на Кіевъ, таже и на Черниговъ, и на Переяславъ и на Полътескъ, и на Ростовъ, и на Любечь, и на прочая городы, по тѣмъ бо городамъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще“ [1]. 2) „Приходящіи Русь да витаютъ у святаго Мамы, и послетъ царство наше, да испишютъ имена ихъ, и тогда возьмютъ мѣсячное свое, первое отъ города Кіева и паки изъ Чернигова и Переяславля и прочіи городы тамъ же“. Эти постановленія прямо указываютъ на общинный характеръ нашихъ древнихъ городовъ. Ясное же указаніе на общинный характеръ древне-русскаго устройства встрѣчаемъ и въ древнѣйшемъ сводѣ древне-русскихъ гражданскихъ постановленій, въ Русской Правдѣ, въ статьяхъ объ учрежденіи дикой виры: „Аще кто оубиетъ княжа мужа въ разбои, а головника не ищють, то виревную платити въ чьей же верви голова лежитъ [2].... Которая ли вервь начнетъ платить дикую виру, колико лѣтъ заплатитъ ту виру, занеже безъ головника имъ платити; будетъ ли головникъ ихъ въ верви, то зань къ нимъ прикладываетъ, того же дѣля имъ помогати головнику, любо си дикую виру: но сплати имъ вообчи 40 гривенъ, а головничество самому головнику“ [3].... „Будетъ ли сталъ на разбои безъ всякая свады, то за разбойника люди не платятъ; но выдадятъ и всего съ женою і съ дѣтьми на потокъ и на разграбленіе“ [4].... „Аще кто не вложится въ дикою виру, тому людье не помогаютъ, но самъ платитъ“ [5].

Затѣмъ дѣятельность древней русской общины на всемъ пространствѣ древней Россіи и въ теченіе всего до-Петровскаго періода въ формѣ народныхъ собраній, вѣчъ, обнаруживается изъ множества извѣстій лѣтописцевъ. Эта дѣятельность видна и въ учрежденіи присяжныхъ засѣдателей при княжескихъ, назначаемыхъ князьями, судахъ такъ-называемыхъ лучшихъ, добрыхъ людей, выборныхъ отъ народа, и въ учрежденіи мѣстныхъ выборныхъ должностей — старо-

[1]) П. С. Л., т. I, 907 годъ.

[2]) Списокъ Троицкій, ст. 3. См. текстъ Русской Правды, на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій; изданіе *Калачева*.

[3]) Тамъ же ст. 4.

[4]) Тамъ же ст. 5.

[5]) Тамъ же, ст. 6. См. также списокъ Карамзинскій, ст. 3, 4, 5, 6; списокъ кн. Оболенскаго, ст. 5, 6.

сты, сотскаго, и въ правѣ и обязанности общинъ „метать межъ себя кормы и поборы", то-есть, заниматься раскладкою между членами общины податей и повинностей государственныхъ, и въ учрежденіи круговой поруки, и въ жалобахъ и протестахъ отъ лица общинъ, обращенныхъ къ представителямъ верховной власти на дѣятельность ея органовъ, и проч. Итакъ, если мы не можемъ представить полную картину правъ и обязанностей, состава, дѣятельности и значенія древне-русской общины и ея органа — вѣча, то самый фактъ общиннаго устройства древне-русскаго общества, а съ нимъ и существованія народныхъ сходовъ, вѣчъ, какъ органовъ земства, законныхъ, ординарныхъ, опредѣленныхъ, если не положительнымъ закономъ, то обычаемъ, не можетъ подлежать сомнѣнію. Изъ сказаннаго нами имѣемъ право вывести слѣдующее заключеніе: народное собраніе, вѣче, какъ органъ общины, въ значеніи административной, экономической, хозяйственной единицы, сохраняетъ силу въ продолженіе всего удѣльнаго періода Россіи, и если слово *вѣче* съ теченіемъ времени употребляется у лѣтописцевъ все рѣже и рѣже, то, конечно, не потому что народный сходъ теряетъ прежнее значеніе, а просто потому, что слово *вѣче* мало по малу замѣняется другими словами: сходъ, сходка, собраніе людское и проч. Слово *вѣче* получаетъ тогда особенное, спеціальное значеніе, возникшее въ Новгородскомъ народоправствѣ, именно, означаетъ органъ верховной, политической власти народа. Такъ, напримѣръ, подъ 1418 годомъ лѣтописецъ говоритъ: „Пришедше Кузмадемьяньцы къ архіепископу, молиша его, да пошлетъ и къ *собранію людскому;* святитель же, послуша моленію ихъ, посла съ попомъ ихъ *на вѣче*, они же пріяша его" [1]). Здѣсь лѣтописецъ одно и то же народное сходбище сначала назвалъ людскимъ собраніемъ, а потомъ вѣчемъ. Въ значеніи народнаго схода вообще и въ значеніи органа общины, вѣче существовало не только въ Новгородскомъ народоправствѣ, но и въ Кіевской монархіи въ теченіе всего періода Рюриковичей и на всемъ пространствѣ древней Руси, потому что во всей тогдашней Россіи составлялись различные народные сходы, носившіе прежде названіе вѣчъ. Въ смыслѣ же органа верховной, политической власти народа, вѣче встрѣчаемъ только въ Новгородѣ, Псковѣ, да еще въ Вяткѣ, и притомъ только въ періодъ съ XII вѣка до завоеванія сѣверо-западныхъ народоправствъ Московскими князьями. Изслѣдованіе стариннаго употребленія слова *вѣче* въ этомъ по-

[1]) П. С. Л., Новг. IV л., стр. 117.

слѣднемъ смыслѣ и изложеніе предметовъ вѣдомства вѣча Новгородскаго—къ чему мы и переходимъ—должны совершенно убѣдить насъ въ истинѣ только-что высказанныхъ положеній.

III.

Вѣче, какъ органъ верховной политической власти народа.

Въ смыслѣ представителя верховной государственной власти народа, слѣдовательно, въ смыслѣ органа народа, какъ одной политической силы, демократіи, народоправства, вѣче, какъ сейчасъ было сказано, существовало только въ Новгородѣ, Псковѣ и Вяткѣ; только здѣсь политическая власть принадлежала народу, а посему только здѣсь и встрѣчаемъ вѣче съ политическимъ характеромъ. Понятіе вѣча, какъ представителя государственной власти, не различается у лѣтописцевъ отъ другихъ значеній этого слова, а потому изслѣдователю очень трудно выдѣлить въ лѣтописяхъ смыслъ слова *вѣче*, какъ органа политической власти, и необходимо обратиться къ другимъ источникамъ старины, выясняющимъ начала нашего древняго государственнаго устройства и управленія. Трудность выдѣленія и повела къ смѣшенію въ наукѣ Новгородскаго вѣча съ Кіевскимъ, а затѣмъ къ смѣшенію вообще быта сѣверныхъ волостей съ бытомъ южныхъ и къ порожденію въ наукѣ теорій государственнаго и общественнаго быта древней Россіи, не соотвѣтствующихъ дѣйствительнымъ фактамъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ того, что слово вѣче употребляется, въ сейчасъ указанномъ значеніи, въ лѣтописяхъ и актахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ перечислимъ предметы вѣдомства Новгородскаго вѣча, изъ чего выясняется само собою существенное различіе между вѣчемъ Кіевскимъ, какъ элементомъ общественнымъ, и вѣчемъ Новгородскимъ, какъ элементомъ политическимъ.

Въ 1215 году Мстиславъ Мстиславичъ „вѣха въ Новгородъ и цѣлова крестъ за одно *на вѣчи*, а Новгородци къ нему, яко съ нимъ и въ животъ и въ смерть: любо изыщю мужей Новгородскихъ и волости, паки ли голову положу за Новгородъ; пойдемъ, поищемъ мужій своихъ, да не будетъ Новый Торгъ надъ Новымъ Городомъ, но гдѣ св. Софѣя, ту и Новгородъ, а въ мнозѣ и въ малѣ Богъ и правда“ [1]). Въ 1148 году Изяславъ съ сыномъ Ярославомъ „посласта подвойскѣи и биричѣ по улицамъ кликати, зовучи къ князю на

[1]) П. С. Р. Л., IV, Новг. 4-я л., стр. 20.

обѣдъ отъ мала и до велика, и тако обѣдавше, веселишася радостью великою и честью розидошася въ своя домы. Наутрія же пославъ Изяславъ *на Ярославль дворъ, и повелѣ звонити вѣче*, *и тако Новгородци и Плесковичи снидошася на вѣче*, и рече имъ: Се, братье *сынъ мой и вы присилали ся* есте *ко мнѣ*, оже вы обидитъ стрый мой Георги.... *а гадайте братье, како нань пойти, а любо съ нимъ миръ възмемъ, паки ли съ нимъ ратью кончаими*". Вѣче рѣшило воевать, кончать ратью, и отвѣчало князю: „Ты намъ Володимеръ, ты намъ Мстиславъ! ради съ тобою идемъ своихъ дѣля обидъ, княже! атъ же пойдемъ, и всяка душа, осе и дьякъ, а гуменце ему пострижено, а не поставленъ будетъ, и тотъ пойдетъ; а кто поставленъ, атъ Бога молитъ" [1]). Вѣче не только рѣшило начать войну, но и составить поголовное ополченіе изъ всѣхъ способныхъ носить оружіе. Въ 1388 году, владыка Новгородскій Алексѣй, правившій епархіею двадцать восемь лѣтъ и семь мѣсяцевъ, по болѣзни, принужденъ былъ отказаться отъ владычества, и не смотря на просьбы Новгородцевъ подождать, пока сдѣлается извѣстнымъ, кто будетъ митрополитомъ Русской земли, удалился въ монастырь св. Воскресенія. Передъ отъѣздомъ, владыка Алексѣй сказалъ Новгородцамъ: „Дѣти! на мене ся не надѣйте; а васъ благословляю, добывайте собѣ владыки". Новгородцы же рекоша: „Кого отче благословиши намъ въ свое мѣсто святителемъ?" Алексѣй же рекъ: „Изберите собѣ три мужи достойны, да положите три жребія на святѣй трапезѣ, имена написавше, да который Богъ дастъ вамъ, того вамъ благословлю". И волею Божіею, а по святительскому благословенію, „*много гадавъ, посадникъ и тысяцкой, и весь Новгородъ, и игумены и попове*, и створиша тако.... и избраша три игумены, сотвориша три жребія.... и начаша ереи соборомъ литургію пѣти, а Новгородци стояша вѣчемъ (здѣсь вѣче употреблено въ смыслѣ народнаго собранія, толпы, то-есть: Новгородцы стояли толпою) у св. Софьи; и по отпѣтьи святыя службы, протопопъ Измайло,埋 вземъ съ престола, изнесе *на вѣче* жребій Аѳанасьевъ, и потомъ Парѳеньевъ, а Ивановъ остался на престолѣ, по Божему изволенію" [2]). Здѣсь мы видимъ право вѣча избирать владыку, высшаго церковнаго сановника, правителя Новгородской церкви, имѣвшаго, при тогдашнемъ вліяніи церкви на гражданское общество, немаловажное политическое значеніе: въ государственныхъ актахъ, какъ увидимъ,

[1]) П. С. Р. Л., II, Ипат. л., стр. 40.
[2]) П. С. Р. Л., IV. Новг. 4-я, стр. 95

имя владыки стоитъ первымъ, выше посадника и тысяцкаго; нерѣдко появленіе владыки примиряло борьбу партій; иногда владыка стоялъ во главѣ Новгородскаго посольства; владыка имѣлъ свой судъ владычный, отдѣльный отъ суда посадника и тысяцкаго, и пр. Въ 1480 году пріѣхалъ великій князь Иванъ Васильевичъ Московскій въ Великій Новгородъ. и „услышавши великаго князя пріѣздъ въ Великій Новгородъ, князь Псковскій Василій Васильевичъ поѣха со своими людьми въ Великій Новгородъ ко государю своему князю великому, *а посадники Псковскіе также поѣхали къ великому князю и по боярину отъ конца и повезоша отъ Пскова поминка* великому князю полсема десятка рублевъ серебромъ, *опроче своихъ поминковъ*; а были посадники Псковскіе у великаго князя до Рождества Христова, и пріѣхали посадники въ Псковъ въ само Рождество Христово и бояре, и *сказывали посольство на вѣчь*". Слѣдовательно. князь Псковскій, *съ своими людьми*, поѣхалъ повидаться съ великимъ княземъ Московскимъ, но Псковичи не поручили ему своихъ дѣлъ; Псковское вѣче, независимо отъ князя, послало своихъ пословъ, посадниковъ и бояръ. которые, по возвращеніи, и должны были отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ Пскову, Псковскому вѣчу [1]).

Того же мѣсяца пріѣхали послы отъ великаго князя Ивана Васильевича изъ Новгорода во Псковъ: „*и послу великаго князя отвѣтъ даша на вѣчи, а поминка далъ имъ Псковъ на вѣчи 20 рублевъ*. а всей проторѣ 60 рублевъ Псковичамъ" [2]). Вѣче принимаетъ пословъ, выслушиваетъ ихъ и даетъ отвѣтъ, вручаетъ деньги посламъ для передачи пославшему их князю.

„Пригонивъ изгонемъ Нѣмцы на крестномъ цѣлованіи, местеровы люди да арцыбискупли Вышегородокъ взяли да и стѣну сожгли и церковь въ городѣ Бориса и Глѣба, а мужей и женъ и дѣтокъ малыхъ мечами изсѣкли, а Нѣмецъ пало въ городкѣ 50, а иніи погорѣли отъ огня нѣсть числа, и пригониша гонецъ нощію: «уже *господа Псковичи*, городокъ Нѣмцы взяли», *и посадники Псковскіи вѣчь сзвониша нощію дважды*. . . . и пріѣхаша посадники и Псковичи къ городищу, аже Нѣмцы прочь въ землю свою побѣгоша, и *посадники Псковскіи и Псковичи послали грамоту къ войску: поѣдите взадъ ко Пскову*" [3]). Вѣче рѣшаетъ вопросъ о войнѣ, высылаетъ войско, шлетъ ему грамоту о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Въ 1489 году „прислалъ

[1]) П. С. Р. Л., IV, Псковск. 1-я л.

[2]) Тамъ же, стр. 262 и 263.

[3]) Тамъ же, стр. 263.

князь великій Иванъ Васильевичъ намѣстника своего Симеона Романовича во Псковъ княземъ.... и пріяша его съ честію и посадиша его на княженіи во Святой Троицы; *и крестъ цѣловалъ на вѣчи по пошлинной грамотѣ*“ [1]). Князь приноситъ присягу на вѣчѣ въ вѣрности Псковскому народу, по старымъ грамотамъ.

Очень часто въ лѣтописяхъ вмѣсто слова *вѣче*, въ объясненномъ значеніи, употребляются слова: Новгородъ, Псковъ, Новгородцы, Псковичи. Такъ, напримѣръ, Лаврентіевская лѣтопись, подъ 1018 годомъ, говоритъ: „Ярославу же прибѣгшу Новгороду, и хотяше бѣжати за море, и посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрынь, *съ Новгородьци* разсѣкоша лодье Ярославля, рѣкуще: *хочемся и еще бити съ Болеславомъ и Святополкомъ*. Начаша скодъ сбирати отъ мужа по четыре купы, а отъ старостъ по 10 гривенъ, а отъ бояръ 18 гривенъ; и приведоша Варяги, вдаша имъ скотъ, и совокупи Ярославъ воя многы“ [2]). Подъ 1093 годомъ: „Сего же лѣта исходяща, иде Давыдъ Святославичъ изъ Новагорода Смоленску; *Новгородцы же идоша Ростову по Мстислава Владиміровича, поемше ведоша й Новугороду, а Давыдовы рѣкоша: «не ходи къ намъ»*. „Пошедъ Давыдъ, воротися Смоленску и сѣде Смоленску, а Мстиславъ Новѣгородѣ сѣде“ [3]). Подъ 1096 годомъ: „Мстиславъ же, *сдумавъ съ Новгородцы* и посласе Добрыню Рагуиловича предъ собою въ сторожѣ; Добрыня же первое изыма даньникы“ [4]). Подъ 1102 годомъ: „Приде Мстиславъ, сынъ Володимерь, съ Новгородцы, бѣ бо Святополкъ съ Володимеромъ рядъ имѣли, яко Новугороду быти Святополчю и посадити сынъ свой въ немъ, а Володимеру посадити сынъ свой Володимери, и приде Мстиславъ къ Кыеву, и сѣдоша въ избѣ, и рѣша мужи Володимери: «Се прислалъ Володимеръ сына своего, да се сѣдятъ Новгородцы; да поимши сына твоего и идутъ Новугороду, а Мстиславъ да идетъ Володимерю». И рѣша Новгородцы Святополку: «*Се мы, княже, прислани къ тобѣ и рѣкли ны тако: не хочемъ Святополка, ни сына его; аще ли двѣ главѣ имѣетъ сынъ твой, то поими й;* сего ны далъ Всеволодъ, а въскормили есмы себѣ князя, а ты еси шелъ отъ насъ». И Святополкъ же многу прю имѣвъ съ ними, о немъ же не хотѣвшимъ поимше Мстислава придоша Новугороду“ [5]).

---

[1]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 268.

[2]) П. С. Р. Л., I. [illegible]

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же.

[5]) Тамъ же.

То же находимъ и въ другихъ лѣтописяхъ.

Къ такимъ мѣстамъ лѣтописей, гдѣ слово *вѣче* замѣнено словами, „Новгородцы, Псковичи", или гдѣ оно и вовсе не означено, и гдѣ дѣятельность вѣча указывается только безличною формою глагола, должно относиться какъ можно критичнѣе. Часто въ подобныхъ случаяхъ лѣтописецъ говоритъ не о дѣятельности верховнаго политическаго органа, Новгорода или Пскова, но о дѣятельности общинныхъ собраній или даже собраній случайныхъ, мятежныхъ, частныхъ, не имѣвшихъ ни общиннаго, ни политическаго характера. Напримѣръ, подъ 1102 годомъ: „Приде Мстиславъ, сынъ Володимеръ, *съ Новгородцы*.... и сѣдоша въ избѣ, и рѣша мужи Володимери: «се прислалъ Володимеръ сына своего, да се сѣдять Новгородцы; да поимше сына твоего и идуть Новугороду, а Мстиславъ да идеть Володимерю». «*И рѣша Новгородцы Святополку:* „Се мы, княже, присланы къ тебѣ и ркли ны тако: *не хочемъ Святополка, ни сына его; аще ли двѣ главѣ имѣетъ сынъ твой, то пошли й; сего ны далъ Всеволодъ, и вскормиша есмы собѣ князь, а ты еси шелъ отъ насъ. И Святополкъ же многу прю имѣлъ съ ними, онѣмъ же не хотѣвшимъ, поимше Мстислава придоша Новугороду*" [1]). Здѣсь „Новгородцы" дѣйствують по порученію верховнаго политическаго органа Новгородскаго государства, но не составляютъ сами этого органа, верховнаго вѣча. Но не вездѣ въ лѣтописяхъ такъ легко отличается дѣятельность вѣча отъ дѣятельности общинныхъ сходокъ, политическихъ партій, пословъ и пр.

Кромѣ того, нерѣдко названіе Новгородскаго и Псковскаго вѣчъ, въ смыслѣ верховнаго органа государства, замѣняется словами: Новгородъ, Псковъ; господинъ Новгородъ, господинъ Псковъ; господа Новгородцы, господа Псковичи; Великій Новгородъ, Великій Псковъ; господинъ государь Великій Новгородъ, господинъ государь Великій Псковъ и проч. Въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями не употребляется слово *вѣче;* но что грамоты эти составлялись и утверждались на вѣчѣ, въ томъ удостовѣряютъ и содержаніе самыхъ грамотъ, и извѣстія лѣтописей, и свидѣтельства другихъ источниковъ, дошедшихъ до насъ.

Уже изъ свидѣтельствъ лѣтописей видно, что вѣче Новгорода и Пскова было не простою общиной, мірскою сходкою, случайною, безформенною и неопредѣленною, какою оно представляется многимъ

[1]) П. С. Л., I, Лавр. л

изслѣдователямъ нашей старины; это, дѣйствительно, была политическая сила, политическій органъ, представитель государства, единственный верховный органъ его, соединяющій всѣ верховныя функціи верховной государственной власти. Но лѣтописи, описывая подробно внѣшнія событія въ жизни древне-русскихъ городовъ и княжествъ, мало и отрывочно говорятъ о внутренней организаціи древняго русскаго общества и государства. Это обстоятельство, въ связи съ прежде указанными недостатками нашихъ лѣтописныхъ источниковъ, производитъ то, что по лѣтописямъ трудно представить полную картину дѣятельности древне-русскихъ вѣчъ, какъ въ значеніи мѣстныхъ общинныхъ органовъ, такъ и въ значеніи обще-государственномъ, верховно-политическомъ. Вотъ почему, рядомъ съ свидѣтельствами лѣтописей, необходимо обратить вниманіе и на свидѣтельства другихъ источниковъ, указывающихъ на значеніе Новгородскаго и Псковскаго вѣча, и затѣмъ вывести окончательный результатъ изъ совокупности свидѣтельствъ всѣхъ памятниковъ древне-русскаго быта.

Въ 1471 году, когда уже собиралась гроза надъ Великимъ Новгородомъ, когда великій князь Московскій, принимая видъ жалости и едва удерживаясь отъ слезъ, говорилъ своимъ боярамъ, что Великій Новгородъ измѣняетъ православной вѣрѣ и хочетъ отдаться латинскому государю, Новгородское вѣче занималось составленіемъ судной грамоты, которою разграничивались государственные суды: владычній, посадническій и тысяцкаго, и опредѣлялись правила подсудности, судопроизводства, наказанія, давность и проч. „А судамъ.... судити всѣхъ равно, какъ боярина, такъ и житьего, такъ и молодчего человѣка“, повелѣваетъ грамота. „*Се докончаша* посадники Новгородскіе, и тысяцкіе, и бояря, и житьи люди, и купци, и черные люди, вся 5 концевъ, весь государь Великій Новгородъ, *на вѣче на Ярославлѣ дворѣ*“.—говорится въ началѣ грамоты. [1]) Нѣсколько ранѣе, около 1467 года, и Псковское вѣче составило судную грамоту [2]), въ которой, между прочимъ, встрѣчаемъ слѣдующія постановленія: 1) посадникъ долженъ присягать, что будетъ судить справедливо, по присягѣ, не будетъ пользоваться *городскими доходами*.... безъ разбирательства не будетъ обвинять никого *ни въ судѣ, ни на вѣчѣ* (стр. 1). 2) *Князю и посаднику на вѣчѣ суда не производить*“ (слѣдовательно, на вѣчѣ судитъ само вѣче), „судить же имъ на крыльцѣ княжескомъ

[1]) Акты Археогр. экспед., № 92, стр. 69.

[2]) См. Псковск. Суд. грам., изд. г. *Мурзакевича*. Изслѣд. Псковск. Суд. грам. г. *Устрялова* 1855 г., гдѣ помѣщенъ и переводъ Псковск. Суд. грам.

по справедливости и присягѣ. Тайныхъ взятокъ не имать ни князю, ни посаднику (стр. 2) 3), *а если встрѣтится случай, на который закона нѣтъ, посадникъ обязанъ доложить господину Пскову, на вѣчѣ, чтобъ законъ составить. Если какое изъ правилъ сей грамоты въ послѣдствіи не понравится господину Пскову, и онъ то правило уничтожитъ* (стр. 26). Вотъ нѣсколько постановленій Псковскаго вѣча, бросающихъ свѣтъ на его значеніе, ибо составлена Псковская грамота „изъ всѣхъ приписокъ Псковской старины по благословенію отецъ всѣхъ пяти соборовъ Пскова и всего Божьяго священства, *на вѣчѣ*". Уже однѣ судныя грамоты Новгорода и Пскова неопровержимо доказываютъ, что въ сѣверныхъ народоправствахъ верховная, законодательная и судебная власть принадлежала вѣчу, какъ органу народа; а по свидѣтельствамъ лѣтописей, различныхъ грамотъ и договоровъ это становится и еще болѣе очевиднымъ. Въ Новгородскихъ договорныхъ грамотахъ ничего не говорится о вѣчѣ, какъ верховномъ судилищѣ, но это разумѣлось само собою и вытекало изъ пошлыхъ грамотъ, соблюдать которыя клялись князья, а также, какъ сейчасъ увидимъ, и изъ общаго содержанія самыхъ договоровъ. Если основные законы составляются на вѣчѣ, и если этими законами опредѣляются границы между государственными судами, правила подсудности и размѣры наказаній, и проч., то, конечно, верховная законодательная и судебная власть принадлежала вѣчу [1]).

[1]) Сравни «Вѣче и Князь» г. Сергѣевича, гдѣ на стр. 84 сказано: «Подобно управленію и судъ завѣдывался исключительно княземъ. Вѣче не было даже верховнымъ апелляціоннымъ судилищемъ». А въ выноскѣ къ этому мѣсту прибавлено: «Неволинъ признаетъ вѣче верховнымъ судилищемъ по дѣламъ уголовнымъ (Полное собр. соч., Т. VI, стр. 113). Это мнѣніе принялъ и П. Чеглоковъ (Юрид. Сборн. Мейера 1855 г. стр. 21). И. Д. Бѣляевъ судебную компетентность вѣча принимаетъ еще въ бо́льшихъ размѣрахъ; по его мнѣнію, вѣчу приносились жалобы на неправый судъ (Разказы кн. II, стр. 157); говоря иначе, вѣче было апелляціоннымъ судомъ, какъ для уголовныхъ, такъ и для гражданскихъ дѣлъ Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ приведенныхъ авторовъ не указываетъ тѣхъ мѣстъ источниковъ, на которыхъ онъ основываетъ свое мнѣніе. Мы не замѣтили въ источникахъ ни одного мѣста, которое давало бы основаніе думать, что вѣче было обыкновеннымъ апелляціоннымъ судомъ. Принявъ же во вниманіе, *что князь былъ призванъ именно для суда, что въ послѣдствіи судъ его ограничивается только участіемъ посадника,* что Новгородскія договорныя грамоты ничего не знаютъ о судѣ вѣча, какъ высшемъ апелляціонномъ судилищѣ по отношенію къ суду князя и посадника, о чемъ имъ невозможно было бы умолчать, мы думаемъ, что не имѣемъ основаній отступить отъ высказаннаго въ текстѣ мнѣнія. С. М. Соловьевъ находитъ, что предметы вѣдомства вѣча не отличались отъ пред-

Въ договорныхъ грамотахъ Новгородскаго вѣча съ князьями говорится:

„На семъ, княже, цѣлуй крестъ ко всему Новгороду, на цѣмь то цѣловали дѣды и отцы и отецъ твой Ярославъ. *Что Новгородъ ти держати по старинѣ, по пошлинѣ. А судъ*, княже, *отдалъ Дмитрій съ Новгородцы Бѣжичанамъ и Обѣжанамъ на три лѣта, судье не слати. А грамотъ ти, княже, не посужати* [1]). *А ряду*, княже, въ Новгородской волости *тобѣ и твоимъ судьямъ не посужати, а самосуда не замышляти; а староствъ, ни холопа, ни робы, безъ осподаря не судити твоимъ судьямъ*". „А что ти грамотъ крестныхъ Новугороду со всѣми городы со нѣмецкими, на тѣ ти грамоты, княже, *не наступатися*". „А вынесутъ тобѣ изъ орды княженіе великое, нашъ еси князь великій; если же не вынесутъ тобѣ великаго княженія изъ орды, пояти твоимъ намѣстникамъ изъ Новагорода прочь, и изъ Новгородскихъ пригородовъ а въ томъ Новгороду измѣны нѣтъ [2]). А намѣстнику твоему безъ посадника Новгородскаго суда не судити, а отъ мѣста купъ не имати; а Великому Новгороду у твоего намѣстника суда не отъимати, *опричь ратной вѣсти и городоставленія; а судити твоему намѣстнику по Новгородской старинѣ*. А намѣстнику твоему судити съ посадникомъ во владычнѣ дворѣ, *на пошломъ мѣстѣ, какъ боярина, такъ и житьего, такъ и молодшаго, такъ и селянина*; а судити ему въ правду, по крестному цѣлованію, *всѣхъ равно*; а пересудъ ему имати *по Новгородской грамотѣ, противу посадника*, а опричь пересуда посула ему не взяти; *а во владычень судъ и въ тысяцкаго, и въ то ся тобѣ не вступати, ни въ монастырскіе суды, по старинѣ*. А тіуну твоему въ Торжку судити судъ съ Новгородскимъ посадникомъ, такожъ и на Волоцѣ, по Новгородской пошлинѣ, *Новгородскимъ судомъ, и виры и полевое по Новгородскому суду*. А что волости Новгородскія, ино тобѣ не держати (не управ-

метовъ вѣдомства князя, но въ подтвержденіе своей мысли о томъ, что вѣче также судило, онъ приводитъ только случаи или политическаго суда, или суда чрезвычайнаго». Какъ ни противорѣчивы мнѣнія гг. Неволина, Чеглокова, Бѣляева, Соловьева, Чичерина (Областн. учрежд. Р. въ XVII в., стр. 24) и Костомарова (Сѣверно-русскія народоправства Т. II, глава 7-я стр. 35—41 включительно), но у нихъ то общее, что всѣ признаютъ вѣче Новгородское верховнымъ, государственнымъ судилищемъ, хотя и не приводятъ тому доказательствъ. Если въ наукѣ установилось извѣстное положеніе, то не слѣдуетъ относиться къ нему такъ легко, какъ отнесся г. Сергѣевичъ къ судебной компетентности Новгородскаго вѣча. Слѣдуетъ самому провѣрить источники и притомъ всю ихъ совокупность, а не основывать противоположный выводъ на свидѣтельствахъ одной лѣтописи, гдѣ вѣче имѣетъ самый неопредѣленный смыслъ, гдѣ лѣтописецъ только мимоходомъ и вскользь, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, касается судебной дѣятельности вѣча, какъ и вообще государственнаго устройства. Тогда пришлось бы опровергать не гг. Неволина, Чеглокова, Бѣляева и Соловьева, а судныя и другія грамоты, вмѣстѣ съ свидѣтельствами лѣтописей, изъ которыхъ открывается верховное значеніе вѣча въ сѣверно-русскихъ народоправствахъ.

[1]) Собран. госуд. гр. и дог. №№ 1-й, 2-й и другіе.

[2]) Собран. госуд. гр. и дог. № 8-й.

лять) своими мужи, а держать мужми Новгородскими, *а что пошлина въ Торжку и на Волоцѣ тивунъ свой держати по своей части, а Новгороду на своей части своихъ держать.* А держать тебѣ Великій Новгородъ въ воли мужей вольныхъ по нашей старинѣ и по сей крестной грамотѣ“ и т. д. [1]). „А на томъ на всѣмъ цѣлуй крестъ, что держать тебѣ Великій Новгородъ по пошлымъ грамотамъ, по старинѣ“ [2]).

И если князь отступалъ отъ этой старины, пошлины, вѣче произносило надъ нимъ приговоръ и лишало его власти — „показывало ему путь“; а иногда, какъ мы уже видѣли, подвергало и аресту, до прибытія вновь избраннаго князя. Самое поверхностное изслѣдованіе источниковъ показываетъ, что по законамъ Великаго Новгорода и Пскова судебная дѣятельность князя, посадника, тысяцкаго и владыки, вращается въ рамкахъ, опредѣленныхъ вѣчемъ,—судебные чины, подчиненные органы вѣча, дѣйствующіе по его порученію. Въ Новгородскихъ договорныхъ грамотахъ ничего не говорится о вѣчѣ, какъ верховномъ государственномъ судилищѣ, но такое значеніе Новгородскаго и Псковскаго вѣча вытекаетъ изъ судныхъ грамотъ, ни издавать, ни уничтожать, ни перетолковывать которыя князья не имѣли права по договорнымъ грамотамъ, если желали оставаться Новгородскими или Псковскими князьями. Если общій, основной законъ постановляетъ, что „посадникъ не долженъ никого обвинять *на вѣчѣ* безъ разбирательства, что князю и посаднику *на вѣчѣ* суда не производить, что князю въ Новгородскіе суды не вступаться, а посаднику въ суды тысяцкаго и владыки не вступаться и проч., то, конечно, судило само вѣче, или непосредственно, или посредствомъ своихъ непосредственныхъ органовъ, на которыхъ жалобы приносились вѣчу, какъ источнику судебной власти и князя, и посадника, и тысяцкаго, и владыки. Въ противномъ случаѣ приведенныя постановленія не имѣютъ смысла.

Укажемъ еще на правительственную дѣятельность вѣча, какъ верховнаго органа государства. Новгородское вѣче избираетъ князя, посадника и тысяцкаго, трехъ высшихъ государственныхъ сановниковъ. Кромѣ того, какъ мы видѣли, Новгородское вѣче избираетъ и отрѣшаетъ высшаго церковнаго сановника—владыку [3]). Князь, посадникъ,

[1]) Акты арх. эксп. №№ 87-й, 4-й, 57-й, 58-й 91-й; Собран. госуд. гр. и дог. №№ отъ 1-го до 20-го.

[2]) Тамъ же.

[3]) П. С. Р. Л. III, Новг. 1-я лѣт. подъ 1228 г. IV Новг. лѣт. 4-я стр. 277 «въ 1219 г. Новгородцы избрали владыку Митрофана, и Антонію сказали: поиди гдѣ ти любо».

тысяцкій и владыка составляютъ четыре высшіе, непосредственные органа Новгородскаго вѣча, какъ верховной власти, и только эти четыре сановника ими назначаются. Старосты, сотскіе, биричи и подвойскіе избираются не вѣчемъ политическимъ, какъ верховною властью, а общинами низшими, вѣчами, въ смыслѣ общинныхъ сходовъ: концами, улицами, пригородами и проч., и составляютъ низшіе, государственные органы вѣча, какъ представителя верховной, государственной власти, цѣлаго государства, какъ органа всего господина Великаго Новгорода, Новгородской общины, какъ государства, въ которой сливаются всѣ низшія общины: концы, улицы, пригороды, волости вообще, слободы, села, погосты и проч. [1]).

Новгородское вѣче управляетъ и распоряжается государственными имуществами: оно выдаетъ *жалованныя грамоты* и назначаетъ своимъ органамъ жалованье, какъ вознагражденіе за службу. Такъ, въ 1411 г. составлена на вѣчѣ жалованная Новгородская грамота о взиманіи съ сиротъ Терпилова погоста поранья, на посадника и тысяцкаго, по старинѣ. На томъ же вѣчѣ составлено постановленіе о причисленіи поселяющихся въ Терпиловомъ погостѣ Двинскихъ слободчанъ къ Терпилову погосту, въ потугъ, и назначенъ штрафъ за нарушеніе этихъ постановленій. Эта грамота на столько любопытна, что мы позволимъ себѣ привести ее цѣликомъ:

„Господину посаднику Новгородскому Василію Михайловичу, тысяцкому Новгородскому Овдѣю Степановичу и всему Великому Новгороду, *на вѣчь, на Ярославль дворъ*, били чоломъ Степанъ Осиповичь и его братья: что емлютъ у нашихъ сиротъ, на Терпиловѣ погостѣ, пораньє посадницє и тысяцкаго не по старинѣ. И посадникъ и тысяцкой и весь господинъ Великій Новгородъ *даше грамоту жалованую, на вѣчь, на Ярославль дворъ*, сиротамъ Терпилова погоста: давати имъ пораньє посадницє и тысяцкаго *по старымъ грамотамъ*, по сороку дѣлъ, да по 4 сѣва муки, по 10 хлѣбовъ. А кто крестьянинъ Терпилова погоста въ Двинскую слободу войдетъ, ино ему міря-

[1]) Г. Бѣляевъ думаетъ, что старосты, сотскіе, биричи и подвойскіе избирались тѣмъ же вѣчемъ, которое выбирало князя, посадника и тысяцкаго (Разказы, II, разказъ 4-й). Но это кажется г. Бѣляеву, потому что онъ, какъ и другіе наши ученые, смѣшиваетъ вѣче, какъ органъ общины, и вѣче, какъ органъ государства. Нигдѣ въ источникахъ мы не нашли указаній, чтобы политическое вѣче избирало другихъ членовъ, кромѣ князя, владыки, посадника и тысяцкаго. До Ярослава I, до его вольныхъ грамотъ, выданныхъ Новгороду, старосты и сотскіе избирались вѣчемъ, но вѣчемъ общиннымъ, какъ и послѣ; посадникъ же, тысяцкій и владыка назначались княземъ, такъ какъ самого вѣча, какъ политическаго органа, еще не было: оно—результатъ грамотъ Ярослава Владиміровича. Это обширный вопросъ, въ частности котораго мы не можемъ здѣсь войдти

нину тянути въ Двинскую слободу; а который Двинянинъ слободчанинъ почнетъ жити на землѣ Терпилова погоста, а той потянетъ потугомъ въ Терпиловъ погостъ. А цѣмъ владѣлъ Савелей Григорьевичъ и его братья землею и водою и лѣсы въ Улской губѣ и имъ тѣмъ владѣти и дѣтямъ ихъ. А кто его грамоту переступитъ, и дастъ Новугороду сто рублей" [1]).

Въ жалованной Новгородской грамотѣ, данной Соловецкому монастырю, на Соловецкій, Анзерскій и др. острова, между прочимъ, говорится:

„Били челомъ Игуменъ Иваня и всѣ старцы монастыря: архіепископу Новгорода и Пскова, степенному посаднику, старымъ посадникамъ, степенному тысяцкому, старымъ тысяцкимъ, боярамъ, житьимъ людямъ, купцамъ, чернымъ людямъ и всему *Господину Государю Великому Новгороду, всѣмъ пяти концамъ на вѣчѣ, на Ярославлѣ дворѣ.* Обитель наша удалена отъ людей и очень бѣдна. хорошо, если бы Великій Новгородъ пожаловалъ насъ бѣдныхъ островками.... и *Господинъ Государь Великій Новгородъ вся 5 концевъ, на вѣчѣ, на Ярославлѣ дворѣ, пожаловалъ игумена и вся старци обители Святого 7 острова....* и тыхъ островъ землею и ловищами и тонями и пожнями и озеры.... а бояромъ Новгородскимъ и Корельскимъ, ни иному никому, въ ты острови не вступатися.... а кто пріѣдетъ на тыи острови на ловлю или на добытокъ тымъ давати въ монастырь изо всего десятину.... а боронити игумена и всихъ старцевъ всимъ Великимъ Новымъ городомъ. А кто эту грамоту нарушитъ — даетъ Новгороду сто рублевъ въ стѣну. *Повелѣніемъ Господина Великаго Новгорода къ сей грамотѣ приложены печати всѣхъ пяти концевъ*" [2]).

Жалованными Новгородскими грамотами Троицко-Сергіеву монастырю, составленными „на вѣчѣ, на Ярославлѣ дворѣ", монастырскіе возы и ладьи, отправляемые въ Новгородскія владѣнія, освобождены отъ пошлинъ, а старцы, атаманы и осначеи отъ подсудности Новгородскимъ посадникамъ. За нарушеніе грамотъ наложенъ штрафъ въ пятьдесятъ рублей, въ пользу Господина Государя Великаго Новгорода [3]).

Новгородское вѣче выдавало данныя грамоты на государственныя имущества. Такъ, въ 1437 году, Новгородское вѣче выдало данную князю Василію Васильевичу на черный боръ, по Новоторскимъ волостямъ, иначе сказать, назначило ему жалованье за службу Новгороду, при чемъ точно опредѣляется количество сбора, въ видахъ огражденія интересовъ, какъ Новоторжцевъ, такъ и самого князя. Содержаніе грамоты слѣдующее:

[1]) Акты Истор., № 17. стр. 26.
[2]) Акты Арх. Экспед., № 62, стр. 46.
[3]) Акты Арх. Эксп., № 42, стр. 32, и № 104, стр. 80.

„Отъ посадниковъ, тысяцкихъ, бояръ, житьихъ людей, купцевъ, черныхъ людей, отъ всего Великаго Новгорода, *на вѣчѣ, на Ярославлѣ дворѣ, и дахомъ черный боръ на сей годъ* Великому Князю Василью Васильевичу, *а брати* Князя Великаго черноборцамъ на Новоторжскихъ волостяхъ на всѣхъ, *куды пошло по старинѣ, съ сохи по гривнѣ по новой, а писцу княжу мортка съ сохи*.... а въ соху два коня да третье припряжъ; неводъ за соху, лодья за 2 сохи; а кто сидитъ на неполовьи, на томъ взяти за половину сохи.... *А кормъ* съ десяти сохъ Князя Великаго черноборцамъ *взяти.... какъ пошло; а брати имъ* куды и преже сего черноборцы брали, *по старинѣ*" [1]).

На вѣчѣ Новгородскомъ составляются отказныя грамоты, которыми Великій Новгородъ уступаетъ свои владѣнія. До насъ дошла отказная Новгородская грамота на Двинскія земли, которою Новгородъ извѣщаетъ населеніе Двинскихъ земель о снятіи съ нихъ присяги въ подданствѣ и вѣрности Великому Новгороду и переходѣ ихъ въ подданство великихъ князей Московскихъ, по волѣ верховнаго правительства Новгородскихъ земель. Грамота говоритъ:

„По благословенію Новгородскаго владыки, отъ посадниковъ, тысяцкихъ, степенныхъ и старыхъ, отъ бояръ, житьихъ людей, купцевъ, черныхъ людей, ото всего Великаго Новгорода, *съ вѣча, съ Ярославля двора* на Пинегу, Кавралу, Чаколу, Пермскіе, Мезень, Пиліи горы, Немьюгу, Пинѣжку, Вылю и на Суру поганую, къ тамошнимъ старостамъ и ко всѣмъ христіанамъ. Что васъ наимали за себе Новгородцы и васъ къ цѣлованію привели, на *Новгородское имя:* ино то земли Великаго Князя Ивана Васильевича всея Руси, и сына его В. К. Ивана Ивановича всея Руси: а то крестное цѣлованіе Новугороду съ васъ доловъ" [2]).

Въ одномъ изъ списковъ Двинскихъ земель, дошедшемъ до насъ и относящемся ко времени изданія только-что приведеннаго нами акта, перечисляются волости Двинской земли, и между прочимъ говорится:

„А се выписаны волости Великаго Князя Двинскія, у Ѳедора, у Первупскаго, и у Ѳедора у Левонтьева писмика. На Пинезѣ, Кевроло, Чаколо, Пермскіе, Мезень, Выя, Пынѣжка, Немьюго, да Пиліи горы: *а тѣ волости отдали Новгородцы Великому Князю Василью,* своими приставы Ѳедоромъ Малымъ" [3]).

На вѣчѣ Новгородскомъ составляются *договорныя-союзныя грамоты* Новгорода съ князьями, противъ общихъ враговъ, какъ дока-

---

[1]) Акты Арх. Эксп., № 32, стр. 24.

[2]) Акты Арх. Эксп., № 93, стр. 72.

[3]) А. А. Э. № 94, стр. 74. Здѣсь подъ словами «*отдали Новгородцы*», какъ мы сейчасъ видѣли, должно разумѣть постановленіе Новгородскаго вѣча, на Ярославлѣ дворѣ. Замѣтимъ кстати, что въ одной и той же волости были земли, принадлежащія Новгороду, какъ государству, и земли, уступленныя Новгородомъ князю, монастырямъ и пр.

зываетъ договорная союзная грамота (1372 г.) Новгорода съ князьями Дмитріемъ Ивановичемъ и его братомъ Владиміромъ Андреевичемъ противъ Тверскихъ и Литовскихъ князей, закрѣпленная обоюднымъ крестнымъ цѣлованіемъ [1]).

Новгородское вѣче составляло *срочныя грамоты*, объ уплатѣ контрибуціи, какъ свидѣтельствуютъ указанія лѣтописей и слѣдующая сохранившаяся срочная грамота 1471 года:

„Се добилъ челомъ Великимъ Князьямъ архіепископъ Новгорода и Пскова Ѳеофилъ, посадники Новгородскіе и житьи люди *по Новгородскому велѣнію всего Новгорода,* за Новгородскую проступку полушестьнадцати тысячи рублей деньгами въ отчетъ, а серебромъ въ отвѣсъ. А дати намъ то серебро.... въ тые сроки, по крестному цѣлованію“ [2]).

На Новгородскомъ вѣчѣ, съ участіемъ князя, разсматривались и утверждались *договоры съ иноземцами,* какъ доказываютъ сохранившіеся договоры съ Нѣмцами. Такъ, введеніе къ договору Новгорода съ Нѣмецкими городами и Готландомъ, заключенному въ 1270 году, начинается такъ: „Я, Князь Ярославъ, съ посадникомъ Павломъ, съ тысяцкимъ господиномъ Ратиборомъ, со старѣйшинами и *со всѣми Новгородцами* и съ Нѣмецкимъ посломъ Вульнеппундомъ изъ Любека, съ Добридомъ и Курингомъ — и Готландцами, разсмотрѣли и утвердили миръ и подписали нашу правду, согласно съ вашими письмами, для васъ, Нѣмецкихъ сыновъ и Готландцевъ и всѣхъ Латинскихъ языковъ“ [3]). Форма выраженія этого вступленія къ договору Новгорода съ Нѣмцами можетъ навести на мысль, что въ дѣлахъ внѣшнихъ, въ сношеніяхъ съ иноземцами, Новгородскій князь имѣлъ равное значеніе съ Новгородскимъ вѣчемъ, или по крайней мѣрѣ, большее значеніе, нежели во внутреннихъ дѣлахъ; но такое заключеніе, можетъ-быть, опровергается слѣдующими доводами, доказывающими, что князь играетъ здѣсь роль высшаго исполнительнаго органа, рядомъ съ посадникомъ и тысяцкимъ, на обязанности которыхъ лежала охрана договора. Второстепенную роль князя въ заключеніи этого договора доказываетъ *прежде всего* содержаніе самаго договора. Такъ, статья первая говоритъ: „Если гостю что-либо приключится на Невѣ, то должны отвѣчать лѣтнему гостю *князь и Новгородцы,* а гости зимніе должны пріѣзжать съ порукою *князя, посадника и всѣхъ Новгородцевъ* и

[1]) А. А. Э. № 8, стр. 4.

[2]) А. А. Э. № 90, стр. 65.

[3]) См. разсужденіе г. Андреевскаго: О договорѣ Новгорода съ Нѣмецкими городами и Готландомъ. 1855. Здѣсь приведенъ и текстъ договора.

должны брать Новгородскаго пристава". Здѣсь князь является еще рядомъ съ Новгородцами, какъ будто съ одинаковыми правами; но далѣе о немъ уже не упоминается, и Нѣмцы имѣютъ дѣло съ одними Новгородцами. „Если какой-нибудь Нѣмецъ или Готландецъ для торговыхъ дѣлъ отправится въ Корелію, и ему тамъ что-либо приключится, то *Новгородцамъ* до того дѣла нѣтъ". Ст. восьмая: „Если лоцманы поссорятся съ гостями и дорогою примириться не успѣютъ, то должны явиться къ судебному разбирательству передъ тысяцкимъ и Новгородцами во дворѣ св. Іоанна". Ст. одиннадцатая: „Если возникнетъ между Нѣмцами и Новгородцами ссора, то она должна быть покончена при посадникѣ, тысяцкомъ и при купцахъ". Ст. пятнадцатая: „Въ случаѣ если бы лѣтніе и зимніе гости имѣли въ чемъ-либо раздѣлаться судомъ, то они должны это покончить передъ *тысяцкимъ, старшинами и Новгородцами*". Вовторыхъ, то же доказываетъ свидѣтельство другихъ письменныхъ памятниковъ, касающихся отношеній Новгорода къ иноземцамъ, изъ коихъ видно, что постановленія, касающіяся этихъ отношеній, есть дѣло Новгородцевъ, то-есть, Новгородскаго вѣча. Такъ, въ грамотѣ Любскимъ купцамъ въ Новгородѣ говорится, что Новгородцы издали новое, несправедливое постановленіе, направленное противъ правъ Нѣмецкихъ купцевъ. Наконецъ, втретьихъ, то же доказываютъ договоры Новгорода съ князьями, гдѣ Новгородцы ставятъ условіемъ княженія въ Новгородѣ ненарушимость ихъ крестныхъ грамотъ съ Нѣмецкими городами. Напримѣръ, въ договорѣ Новгорода съ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ прямо сказано: „А что ти грамотъ крестныхъ Новгороду со всѣми городы съ Нѣмецкими, на тѣ ти грамоты, княже, не наступать" [1].

Приведенныя свидѣтельства мы считаемъ достаточными для доказательства самой обширной правительственной дѣятельности Новгородскаго вѣча, какъ органа димократіи. Факты собраны нами съ возможною полнотою и въ томъ видѣ, въ какомъ представляютъ ихъ источники, а потому читателю, спеціалисту и неспеціалисту, провѣрить наши выводы не трудно. Всѣ верховныя правительственныя функціи въ Новгородѣ принадлежатъ вѣчу: оно назначаетъ высшихъ государственныхъ сановниковъ и отрѣшаетъ ихъ отъ должности, опредѣляя имъ жалованье; оно безусловно распоряжается государственными имуществами, опредѣляетъ государственныя подати и повинности, рѣшаетъ вопросы войны и мира, высылаетъ войска къ мѣсту

[1]) С. Г. Гр. и Дог. № 8, стр. 9.

военныхъ дѣйствій, посылаетъ войску грамоты о прекращеніи военныхъ дѣйствій, составляетъ постановленія объ уплатѣ государствомъ контрибуціи и о срокахъ уплаты, отряжаетъ пословъ для внѣшнихъ сношеній, выслушиваетъ ихъ отчеты, принимаетъ посольства и даетъ имъ отвѣты, дѣлаетъ постановленія о торговлѣ и предоставляетъ привилегіи своимъ подданнымъ и иностранцамъ, — однимъ словомъ, оно составляетъ верховный правительственный и законодательный органъ государства. Сановники Новгородскіе дѣйствуютъ въ правительственной сферѣ только на основаніи порученія Новгородскаго вѣча, какъ непосредственные его органы, въ границахъ, опредѣленныхъ Новгородскимъ вѣчемъ, его договорными, судными и другими грамотами.

Скажемъ наконецъ нѣсколько словъ о правѣ призванія князя Новгородскимъ вѣчемъ. Право избранія князя въ Новгородѣ было не фактическимъ, случайнымъ, борющимся съ другими началами, въ ряду которыхъ право призванія играетъ послѣднюю роль (какъ въ южныхъ и сѣверо-восточныхъ волостяхъ Россіи), а законнымъ, юридическимъ, исключительно опредѣляющимъ положеніе Новгородскаго князя [1]). Лучшіе представители изъ потомковъ Ярослава Владиміровича, какъ намъ уже извѣстно, Владиміръ Мономахъ, Изяславъ Ростиславичъ, Мстиславъ Храбрый и Мстиславъ Удалой, являются защитниками вольностей Новгородскихъ и вооружаются за нихъ противъ родственниковъ своихъ, даже родныхъ дядей, что считалось особенно большимъ грѣхомъ [2]). Почему это? Конечно, потому что вольности Новгородскія были результатомъ воли еще старшаго родственника — дѣда и прадѣда. Въ 1140 году Новгородцы избрали себѣ княземъ Святослава Всеволодовича, сына великаго князя Кіевскаго, но скоро раздумали и обратились къ Всеволоду съ такими словами: „Не хочемъ сына твоего, ни брата (котораго за нѣсколько времени передъ этимъ выгнали изъ Новгорода „про его насиліе"), ни племени вашего (то-есть, Святославичей Черниговскихъ), но хочемъ племени Володимеря: дай намъ шурина твоего Мстиславича". Всеволодъ, не желая выпустить Новгородскіе доходы изъ своего рода, призвалъ шурьевъ своихъ, далъ имъ Берестье и запретилъ идти въ Новгородъ, говоря: „О Новгородѣ не

[1]) П. С. Р. Л. I, II, III, IV и др. Годы 1064, 1093, 1102, 1125, 1136, 1138, 1140, 1142, 1154, 1158, 1161, 1162, 1168, 1170, 1174, 1177, 1178, 1180, 1181, 1184. Въ 1186 году «вси князи Русскіе выложиша Новгородъ въ свободу: гдѣ любо, туто собѣ Князя поимають» (П. С. Л., XV, стр. 286).

[2]) П. С. Р. Л., II, III, 1118 годъ, стр. 40, 1188 годъ; IV, Новг. 4 л., стр. 20.

хлопочите, пусть ихъ сидятъ одни, пусть берутъ себѣ князя, какого хотятъ". Послѣ этого Новгородцы девять мѣсяцевъ оставались безъ князя. Наконецъ, нужда въ съѣстныхъ припасахъ, подвозъ которыхъ, съ одной стороны, задерживалъ князь Суздальскій, съ другой — Кіевскій, принудила Новгородцевъ обратиться къ врагамъ своимъ князьямъ Суздальскимъ, и пригласить Ростислава Юрьевича [1]). Подъ 1173 году лѣтописецъ разказываетъ, какъ Андрей Суздальскій соединилъ „толико множество вой, яко и числа нетуть", и послалъ ихъ подъ Новгородъ, чтобы принудить Новгородцевъ снова избрать избраннаго имъ князя. Но „не успѣша ничтоже городу ихъ, и возвратишася во своя, одва дома своя доѣхаши пѣши".

Желая извинить и оправдать предпріятія Андрея Боголюбскаго и произведенное имъ разореніе Новгородскихъ волостей, лѣтописецъ высказываетъ слѣдующія очень важныя свидѣтельства: „Не глаголемъ же: прави суть Новгородцы, *яко издавна суть свобожены прадѣды Князь нашихъ;* но злое невѣрствіе въ нихъ вкоренилося: крестъ къ княземъ преступати и князь внуки и правнуки обезчествовати и соромляти, крестъ честный къ нимъ цѣловавши переступати. То доколѣ Господеви терпѣти надъ ними? За грѣхи навелъ и наказаніе, по достоянью, рукою благовѣрнаго князя Андрея" [2]). То-есть: мы не скажемъ, что Новгородцы правы потому только, что издавна получили свободу отъ прадѣдовъ князей нашихъ. Положимъ такъ, но зачѣмъ же они нарушаютъ присягу, для чего, цѣлуя крестъ внукамъ и правнукамъ князя, давшаго имъ вольность, преступаютъ крестное цѣлованіе и самихъ князей безчестятъ и оскорбляютъ? По дѣламъ и наказаны: Богъ не можетъ терпѣть такихъ грѣховъ. Слѣдовательно, Новгородцы виноваты, въ глазахъ лѣтописца, передъ Богомъ за нарушеніе присяги, а передъ князьями только за то, что безчестятъ и оскорбляютъ ихъ. Вольность же Новгородская, въ противоположность съ другими волостями, княжествами древней Россіи, не подлежитъ сомнѣнію, и начало ея возводится къ прадѣдамъ Андрея Боголюбскаго, то-есть, къ прапрадѣду — Ярославу Владиміровичу. Посягательство Суздальскихъ князей на право свободнаго избранія князя Новгородскаго обратило на себя въ 1196 г. вниманіе Приднѣпровскаго съѣзда русскихъ князей, который разсмотрѣлъ это дѣло и подтвердилъ древнее право Новгородцевъ. Лѣтопись говоритъ такъ: „А Новгородъ *выло-*

---

[1]) П. С. Р. Л. Ип., стр. 17 и Исторія Россіи, *Соловьева*, т. II, стр. 121 и слѣд. (изд. 3-е).

[2]) Ип. Л. II.

жиша вси князи въ свободу, гдѣ имъ любо, туто собѣ князя поимають" [1]).

Итакъ, въ Новгородѣ право избранія не было случайнымъ, фактическимъ, неопредѣленнымъ, но законнымъ, юридическимъ, постояннымъ, не нарушимымъ въ продолженіе всей вольной жизни Новгорода. И народъ дорожилъ своею вольностію, дорожилъ болѣе, нежели другими благами жизни, даже самою жизнію, претерпѣвалъ самыя ужасныя лишенія, когда навязывали ему князя или посягали на его политическую свободу, а князя все-таки приглашалъ „на всей своей воли". Но чего народу стоила эта свобода? Въ 1218 году Новгородецъ Матвѣй Душильчевичъ безъ суда былъ арестованъ княземъ Новгородскимъ — Святославомъ. Суздальская партія распустила слухъ, что Матвѣй былъ выданъ Святославу знаменитымъ посадникомъ Твердиславомъ: народъ взволновался; въ разныхъ частяхъ города начали собираться народныя сходки для предварительнаго обсужденія вины Твердислава. Святославъ поспѣшилъ отпустить Душильчевича, но этимъ дѣло не кончилось: городъ раздѣлился на партіи, и дѣло дошло даже до драки, въ которой убито пять человѣкъ. Святославъ, не понимая сущности дѣла и желая примирить партіи, прислалъ на Новгородское вѣче своего тысяцкаго, съ такими словами: „Не могу быть съ Твердиславомъ и отнимаю у него посадничество". Такая выходка Святослава дѣйствительно примирила всѣ партіи: онѣ всѣ соединились въ одинъ голосъ, спрашивая князя: „По какой винѣ онъ желалъ бы лишить Твердислава посадничества?" И когда князь отвѣчалъ: „Безъ вины", то Новгородское вѣче сказало ему: „Княже, оже нѣту вины его, *ты намъ крестъ цѣловилъ безъ вины мужа волости не лишити;* а тобѣ ся кланяемъ, *а се намъ посадникъ, мы его не выдадимъ*". Партіи почувствовали, къ чему ведетъ разъединеніе, въ послѣдствіи и дѣйствительно сгубившее Новгородъ, поспѣшили заключить миръ, перецѣловались въ подкрѣпленіе единенія и разошлись по домамъ, а Твердиславъ остался посадникомъ [2]).

Въ 1224 году, Новгородскій князь Всеволодъ Юрьевичъ поссорился съ нѣкоторыми изъ лучшихъ Новгородцевъ, и зная невозможность отомстить имъ безъ согласія Новгородскаго вѣча, удалился тайно въ Торжокъ, вызвалъ туда отца своего съ полками и другихъ родичей и думалъ силою принудить Новгородцевъ къ выдачѣ его против-

[1]) П. С. Р. Л., т. XV, Тв. л., стр. 286.
[2]) Новг. л. I.

никовъ. Новгородцы, узнавъ объ этомъ, послали къ Юрію двухъ пословъ съ словами: „Князь! отпусти къ намъ сына своего, а самъ уходи изъ Новгородскихъ владѣній“. Юрій отвѣчалъ: Выдайте мнѣ моихъ противниковъ, а если не выдадите, то знайте: „поилъ я моего коня Тверью, напою и Волховомъ“. Услышавъ такой отвѣтъ, Новгородцы поняли грозившую опасность, покончили домашніе раздоры, забыли частныя дѣла, и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, поклялись умереть за св. Софію и Великій Новгородъ. Немедленно принялись за укрѣпленіе города, собрали войска со всѣхъ волостей, засѣкли дороги, выставили на нихъ сторожевые отряды, а къ Юрію послали сказать: „Князь, тебѣ кланяемся, а братьевъ своихъ не выдадимъ, пока живъ твой мечъ, а наши головы; лучше, не проливай крови“. Юрій увидѣлъ, что попытка его запугать Новгородцевъ не удалась, что, пожалуй, изъ-подъ Новгорода придется возвратиться съ тѣмъ, съ чѣмъ возвратился 16 лѣтъ назадъ съ Липецкой битвы, а потому заблагоразсудилъ послать къ Новгородцамъ съ предложеніемъ въ князья даже не сына своего, а желаемаго Новгородцами Михаила Всеволодовича Черниговскаго. Новгородцы согласились [1]).

Въ 1228 году князь Новгородскій Ярославъ Всеволодовичъ задумалъ отомстить Псковичамъ за то, что Псковичи заперли передъ нимъ ворота города, когда Ярославъ захотѣлъ посѣтить Псковъ и узнать силу засѣвшей тамъ противной ему партіи. Ярославъ жаловался на поступокъ Пскова Новгородскому вѣчу, но вѣче оправдало Псковичей, по крайней мѣрѣ не сдѣлало никакого распоряженія въ пользу князя. Тогда Ярославъ прибѣгнулъ къ хитрости: вызвалъ (съ согласія вѣча) свои полки изъ Переяславля и пригласилъ Новгородцевъ предпринять походъ на Ригу, а на пути надѣялся напасть на Псковъ. Но Новгородское вѣче наотрѣзъ отказало князю въ походѣ на Ригу: „Нейдемъ на Ригу, сказало оно, безъ своей братьи Псковичей (Псковичи, конечно, отказались), а тебѣ, князь, кланяемся“. Тогда Ярославъ отправилъ домой полки свои, да и самъ съ женою послѣдовалъ за ними въ Переяславль, оставивъ въ Новгородѣ малолѣтнихъ сыновей своихъ Θедора и Александра и думая тѣмъ испугать Новгородцевъ. Но вышло иначе. Новгородское вѣче предало суду сторонниковъ Ярослава: владыку Арсенія, тысяцкаго Вячеслава и его брата Богуслава, владычня стольника Андрея, Давыдку, Судомира, старосту Душильца и др. Арсеній былъ отправленъ на Хутынь, а на его мѣсто

[1]) Новг. 4.

посадили Антонія; имущество Вячеслава, Богуслава, Андрея, Давыдка и Судомира предано на разграбленіе; староста Душилецъ—повѣшенъ. Къ Ярославу же отправило вѣче посольство, съ словами: „Поѣзжай къ намъ, княже, но напередъ откажись отъ всѣхъ новинъ, которыя ты затѣялъ, преступивъ крестное цѣлованіе къ Новгороду, *не посылай своихъ судей по волостямъ.* Только на всей нашей волѣ, на всѣхъ грамотахъ Ярослава — ты намъ князь. Если же на это не согласенъ, то мы себѣ, а ты себѣ". Въ отвѣтъ на это намѣстникъ, тіунъ и сыновья Ярослава бѣжали тайно, ночью, изъ Новгорода. На другой день вѣче Новгородское рѣшило такъ: „Должно быть, князь задумалъ какое-нибудь зло на св. Софію, и отъ того побѣжалъ, вѣдь мы ихъ не гнали и князю не сдѣлали никакого зла; мы казнили только свою братью. Да судитъ ихъ Богъ и честный крестъ! А мы промыслимъ себѣ князя". Тутъ же всѣ бывшіе на вѣчѣ цѣловали икону св. Богородицы и клялись быть за одно въ защитѣ свободы Новгорода. Княземъ былъ избранъ снова Михаилъ Черниговскій, который и цѣловалъ крестъ Новгороду „княжить на всей волѣ Новгородской и на всѣхъ грамотахъ Ярославлеихъ" [1]).

Чтобы подчинить своему вліянію Новгородское вѣче, Суздальскіе князья прибѣгали къ средствамъ самымъ ужаснымъ по своимъ результатамъ для Новгорода. Земля Новгородскаго государства не производила достаточнаго количества хлѣба для прокормленія всѣхъ Новгородцевъ, вслѣдствіе чего Новгородцы питались хлѣбомъ, подвозимымъ изъ южныхъ и преимущественно изъ северо-восточныхъ. приволжскихъ княжествъ. Этимъ-то несчастнымъ положеніемъ Новгорода пользовались князья Суздальскіе и вынуждали иногда Новгородское вѣче выбирать себѣ князя изъ Суздальскихъ князей, противныхъ народу. Чтобы понять всю важность этого факта, мы приведемъ разказъ лѣтописи о событіяхъ въ Новгородѣ въ 1230 году. Въ этомъ году поздній морозъ побилъ хлѣбъ на поляхъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Ярославъ Всеволодовичъ Переяславскій, чтобы въ конецъ обезсилить Новгородъ и подчинить его своему вліянію, и остановилъ всѣ обозы съ хлѣбомъ, шедшіе въ Новгородъ. Хлѣбъ вздорожалъ чрезвычайно и дошелъ до неслыханной цѣны, по фунту серебра за четверть ржи. Несчастные Новгородцы съѣли всѣ хлѣбные запасы, переѣли мохъ, кору съ деревьевъ, листья, коней, собакъ, кошекъ, и обезумѣвъ съ отчаянія и голода, стали ѣсть валяющіеся и

[1]) П. С. Р. Л., III, Новг. 1-я л

гніющіе человѣческіе трупы; а иные начали рѣзать и пожирать живыхъ людей; пойманныхъ въ этомъ звѣрствѣ жгли огнемъ, другихъ вѣшали, третьимъ отрубали головы. Скудельницы давно наполнились мертвецами, некуда да и некому было хоронить умершихъ, во множествѣ валявшихся по улицамъ и площадямъ. Родители продавали дѣтей въ рабство пріѣзжимъ купцамъ, лишь бы добыть кусокъ хлѣба; изъ-за куска хлѣба люди рѣзались другъ съ другомъ; отцы и матери не дѣлились хлѣбомъ съ родными дѣтьми и безсмысленно смотрѣли, какъ они съ голода умирали на ихъ глазахъ. Люди приходили къ гробамъ отцевъ своихъ и говорили: „благо вамъ яко преже сего горькаго часа изомроша“. Мало того, къ голоду присоединились поджоги, производившіе страшные пожары, въ которыхъ погибло множество людей. Наконецъ, когда чаша бѣдствій уже переполнилась, приплыли Нѣмцы моремъ, привезли жита и муки, чѣмъ и спасли Новгородъ отъ конечной его гибели [1]). Вотъ до какихъ послѣдствій доводили Новгородъ положеніе страны и властолюбіе князей Суздальскихъ. Эти бѣдствія не одинъ разъ посѣщали Новгородъ, и не смотря на то, Новгородцы все-таки приглашаютъ князя „на всей волѣ Новгородской, на всѣхъ грамотахъ Ярослава“. И только тогда князья уничтожили волю Новгорода и Пскова, когда уничтожили вольныхъ Новгородцевъ и Псковичей. Извѣстны катастрофы покоренія Новгорода и Пскова, и мы не будемъ о нихъ распространяться. Замѣтимъ только, что великіе князья Московскіе тогда лишь покончили съ вѣчемъ Новгорода и Пскова когда почти цѣликомъ перевели Новгородцевъ и Псковичей въ Московское княжество, а вѣчевые города ихъ заселили Москвичами. Замѣтимъ еще, что первыми условіями подчиненія Новгорода и Пскова Московскіе князья ставятъ уничтоженіе *вѣча*, вѣчевыхъ чиновъ, вѣчеваго колокола и вѣчеваго *суда*. „А Новгородской старинѣ ни которой не быти: ни вѣчю, ни суду, ни посаднику, ни тысяцкому. А не быти въ Новгородѣ ни посадникомъ, ни тысяцкымъ, ни вѣчю, а вѣчной колоколъ сняли доловъ и на Москву свезоша“ [2]).

Подъ 1510 годомъ Псковскій лѣтописецъ, описывая паденіе политической самостоятельности Пскова, извѣщаетъ, что когда посолъ великаго князя Московскаго Василія Іоанновича объявилъ на вѣчѣ волю великаго князя, чтобы вѣча не было, да и колоколъ бы вѣчный сняли, то у Псковичей „исполнилися бяше очи слезъ, что у сосцу матери своея, то токмо тыя слезъ не испустили, яко млады и нера-

[1]) П. С. Р. Л., III, Новг. л. 1-я; IV, Новг. л. 4-я, Пск. л. 1-я.
[2]) П. С. Р. Л., IV, Новг. 4-я л., стр. 136; Пск. 1-я л., стр. 258 и 260.

зумны суще“. Долматову, послу князя, отвѣчали: „Посолъ государевъ! подожди до утра; мы подумаемъ и отвѣтъ дадимъ“. Посолъ удалился съ вѣча, и тутъ Псковичи горько заплакали. „Какъ зеницы не упали со слезами вкупѣ? Како не урвалося сердце отъ корени?“ Вынужденное обстоятельствами, вотъ что̀ отвѣчало Псковское вѣче послу великаго князя: „У насъ въ лѣтописяхъ записано, что отъ прадѣдъ, дѣдовъ и отецъ нашихъ положено крестное цѣлованіе съ великими князьями: намъ, Псковичамъ, отъ великаго князя не отходить ни въ Литву, ни къ Нѣмцамъ; намъ же жить по старинѣ, въ добровольи. Если мы отойдемъ въ Литву, или къ Нѣмцамъ, или станемъ жить безъ государя, тогда на насъ гнѣвъ Божій, и гладъ, огнь и потопъ, и нашествіе поганыхъ; а если и государь крестное цѣлованіе нарушитъ и не станетъ насъ въ старинѣ держати, то и на него тотъ же обѣтъ. Нынѣ воленъ государь и въ Псковѣ, и въ насъ, и въ колоколѣ нашемъ: мы присяги не нарушимъ, кровопролитья не хочемъ взять на свою душу и отъ государя въ городѣ не запремся: если желаетъ, можетъ свободно ѣхать во Псковъ“. И спустили вѣчный колоколъ у Св. Живоначальной Троицы, и плакали Псковичи, глядя на колоколъ *по своей воли, по своей старинѣ*, и повезоша вѣчный колоколъ къ великому князю въ Новгородъ“. Василій Іоанновичъ не заставилъ себя долго ждать. Его встрѣтилъ владыка благословеніемъ и такими словами: „Богъ де тебя, государя, благословляетъ, *Псковъ вземши*“. А между тѣмъ войны не было. Очень немногіе Псковичи оставлены во Псковѣ. Великій князь посадилъ во Псковѣ намѣстниковъ своихъ и дьяковъ и „12 городничихъ, и старостъ Московскихъ 12, и Псковскихъ 12, и велѣлъ имъ въ судѣ сидѣти съ намѣстники и съ тіуны, *правды стеречи*. И у намѣстниковъ, и у ихъ тіуновъ, и у ихъ дьяковъ правда ихъ взлетѣла на небо, и Псковичи бѣдные не вѣдаша правды Московскія. И далъ князь свою грамоту уставную Псковичамъ“ [1]).

Описаніе уничтоженія воли Пскова и Псковичей лѣтописецъ заключаетъ такъ: „И тогда отъята слава Псковская, и бысть плѣненъ не иновѣрными, но своими единовѣрными людьми. И кто сего не восплачетъ и не возрыдаетъ“? И самъ лѣтописецъ заплакалъ и отпѣлъ народоправствамъ послѣднюю, могильную, трогательную пѣсню.

Эта прощальная пѣсня, въ которой, между прочимъ, говорится о самоволіи Псковичей и непокореніи другъ другу, о злыхъ клеветахъ и лихихъ дѣлахъ, о неразумномъ кричаніи на вѣчахъ, когда голова не знаетъ, что̀ языкъ говоритъ, о притязаніи управлять городомъ при

[1]) П. С. Р. Л., IV, Пск. 1-я л., стр. 287.

неумѣньи управиться собственнымъ домомъ, — это прощальное слово указываетъ, что уже современники оцѣнили политическое значеніе чистой димократіи.

Представленныхъ нами фактовъ, полагаемъ, достаточно для доказательства верховно-политическаго значенія Новгородскаго и Псковскаго вѣча: всѣ функціи верховной государственной власти соединены въ немъ. Князь является только высшимъ исполнителемъ вѣчевыхъ рѣшеній, дѣйствующимъ въ границахъ, опредѣленныхъ вѣчемъ, имѣющимъ право независимаго изданія постановленій, суда и управленія только во владѣніяхъ, принадлежащихъ ему по частному праву, наряду съ монастырями и другими частными владѣльцами. Вѣче сѣверныхъ народоправствъ, какъ верховный политическій органъ государства, соединяетъ въ себѣ верховную законодательную дѣятельность: основные законы государства составляются на вѣчѣ, чему доказательствомъ служатъ судныя, жалованныя, вводныя, отказныя, договорныя съ князьями и прочія грамоты. Основной законъ Пскова, Псковская судная грамота, прямо говоритъ: „А если встрѣтится случай, на который закона нѣтъ, посадникъ обязанъ доложить господину Пскову, *на вѣчѣ,* чтобы законъ составить. Если какое изъ правилъ сей грамоты въ послѣдствіи не понравится господину Пскову, и онъ то правило уничтожитъ". Новгородскому и Псковскому вѣчу, какъ верховному органу государства, принадлежитъ верховная судебная дѣятельность, какъ это видно изъ множества указаній лѣтописей и содержанія судныхъ грамотъ и договорныхъ съ князьями; наконецъ, Новгородское и Псковское вѣче соединяетъ въ себѣ верховныя правительственныя функціи государства: оно назначаетъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, князя, посадника, тысяцкаго и владыку; назначаетъ имъ жалованье, предаетъ суду и отрѣшаетъ отъ должности, безусловно распоряжается государственными имуществами, опредѣляетъ государственныя подати и повинности; рѣшаетъ вопросы войны и мира, высылаетъ войска къ мѣсту военныхъ дѣйствій, посылаетъ войску грамоты о прекращеніи военныхъ дѣйствій; составляетъ постановленія о производствѣ денежныхъ уплатъ государствомъ, о срокахъ уплаты; отряжаетъ пословъ для внѣшнихъ сношеній, выслушиваетъ ихъ отчеты, принимаетъ посольства и даетъ имъ отвѣты; дѣлаетъ постановленія о торговлѣ и предоставляетъ привилегіи своимъ подданнымъ и иностранцамъ [1]).

---

[1]) Сравни съ нашимъ выводомъ г. *Сергѣевича* «Вѣче и Князь» стр. 60 и слѣдующія; г. *Соловьева:* «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ»

Послѣ всего сказаннаго трудно понять, какимъ образомъ, изучая вѣчевой бытъ древней Россіи, изслѣдователи приходятъ къ слѣдующему опредѣленію вѣча: „*Всякое народное собраніе,* какъ только оно имѣетъ своимъ предметомъ общественныя дѣла, и желаетъ, чтобъ его мнѣніе было принято всѣмъ остальнымъ народомъ, *есть вѣче, гдѣ бы оно ни собралось*“ [1]). По этому опредѣленію, всякое народное сходбище, какъ законное, такъ и незаконное, — общинную сходку, случайный сходъ, съѣздъ, заговоръ, мятежъ, бунтъ и проч., — можно было бы принимать за вѣче.

стр. 2, 3 и слѣдующія; г. *Чичерина:* «Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ, стр. 24; г. *Костомарова:* «Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльнаго вѣчеваго уклада» т. II, стр. 35 — 41; *Бѣляева:* «Разказы изъ русской исторіи» кн. II, стр. 156—168; г. *Неволина:* «Полное собраніе сочиненій» т. VI, стр. 112—115.

[1]) См. «Вѣче и Князь», г. Сергѣевича, стр. 60.

